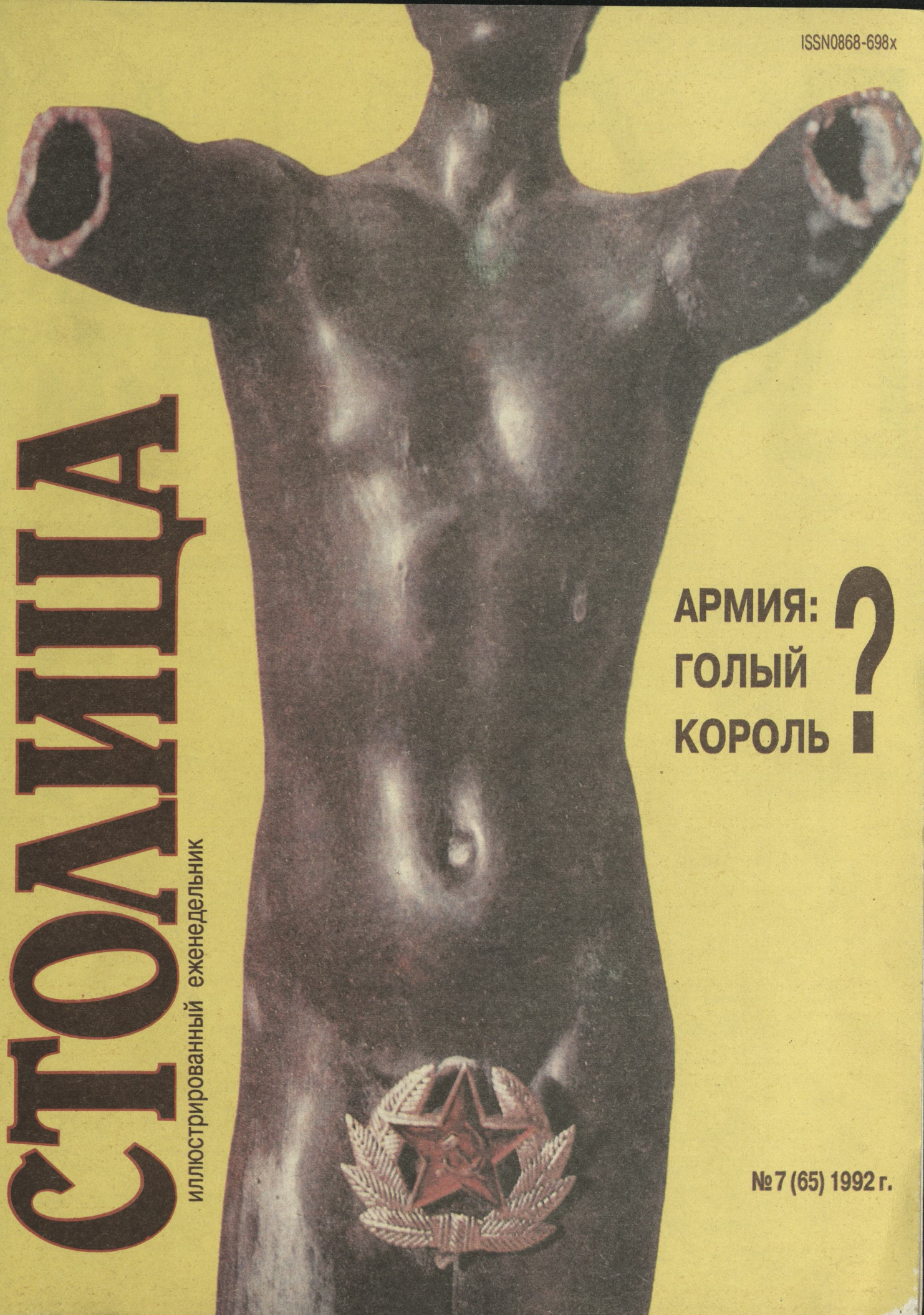

СТОЛЫЩА

иллюстрированный еженедельник

АРМИЯ: ?
ГОЛЫЙ ?
КОРОЛЬ ■

№7 (65) 1992 г.

отделение АО РТСБ

Б П Р Ж А

РОССИЙСКИЙ МЕТАЛЛ

Отделение Российской товарно-сырьевой биржи — биржа «Российский металл» объявляет аукцион по продаже своих акций.

«Российский металл» — это производители более 80% черных и 60% цветных металлов.

Покупка акции со стартовой ценой 3 млн. рублей дает Вам возможность на открытие собственной брокерской фирмы. Выйдя на самый емкий рынок металлов, Вы сможете приобретать и реализовывать любые товары и услуги на РТСБ.

Получить информацию о проведении аукционов, а также дать заявку на приобретение акции биржи Вы можете по телефону: 236-99-36

Александр Минкин

ПО КУРГАНАМ ЗНАКОМЫМ ЗА ЛЮБИМЫМ НАРКОМОМ

«Все куплю»,

— *сказало золото;*

«Все возьму»,

— *сказал булат.*

Классика

Всю жизнь мы вооружались. Жили в кольце врагов. Ковали оружие.

*Если завтра война,
Если враг нападёт,
Если темная сила нагрянет...*

Нагрянула гуманитарная помощь. А черной силой оказались мы сами. Сами для себя. Вся страна, все население — враги народа.

Русские танкисты — враги бакинского и тбилисского народа. Бакинцы — враги армянского народа. Грузины (слава Богу, не все) — враги осетин, молдаване — враги русских и гагаузов...

Нищета, национальные распри, территориальные конфликты, имперские комплексы...

Удручены все, озлоблены многие, агрессивность стремительно нарастает во всех слоях.

Но есть один «слой», который удручен и озлоблен чуть ли не больше всех. И этот слой — единственный, который вооружен. Это — Советская Армия.

Десятилетиями весь советский народ четыре дня из пяти работал на армию. Танки, подлодки, ракеты, бомбардировщики. «Лишнюю» техни-

ку бесплатно в Африку, сами — впроголодь.

Народ работал. Армия, судя по календарю, праздновала. День танкиста, День ракетчика, День истребителя, День подлодок, эсминцев и авианосцев, День Советской Армии. Все больше праздников, все больше маршалов и генералов, все роскошнее их дачи, все больше самоубийц, все больше дезертиров.

Несколько раз за эти десятилетия армия пригодились. Победы в Будапеште, Берлине, Праге — неоспоримы. Досадно, однако, что это победы над гражданским населением.

Войну в Афганистане Советская Армия проиграла, точнее — проиграла политики. Войны в Анголе, в Ираке, в Сирии и на Суэце проиграли наши советники, наше оружие.

Но против безоружного обывателя сил более чем достаточно. Для ареста парламента довольно роты. Для ареста правительства достаточно взвода...

Армию хотят разделить, чтобы подчинить.

Армии срезают бюджет — чтобы разоружить.

Армия воспринимает происходящее как попытку политиков уничтожить Великую Армию. Армия уверена, что президенты СНГ объявили ей войну.

С огромной тревогой мир наблюдал недавно офицерское собрание. Долго ли еще армия будет говорить с президентами? Когда она возьмется за оружие, когда предъявит свой профессиональный гусеничный аргумент — будет поздно.

Похоже, президенты СНГ переоценивают свою власть над ситуацией.

Президент Ельцин обратился к Всеармейскому офицерскому собранию по-человечески, по-свойски, по-простому. Кажется, это была не совсем верная интонация.

Президент России предложил армии понятные, нужные вещи: 10 соток, тысячу долларов, разрешение на коммерческую деятельность. Кажется, армия ждала чего-то другого.

Эти обещания не вызвали аллодисментов, паузу для которых президент дал. На лицах блуждали кривые улыбки, кое-кто в досаде качал головой. Телевизор мой советский и очень старый — померещилось, что кто-то покраснел.

Ельцин говорил, как с наемниками: сотки, доллары... Опасно. Армия — не райкомовско-обкомовская шестерка, так просто не купишь. А ежели купишь — то и цена такой армии «10 соток». Осядет, крыжовник посадит, позовешь воевать — спросит: а сколько дадите, если пойду?

Казалось, Ельцин действует по инерции. Оглушенный саратовскими и петербургскими криками про колбасу и сметану, президент и во Дворец съездов принес те же утешения и обещания: сотка, рубль, килограмм. Однако там собралась не уличная толпа. Звезды, лампасы, ордена.

То ли помощники плохо подготовили президента. То ли сказалось отсутствие Ельцина на первой половине офицерского собрания. Он не слышал, как один за другим выступавшие говорили о Чести, о Родине, о Священном Долге.

Почти никто даже не упоминал о зарплате. Упомянулось униженное,

Окончание на с. 3

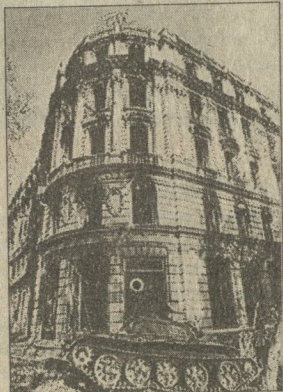
В НОМЕРЕ

1 ПОЛИТИКА

А.Минкин:

В один день — 22 января — «Известия» и «Россия» опубликовали материалы из архивов КГБ. Сенсационные! Совершенно секретные!

14

А.Боссарт:

Грузинский Сократ — Мераб Мамардашвили, затравленный режимом Гамсахурдиа, высказал мысль, которую ему не смогли простить: истина, сказал он, выше понятия нации, выше родины. Истина выше демократии. И, наверно, она выше закона. Но истина состоит в том, что ее нельзя добыть ложными путями.

18

2 ЭКОНОМИКА

П.Хейне:

Словарь определяет спекуляцию как «торговлю в надежде получить прибыль от изменения рыночной цены».

24

И.Михайлов:

Во время недавнего пребывания в США мне довелось проехать за рулем более двух тысяч километров. Если вспомнить дороги, по которым проходил мой путь, то они были всего двух категорий: хорошие и очень хорошие.

26

3 ЖИЗНЬ

И.Стадник:

Постепенно революционный быт налаживался, начальники разъезжались — кто в Дом на набережной, кто к метро «Аэропорт», и оставшиеся вожди зажили по-человечески: одна семья — одна квартира. Соседний же дом... остался среднестатистической коммуналкой.

32

В.Басков:

Сенсация: при правительстве России создана комиссия по вопросам международной гуманитарной и технической помощи. Комиссия занимает шестизэтажный дом...

35

КРИМИНАЛ-ФАКТ

«Если вашу квартиру еще не ограбили — это не значит, что ее не обворуют в будущем», — считает В.Касьяненко, начальник отдела МУРа.

40

4 КУЛЬТУРА

В.Туровский:

Но тысячу раз правы авторы картины, задумавшие показать не политический портрет, а человеческий характер. Характер гораздо более сложный, чем тот, который врывается в наши мрачные будни на 600 секунд.

50

Е.Попов:

Здесь он вел свою таинственную одинокую жизнь, писал свою таинственную одинокую прозу, сюда к нему пришел милиционер с повесткой на габэшную встречу и был, очевидно, поражен, смущен небывалым фактом своей казенной жизни: «клиент» не облял его насчет «прав человека», но и не струсил, не заюлил.

56

Москва, 101425, ГСП, К-51, Петровка, 22
Телефоны: 928-23-49, 921-67-45
Телефакс: 921-29-85
Телекс: 413739 SU

Еженедельник «Столица» учрежден Моссоветом 2 июня 1990 г. Зарегистрирован Министерством печати и массовой информации РСФСР.

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылка на «Столицу» обязательна. Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефону: 928-83-40
По вопросам распространения обращайтесь по телефону: 928-27-69

Главный редактор: Андрей Мальгин
Заместители главного редактора: Петр Смирнов, Владислав Старчевский, Владимир Цыбульский
Заместитель главного редактора по коммерции: Юрий Бычков
Директор издательства: Борис Рабкин
Ответственный секретарь: Анатолий Остроухов
Главный художник: Владимир Петров
Отдел общественно-политической жизни: Сергей Митрофанов
Отдел экономики и науки: Елена Колесникова
Отдел правовых и морально-этических проблем: Елена Салина
Отдел социально-бытовых проблем: Вячеслав Басков
Отдел искусств: Татьяна Савицкая
Отдел оперативной информации: Кирилл Рыбак
Отдел писем: Наталья Туровская
Отдел оформления: Виктор Резников

Подписку за рубежом осуществляет агентство Ecomews: box 378
Geneva 1211 Switzerland.
Fax: 41.22 — 349.05.80
Tel: 41.22 — 349.04.50

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст—2000», поставленной фирмой «Аутопан» (ФРГ)

Номер подписан в печать 07.02.1992 г.
Тираж 156.300

Над номером работали:
П. Смирнов, С. Синявин, И. Мельникова

© «Столица», 1992

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе «Московская правда», ул. 1905 г., д. 7. Зак. 259

Рис. П. Ступенко

Окончание. Начало на с. 1

отчаянное положение армии на окраинах бывшей империи. В Нахичевани местные власти отключили газ. Жены офицеров готовят на кострах. В Даугавпилсе лишают квартир, препятствуют вывозу личного имущества; именно там — послова одного из выступавших — уже раздавался клич: «К оружию!». Где-то оскорбляют кличкой «оккупанты», где-то уже нападают...

Но не эти жалобы составляли суть выступлений.

Безусловное большинство с возмущением говорило о главном: о расчленении единой армии, о растаскивании по национальным квартирам, о новых присягах, несовместимых с офицерской честью.

Остальное — антураж.

Возможно, не все собравшиеся в Кремле офицеры такие уж беззаветные патриоты. В армии, как и во всем обществе, пьют, воруют, лгут. Но здесь, впервые собравшись в таком месте и в такой исторический момент, военные ощутили подъем духа, братство по оружию, историческую ответственность за судьбу великой армии и великой державы...

А тут президент сулит им 10 соток.

А ГКЧП обещал 15.

10 соток и раздел армии. Или 15 соток и единство. Поневоле задумается.

Задумаемся. И если действительно думать, а не махать шашкой, не кричать «в отставку!» — тогда надо попытаться холодно взглянуть со стороны.

Заняться не патриотизмом, но анализом.

Возможно, обещание Ельцина разрешить армии заниматься коммерцией прозвучало если и не оскорбительно, то бестактно. Как?! Мы — о Родине, а нам — о торговле?!

Однако общеизвестно, что армия уже давно занялась коммерцией. Причем в самой непристойной, уголовной форме. Расквартированные в Германии части позорно, на глазах всего мира, торгуют всем. По дешевке спускают шинели, погоны, кокарды...

Да что там форма! Торгуют бензином и — предел позора — продают оружие. И кому? Потенциальному противнику. Как, при таких обычаях, поворачивается язык говорить о чести? Как, при таких нравах, отваживаются офицеры на высокопарные речи о святых традициях русской армии? Загадка. Широта души.

И разве только дойчмарка так легко берет верх над многолетними воспитательными трудами политорганов? В Афганистане (наглядно подтверждая пословицу «Кому война, а кому — мать родна») продавали оружие и боеприпасы врагу. И не потенциальному. Солдаты возвращались в цинках. Прапорщики возвращались миллионерами.

А последнее событие на родимой земле? То в Армении, то в Азербайджане, то в Молдове, а на днях в Очамчири какие-то «группы лиц» нападают на воинские части, отбирают оружие, захватывают ракеты, БТРы, артиллерию... Таких «случаев» — десятки, если не сотни.

В сообщениях не хватает малости. Сведений о потерях личного состава. Армия отдает оружие без боя?! Где же это видано? Спят? Валяются пьяные? Или... Или и тут — простите за цинизм — следовало бы говорить не о захвате, а о продаже?

Если так, то президент Ельцин совершенно резонно предлагал армии материальный выкуп (сотки, доллары) за покорную сдачу идеалов и святых традиций.

Вопрос: сможет ли президент выполнить обещания? Нарезать по 10 соток, допустим, миллиону офицеров можно. Но обещаны еще и квартиры.

Бездомных офицерских семей около трехсот тысяч. В России — более 120000. Всем им президент гарантировал жилье в первой половине текущего года. М-да.

Хороший президент, откликнулся. Плохой Кравчук даже не приехал, ему это самочинное собрание, по его словам, «до лунного затмения» — то есть до лампочки, потухшей.

Кравчук хитрый. Сами украинцы называют его «старый лис». Хочет ли он свою армию? Или его оскорбительные торопливые действия рассчитаны не на то, чтобы армию получить, а на то, чтоб армия — оскорбившись — ушла.

Чем кормить? На какие гривны и купоны строить квартиры? Где взять карбованцев на оружие? Если случится земельная реформа — фермер не позовет роту пьянствовать и буяннить под видом уборки картофеля. Свое — не колхозное, гробить не дадут. Хочет армия в Россию — нехай идет.

120 тысяч квартир да всего за 5 месяцев — это денег стоит. Откуда у Ельцина 100 миллиардов на эту стройку?

Программа «Каждой семье — отдельную квартиру к 2000-му году» бесславно канула в Лету. Цены взлетели, а на рельсы никто не лег. В Петербурге — все слышали — вареной колбасе было приказано появиться в два дня. Помоги, Господи. А если колбаса ослушается — штраф. Опять ослушается — в тюрьму. Надо выбирать что-то одно: или строить жилье офицерам, или тюрьмы для непослушной колбасы. На то и другое никаких стройбатов не хватит. И кто сядет на нары за срыв президентского обещания?

К сожалению, остается лишь горько шутить, ибо ситуация беспросветна.

Если армия останется единой, члены СНГ, похоже, перестанут ее финансировать. Никакое независимое государство не согласится гробить свой бюджет колоссальными расходами на содержание армии, которая ему, независимому государству, не

подчиняется. И — более того — может быть использована против этого государства. Разделить армию — значит, подчинить ее.

Под юрисдикцию России? Армия мечтает об этом вслух. Может быть, и Ельцину этого хочется. Но — невозможно. Бюджет всего Союза трещал от непомерных расходов на армию. В нее, а не в братские компартии, ухнула без возврата большая часть нефте-золото-алмазо-долларов.

Мы обанкротились на военных расходах. Россия содержать Советскую Армию не может.

Этого Ельцин не сказал. Он, напротив, обещал 60 процентов военного бюджета в этом году направить на социальные нужды. Неудивительно. Советская власть привыкла кормить народ процентами, а вместо масла мазать на хлеб «отношение к 1913-му году». Вкусно и питательно. А главное — дешево. Единственный минус: за 70 лет эта пища приелась до отвращения.

В справочнике «Народное хозяйство СССР за 70 лет» (1987 г.) есть котлетки и мясорубки, но нет ни майоров, ни генералов. Считать поэтому приходится на глазок.

Тем не менее прикинем. Еда подорожала в 10 раз. На питание солдата отводилось около рубля. А теперь? Теперь это 300 граммов хлеба.

В армии 4.000.000. По 10 рублей в день. За год выйдет больше 14.000.000.000. Только на еду. А обмундирование, транспорт, бензин, оружие? Да и зарплату военнослужащим повысили почти вдвое (на 90 процентов).

Президент обещал сократить расходы на оружие (чтоб 60 процентов — на людей). Но тогда это будет безоружная армия. Кому она нужна?

Если бы сейчас США напали на нас — для армии это был бы подарок. Вот! Мы же предупреждали!

Армия мечтает о мощном враге — в нем оправдание поставок, бюджета, самого существования войск и ВПК. Но мы видим, что и со слабым не могут справиться. Деревенские парни отбирают оружие у регулярных частей.

Дежурный аргумент генералов: нападение США на Ирак. Что ж, не выберем себе на голову Саддама Хусейна — не погонит он нас возвращать Финляндию «как неотъемлемую часть» — не накличем и бурю в пустыне. Саддам убит иракцев больше, чем интервентов. И Советская власть убила своих больше, чем все агрессоры. Наш горький опыт, кажется, должен нас научить бояться внутренних конфликтов больше, чем внешних.

Гражданская война, увы, и доступней, и заманчивей, и дешевле. На заграничную бурю в пустыне денег нету.

Для домашней войны не надо ни атомных подлодок, ни керосина для дальних бомбардировщиков. Парламенты СНГ не дадут рекрутов? Защитят своих парней от призыва? Что ж, подконвойно призывников не затынешь. Но беда не велика. Не обольщайтесь, президенты и парламенты, — для решения внутренних проблем офицерских полков хватит за глаза. А главное — никакие коалиции в наши дела не полезут.

Всегда есть драчуны. Нет чтоб книжки читать или девчонок тискать, — он подбивает: пошли, соседнему двору рожки намылим. Ему хочется — пусть идет. Зачем же снабжать его танками и пр.? Такие ребята должны иметь возможность наняться хоть к Фиделю, хоть к китайскому императору. Пусть везут свою агрессивность подальше от нашей земли и присылают детिशкам честно завоеванную гуманитарную помощь.

Армия в нынешнем виде опасна не врагу, она опасна для своего народа. Несколько миллионов вооруженных, раздраженных, оскорбленных людей. Вся жизнь скитались по приказу: нынче здесь — завтра там. И, увы, почти нигде не снискали ни любви, ни уважения — только страх. Для аборигенов военный городок — это не только рабочие места, дороги, инфраструктура. Военный городок — всегда источник пьяных драк и нежелательных беременностей.

«Офицерское собрание» — звучит как «благородное собрание». Но... Правду говорят, что армия — единственное, что осталось от Союза. Главная болезнь бывшего Союза — непрерывная ложь и очковитирательство.

Десятки раз маршал Язов (и сотни тысяч раз более мелкие чины) на вопросы о дедовщине, о самоубийствах с поразительным апломбом отвечали:

— Армия — часть общества, и число самоубийц на тысячу военнослужащих совпадает с числом самоубийств на тысячу жителей.

Может, и так. Но никто не возразил: мы спрашиваем о самоубийствах молодых парней. Среди них нет калек, нищих стариков, изнасилованных девушек, проворовавшихся директоров. Сравнивать, уважаемые генералы, надо не с «обществом», а с числом самоубийств среди 20-летних солдат США. Надо сравнивать с тем же, с кем сравниваешь число танков и ракет.

Вот о чем не сказал президент России. Не рискнул, вероятно. Помня о ненависти, которую армия испытывает к Хрущеву за «сокращение». А следовало бы сказать:

— Господа офицеры! Такая огром-

ная армия для страны непосильна. И пусть это не покажется вам предательством — такая огромная армия стране не нужна. Мы бедны. Земля наша отравлена повсеместно, а некоторые, и немалые, территории стали зоной экологических катастроф. Ни одна страна Европы не хочет пускать к себе наших эмигрантов, даже когда они сами платят за билет и визу. Невозможно вообразить, что Швеция или Болгария потратят миллиарды долларов на завоевание наших пленных, которые им и даром не нужны. Увы, и 20 лет спустя наше богатство не вызовет алчность соседей.

Предположим невероятное: что поляки, забыв о своих внутренних проблемах, превратятся в крокодиальных агрессоров. Да, будет очень неприятно, если западная граница местами передвинется, и то, что полвека было Советским Союзом, опять станет Польшей. Но ведь и мы в 1939-м не спросили поляков.

Хуже того, захватив кусок Польши, мы отправили поляков на Колыму. Сейчас жителям «спорных» мест не грозит подобная участь: и режим в Польше (Венгрии, Чехо-Словакии) не сталинский, и ни КГБ, ни колхозов, ни климата магаданского в Европе нет. Только председатель колхоза, председатель сельсовета и завклубом не хотят в Европу, ибо там не нужны.

Да, у нас есть опасные соседи на юге и юго-востоке. Надо реально посчитать соотношение сил и оставить разумно-достаточную оборону. И — все.

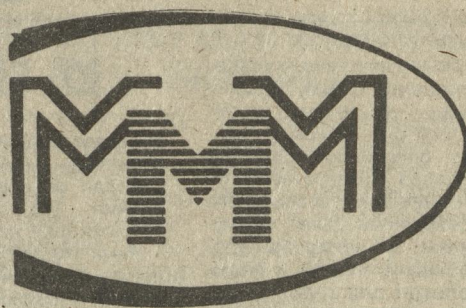
Что поделаешь! Не вы первые, господа офицеры, оказались в таком положении. Здесь нет злой воли президента Горбачева, нет злой воли президентов СНГ. Это колесо Истории. И под него попадали и воины Римской империи, и солдаты Британской империи. Армии тех империй были не более виноваты, чем вы, а повелители были не глупее сегодняшних. И то, что происходит сейчас, — не предательство, но Судьба.

Здесь всего 70 лет назад уже была гражданская война. Десятки тысяч офицеров-аристократов (цвет русской армии!) погибли. Десятки тысяч офицеров-аристократов (цвет нации!) стали официантами и шоферами такси. В эмиграции. А здесь, на родине, с тех пор не было ни вежливых официантов, ни вежливых таксистов.

Оставьте мальчишеские замашки и обиды. Будьте взрослыми мужчинами. Ваша Родина-мать не может вас больше кормить. Теперь ваш сыновний долг — кормить ее.

...Ничего этого президент России не сказал.

**ТОВАРЫ ОТ МММ —
ЛУЧШЕЕ ПРИОБРЕТЕНИЕ
ЗА РУБЛИ.**

**ДЛЯ РАБОТЫ —
компьютеры и оргтехника**

**ДЛЯ ДОМА —
электробытовая техника от фена
до СВ-печи**

**ДЛЯ ОТДЫХА —
аудио- и видеоаппаратура**

**НА ВСЕ СЛУЧАИ
ЖИЗНИ —
модные одежда
и обувь.**

Товары от МММ
служат долго и
безупречно —
они произведены
ведущими фирмами
мира.

Мы ждем Вас!

ЕСТЬ ЕЩЕ ПАТРИОТЫ В "РОССИИ"

По мнению нашего корреспондента, Борису Ельцину скоро придется столкнуться с реальной и сильной оппозицией. Если до декабря единственными оппонентами российского президента были коммунисты, не слишком способные к смелым и решительным действиям, то теперь, после окончательного развала советского государства, часть российских демопатриотов, вполне привычных к работе в оппозиции, перестала поддерживать "ельциноидов".

И уже приступили к конкретным действиям: с 8 по 9 февраля в Москве в кинотеатре "Россия" прошел Конгресс гражданских и патриотических сил, целью которого было организационное оформление новой оппозиционной коалиции. Вопреки первоначальному ожиданию, в Конгрессе отказались принять участие две партии государственников: Демократическая партия России и Народная партия Свободная Россия. Их место заняли правые (Российский общенародный союз (РОС) и крайне правые (Национально-республиканская партия (НРП). Такие союзники (особенно НРП, лидер которой, Николай Лысенко, был исключен из васьильевской "Памяти" "за антисемитизм") изрядно повлияли на ход работы Конгресса.

Неведомыми путями приглашения на Конгресс получили также приблизительно 120 "памятников"

во главе с Дмитрием Васильевым. Они начали скандал во время выступления вице-президента Александра Руцкого.

Речь Руцкого была выдержана в патриотическом ключе и сопровождалась длинными, обстоятельными цитатами из русского философа Ивана Ильина. Он призывал восстановить величие и силу России и резко раскритиковал нынешнее правительство ("проводит политику экономического геноцида против российского населения"), пообещав обнародовать сведения о коррупции в высших эшелонах власти.

С другой стороны, вице-президент заявил: "Национал-шовинизм и экстремизм должны отойти в прошлое". В ответ раздались свист и гневные выкрики, отчего Руцкой закончил свою речь с большим трудом и быстро покинул зал. И поступил весьма предусмотрительно, так как сразу после его ухода разразился скандал, грозящий перерасти в небольшую потасовку.

Группа скандирования "Памяти" (парни в черных рубашках), поддержанная пожилыми "патриотками", принялась выкрикивать: "Ва-силь-ев! Ва-силь-ев!", требуя предоставить слово своему вождю. В центре зала образовалась толпа. Сам Васильев публично уличал организаторов Конгресса в "нерусскости",

а его более откровенные помощники ругали последних "пархатыми жидами".

Организаторы Конгресса приняли бой: председатель оргкомитета лидер РХДД Виктор Аксючиц скликал "Донские, Терские, Кубанские казацкие войска", а затем и пригласил на сцену "всех мужчин, способных вывести негодяев из зала". Линия обороны пролегла возле сцены.

Однако хитрый Васильев не стал штурмовать оргкомитет, а развернул через мегафон спецпропагандистскую работу, надеясь распропагандировать казацкие войска. Обращения к казакам были выдержаны в былинно-витиеватом стиле: "Послушайте, казаки, люди добрые! Вас делают закладной картой, не служите злу!" А главный довод был: "Оргкомитет за жидов выступает".

Чтобы пресечь зловерную агитацию, своевременно был объявлен перерыв, из микрофонов грянула "Россия" в исполнении Игоря Талькова, и багровый, потный от напряжения Васильев напрасно пытался заглушить динамику.

Но победа над ним оказалась временной. "Память" из зала не ушла, а обещания Аксючица, что "сейчас придет ОМОН и наведет порядок", кажется, лишь вызвали у "памятников" особенный энтузиазм. Оргкомитет был вынужден

признать свое поражение, и при громовых овациях Васильев взлез на трибуну. Разоблачив в очередной раз "сионистско-масонский заговор" и получив за это цветы от восторженной бабушки, лидер "Памяти" вместе со своими сторонниками с видом триумфатора покинул зал.

Впечатление было сильным, и несколько последующих выступлений явно шли под знаком Васильева. Один из ораторов призывал к общерусской забастовке протеста, а другой потребовал восстановить Россию в границах 1913 года "и даже немного больше". Казалось, работа Конгресса была сорвана, и кадеты с христианскими демократами начали всерьез обсуждать возможность выхода из оргкомитета.

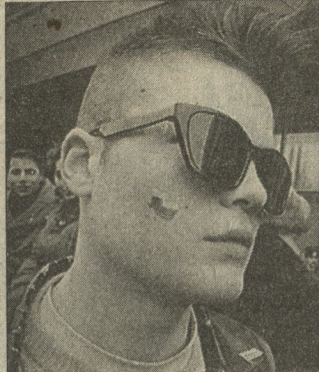
Однако становлению демопатриотизма неожиданно помогли коммунисты. На следующий день "коричневые" не пришли, а коммунистический митинг на Манежной площади оттянул "красных". Так что выступавший зампред ЦК КДП Дмитрий Рогозин под гром оваций мог торжественно заявить: "Мы создаем белое движение без красных и коричневых пятен".

Итог Конгресса: учреждение Российского народного собрания, которое должно стать коалицией партий и движений консервативно-государственного толка.

Евгений ЯНАЕВ

Лица демократов

Фото
Э. Кудрявицкого
В. Левитина
В. Шишова

НАШ ЧЕЛОВЕК В ПАРЛАМЕНТЕ

А ВЫ, ДРУЗЬЯ, ГДЕ НИ САДИТЕСЬ...

Напрасно гневим Бога: есть у нас с вами еще такие избранники, каковые на зубок знают, что больше всего народ наш тревожит. Именно таков российский депутат, член парламента и по совместительству председатель колхоза Мухаммадин Тумов. На последнем заседании Палаты Национальностей он, прорвавшись к микрофону, прокричал на все наше рублевое пространство о том, что, оказывается, не дает спать вконец измененному населению... Не догадываетесь, о чем? А-а, вы полагаете, что депутат Тумов дотумкал наконец, как победить разруху? Или изобрел рецепт ликвидации дефицита лекарств? А может, знаток колхозно-совхозной жизни предложил вариант быстрого спасения страны от голода?.. Нет. Совсем не то, оказывается, у нас с вами наболело, сами не ведаем своей тревоги. Ее ведает лишь наш народный заступник. Вот она, насущная, в стенограмме зафиксирована, лучше и не скажешь, впитывайте:

«...Тумов М.М.: ...С самого начала разрушения Союза я все время слышал, что Россия является преемницей Союза. Когда Союза больше нет, Палата Национальностей, казалось бы, должна заседать там, где заседала Палата Национальностей Союза...»

Из зала: Не надо!
Тумов М.М.: Надо, надо, это другой вопрос. Я хочу знать, почему мы не заседаем там, где заседала Палата Национальностей Союза?..»

«...А-а, так вот оно в чем дело-то! Вот отчего, стало быть, все наши сегодняшние беды и недовольства жизнью, мрачные прогнозы и голодные обмороки. Как же мы, глупые, раньше-то... Ох, прав, прав Тумов: оно и есть нынче самое главное, в нем вся заковыка — г д е заседают депутатам? И его,

бедолагу Тумова, вполне можно понять: таких удобств для мыслительной деятельности, какими снабжен бывший зал бывших пленумов бывшего ЦК КПСС, трудно придумать. Одни тяжеленные хрустальные люстры чего стоят! А в серой бархатной обивке глубокие и мягкие кресла, в которых пропадешь с головой... А эта потрясающая деревянная полировка повсюду... А ковры, а бесшумные широченные лифты... А, наконец, умопомрачительные в своем зазывном комфорте знаменитые кремлевские сортиры, в коих вся сантехника — сплошь купленная за валюту!.. В таких посидеть — и нет проблем. Там-то уж такие мыслищи председателю колхоза Тумову придут, что, будьте уверены, все до единого ахнем однажды. Но... это нам с вами все так очевидно, а некоторые депутаты недопоняли актуальность и своевременность вопроса, поднятого коллегой Тумовым. Один на том же заседании даже выкрикнул с места невпопад: «Тумову выделить кабинет Горбачева!» Зал хорошо принял шутку, раздался хохот...

...А ничего смешного, все более чем серьезно. Недаром вступился тут же за Тумова председательствующий Рамазан Абдулатипов, объяснив популярно непонятливым крикунам с места:

— Он не о себе заботится, он заботится по немножко другим параметрам...

Теперь поняли? Он-то, Тумов, оказывается, не о себе, а о нас с вами заботится. Это, оказывается, нам позарез надо, чтоб избранники наши непременно в окружении импортной кремлевской сантехники свои светлые мысли высиживали. Такие же светлые, как когда-то на пленумах того еще ЦК...

Григорий КРОШИН

ТАЛОНЫ НА ВОДКУ БУДУТ ОТОВАРЕННЫ... НО ПО НОВЫМ ЦЕНАМ

Как стало известно из правительственных кругов Москвы, оставшиеся с 1991 г. талоны на сахар наконец найдут свое применение и будут обмениваться на продукты с 10 февраля 1992 г. по 20 февраля. Правда, новая сумма, появившаяся на ценнике, возможно, отобьет охоту некоторым гражданам курить и выпивать. С этим решением вице-мэра города Москвы Лужкова полностью согласен помощник начальника Главторга Степанов Михаил Ефимович, но полностью не согласна Федерация потребителей, которая настаивает на прежних ценах.

Сейчас в редакции газеты «Честное слово», учредителем которой является Федерация потребителей, под руководством редактора и вице-

президента Федерации Михаила Львовича Полячека готовится жалоба в Московский городской суд. Федерация утверждает, что данный спор — это не спор двух юридических лиц. За потребительскими обществами России (Федерация включает в себя потребительские общества из 70 городов) стоят миллионы граждан, которые в ближайшее время могут выйти на митинги, устроить забастовки, вступить в политические партии или просто чинить иски. И эти иски суд должен будет рассматривать. В данном вопросе Федерация представляет всех потребителей России (ст. 17 и 18 закона о защите прав потребителей), оставшихся с талонами на руках.

Юлия Тартаковская

А ТЕМ ВРЕМЕНЕМ...

РОСТОВСКИЙ КОМБИНАТ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ УСЛУГ В ТЕЧЕНИЕ СУТОК МОЖЕТ ПОХОРОНИТЬ ЛЮБОЕ КОЛИЧЕСТВО УМЕРШИХ, ЗАЯВИЛ И.О. ДИРЕКТОРА ПРЕДПРИЯТИЯ МИХАИЛ ЛЕВ

По его словам, запас гробов имеется на случай увеличения заказов и отключения электроэнергии. По мнению Михаила Льва, «увеличение количества заказов на гробы в результате роста смертей от недоедания едва ли произойдет».

Постфактум

В КАМЧАТСКОМ АЭРОПОРТУ ЕЛИЗОВО САМОЛЕТ АН-12 С ГРУЗОМ КОПЧЕНОЙ КОЛБАСЫ ПРИ ПОСАДКЕ ПОТЕРЯЛ 4 КОЛЕСА

По оценке некоторых местных авиаторов, причиной аварии стала ошибка экипажа. Пострадавших нет. Колбаса, ее закупил в Воронеже один из камчатских кооперативов, осталась цела.

Постфактум

Леонид РАДЗИХОВСКИЙ

ГЛАС ВОПИЮЩЕГО В ПУСТЫНЕ

В этих документах Ахромеев признает, что был советником ГКЧП, добровольно принял участие в его работе. Он пишет, что «был уверен заранее, что эта авантюра потерпит поражение». Свой поступок маршал объясняет так: «Такое решение я принял потому, что начиная с середины 1990 года был убежден, как убежден и сегодня, что наша страна идет к гибели. Вскоре она окажется расчлененной. Обычные выступления не помогали. Я искал способ, как громко заявить об этом, и посчитал, что участие на заключительном этапе этой авантюры... даст мне возможность громко сказать о своей тревоге на Верховном Совете СССР и при ведении следствия. Остальные последствия для меня имеют второстепенное значение. Наверное, это звучит неубедительно, но это правда».

«Возможности громко сказать» у Ахромеева не было — он покончил с собой. Как прозрачно намекают его дочери — не «он покончил», а «его по-

**Опубликованы
предсмертная
записка маршала
С.Ф.Ахромеева
Лукьянову от 23
августа 1991 г.
и текст его
несостоявшегося
выступления
на Верховном
Совете СССР,
депутатом
которого он был.**

кончили». Как бы то ни было, покойный маршал совершенно неправ — все, что он пишет, звучит очень убедительно. Он убедил всех своими поступками — не только самоубийством, но даже и тем, что сам, добровольно выдал себя Верховному Совету. Между прочим, именно этим он резко отличался от всех других участников заговора, которые не только не шли выдавать себя, но срочно залегли в больницы (генерал Агеев) или спрятались за депутатскую неприкосновенность (генерал Ачалов), в то время как Ахромеев просит лишить его неприкосновенности, вывести из состава ВС СССР.

Еще слова из его заявления: «Но ведь в этих трех понятиях — государство, народ, вооруженные силы — для меня, как и для миллионов других людей, заключается смысл жизни. Выходит, что теперь он утрачивается». Эти слова ясно объясняют его самоубийство, но, разумеется, дочери, отрицающие такую возможность, лучше знают своего отца...

Так или иначе, 68-летний маршал делом, поступком доказал свою искренность и заслужил право быть выслушанным, понятым. В отличие от Невзорова, отвергшегося, симулируя сумасшествие, от службы в армии, я не испытываю никакого почтения к лампасам и орденам. Не считаю золотое шитье и прочие побрякушки чем-то столь важным, что они закрывают человека или возвышают ничтожество. Важен живой человек и его поступок. Поступок есть. И все мы — труссы левые, труссы правые, — неспособные на такое, обязаны придерживаться язык, не глумиться и не сыпать пустые казенные славословия в адрес покойного. Он решил, он переступил через себя. Поэтому, в первых, выразим свое уважение, а во-вторых, подумаем о таком поступке.

«Русские люди!

Великая Родина наша умирает.

Близок час кончины.

Вынужденный выступить открыто — я, ...сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что мне лично ничего не надо, кроме сохранения Великой России, и клянусь довести народ... до Учредительного Собрания, на котором Он Сам решит свои судьбы и выберет уклад своей новой Государственной жизни. Предать же Россию... я не в силах и предпочитаю умереть, чтобы не видеть позора и срама Русской земли. Русский народ, в твоих руках жизнь твоей Родины!»

Это написано 27 августа 1917 г. Подписано — генерал Корнилов. «И умереть мы обещали. И клятву верности сдержали».

В России все повторяется... Даже бессилие и отчаяние генералов.

Генерал Корнилов еще мог морочить себе голову — «доведеет народ до Учредительного Собрания, на котором Он Сам решит свою судьбу». Ахромеев уже такой возможности не имел. Народ, благополучно избравший все возможные парламенты и президентов, ясно показал, что ему с генералами-путчистами не по пути. Даже в русском народе крах великой империи не вызвал никакого волнения, остался попросту незамеченным, а уж об остальных народах и говорить нечего — они изо всех сил раскачивали гнилые балки, валили империю. «Но ведь в этих трех понятиях — государство, народ, вооруженные силы — для меня, как и для миллионов других людей, заключается смысл жизни». Но ведь эти три понятия не сопрягаются. Не империалисты (кстати, Ахромеев дружил с многими американскими генералами, и они выразили — в отличие от советских военных — соболезнование по случаю его смерти), не сионисты (нет никаких

данных, что Ахромеев болел антисемитизмом, в чем многие подозревают любого генерала просто «по должности»), не масоны (тем более нет данных, что Ахромеев страдал психическим расстройством) — нет, нет и нет, сам народ развалил государство и вооруженные силы. То, что составляло смысл жизни Корнилова и Ахромеева, отнюдь не составляло, не составляет смысл жизни для того русского народа, к которому они апеллируют, от имени которого говорят.

Второй раз в этом веке народ может высказать свое мнение, свои симпатии. И второй раз — то же самое. В 1917-м — не за боевым генералом, львом, Корниловым, награжденным прямо на передовой георгиевскими крестами, пошел русский солдат, «чудо-богатырь». Нет, пошел он за прибывшим из Германии в plombированном вагоне картавым лысым «штафиркой», который, отсиживаясь в годы войны в Швейцарии, открыто призывал к поражению России! Пошел народ за Лейбой Бронштейном, который в годы войны был не то мелким журналистом, не то чуть ли не официантом в Америке. И под руководством этих ульяновых-бронштейнов-джугашвили русский солдат подбросил на штыки боевых генералов Корнилова, Маркова, Духо-

нина, Колчака и т.д. и т.д., имя же им — легион.

Что, любовью к евреям воспылал народ? «Капитала» начитался? Просто, что ли, белены объелся?

Нет, господа, не просто. «Положение ваше затруднительное!.. Положение — как в чужой стране!.. Вы народу нашего не знаете.

— То есть как не знаю?

— А так... И никогда не знали. И вас сроду обманывали.

— Кто обманывал?

— Обманывали мы — солдаты, мужики... Отвернетесь, а мы смеемся. Эх, Вадим Петрович! Беззаветную отвагу, любовь к царю, отечеству — это господа выдумали, а мы долбили по солдатской словесности...» Это из «Хождения по мукам». Вот оно что, господа! Не надейтесь вы на эту «словесность». И хоть все казармы завали «Днем», хоть все сортиры, тумбочки и «красные уголки» засып одной этой газетой — не поможет. Дохлое дело! Отвернетесь — а они смеются и над царем, и над отечеством. И не уличишь же — повернешься, и они опять едят начальство глазами. Русские орлы.

Еще из того же русского «Хождения по мукам»: «Да черт вас возьми... Простите, подполковник. До сих пор мне было известно, что Россией называлась территория в одну шестую часть

Л.И.Киль
Русский гусар

земного шара, населенная народом, прожившим на ней великую историю... Может быть, по-большевистскому это и не так... Прошу прощения...

— Нет, именно так-с... Горжусь... И лично я вполне удовлетворен, читая историю государства Российского. Но сто миллионов мужиков книг этих не читали. И не гордятся. Они желают иметь свою собственную историю, развернутую не в прошлые, а в будущие времена... Сытую историю... С этим ничего не поделаешь». Вот это так точно. Ни-че-го не поделаешь.

Да, народ имел случай убедиться, что, сбросив с плеч всех этих генералов, Медных всадников и Каменных гостей российской истории, он неожиданно начинает жить еще хуже! Чудо какое-то! Пока лошадь была впряжена в оглобли да пока охаживали ее вожжами, она, сердешная, хоть кое-как тянула. Но, когда, лягаясь, она сбросила возницу и разбила повозку, тут-то она и свалилась... Парадокс истории российской! Но, хоть и не обретает народ долгожданной «сытой истории», а «тяжело-звонкое скаканье» грозной империи ему не нужно!

Говорят, русский так и остался язычником, христианство глубоко не задело сознание самых «ядерных» слоев народа. Может быть... Не берусь судить. Но что народ так и остался антигосударственником, несмот-

ря на все попытки вдолбить ему аж в подкорку, аж в мозг костей «оборонное сознание», — это точно. Не надо спорить, не надо поминать Леонтьева, Достоевского, Бердяева, Шпенглера. Просто вспомните 1917-й и... обернитесь вокруг.

Рухнула великая империя. И шум поднялся великий... в Париже, Лондоне, Нью-Йорке да... в патриотической прессе. А народ-то, народ? «Народ безмолвствует», давно известно. Впрочем, не всегда молчит. Бунин, «Окаянные дни»: «Извозчик возле «Праги» с радостью и смехом:

— Что ж, пусть приходит. Он, немец-то, и прежде все равно нами владал». Легко скривиться — не народ, а смердяковщина. Так ведь это так — слова-с... Вы опять же, посмотрите окрест — куда мчат, толкая друг друга, и славянофилы, и нигилисты? Дауж не в Америку, кто туда и смеет мечтать-то... Нет, хотя бы в СП, хоть за малый кусочек с настоящего стола. Впрочем, что значит «окрест себя»? В зеркало смотрите, господа, в зеркало! Да, последнее «прости»... И сама-то белая, лебединая стая. Как деникинцы называли красновцев? Проститутками при немцах. Как красновцы называли деникинцев? Котами, живущими на содержании у этакой проститутки... Вот вам и борцы за величие империи.

Да ладно — то давно было... А ныне? Кто торгует архивами КГБ? Дисси-

денты? Никак нет-с. Борцы за «единую и неделимую» — славные чекисты. Кто первыми вошли в правления всех СП? Номенклатура, генералы ВПК и партаппарата.

Где же те, кто готов истинно умереть за державу, кто действительно слился с Медным всадником, для кого крушение империи стало настоящей бедой, разрывом аорты? Где? Писатели-патриоты, добывающие себе патриотизмом дневное пропитание и пропитие? Их окоселые читатели?

Нет. Таких людей нет... Вернее, есть, конечно. Мы их просто не знаем. Вот знаем — маршала Ахромеева. Этот имперский строй — как он страшен, чужд мне... Даже как Манделштам не могу сказать: «С миром державным я был лишь ребячески связан...» И того не было. И не нужно мое уважение — ни покойному маршалу, ни семье его...

Но когда бессильный Медный всадник вдруг становится Дон Кихотом и, отлично понимая это, мчит на ветряные мельницы — не для того, чтобы победить, а для того, чтобы погибнуть, — я не могу не сказать, что уважаю этого человека.

Вот какие мысли приходят в голову, «листая старую тетрадь расстрелянного генерала», как пел убитый в дурацкой драке русский певец Тальков.

ПРЕСС-МЫШЕЛОВКА

«ПУСТЫЕ КАСТРЮЛИ СТРАШНЕЕ ТАНКОВ»

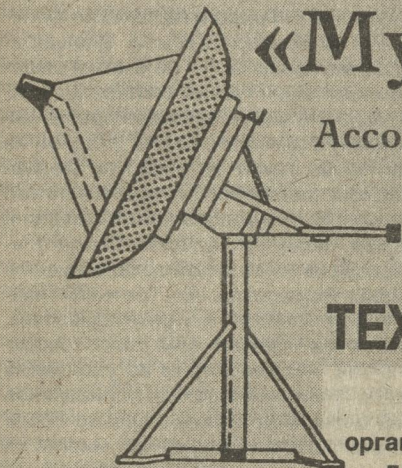
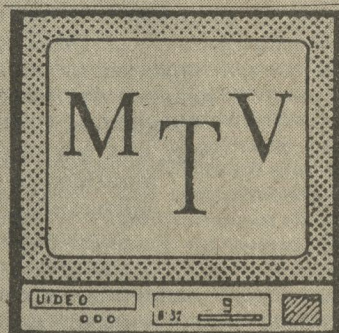
(«Правда», 27 января, 1992)

Ну если на первый взгляд, то, пожалуй, этот лозунг, который бывшая главная газета бывшей страны вынесла аршинными буквами над собственным названием, правдив. Конечно же, лучше призвать на улицы танкистов — лучших друзей гэкачепистов, нежели попытаться поработать и вырастить какую-нибудь живность для собственной пустой кастрюли. Но, с другой стороны, почему-то вспоминается бессмертный Сухов из «Белого солнца пустыни», который на вопрос бандита: «Как тебя — сразу

шлепнуть или желаешь помучиться?» — выбрал все же второй вариант, подразумевая под ним не столько муки, сколько возможность еще пожить на этом белом свете. И, как выяснилось, в финале оказался и прав, и жив. И я с ним полностью солидарен в этом вопросе. Да и танков, если откровенно, боюсь больше, чем кастрюль. И думаю, лучше уж помучиться с пустыми кастрюлями, нежели героически погибнуть под гусеницами.

П.С.

Инженерно-коммерческая фирма

«Мульти-Экспресс»Ассоциации делового сотрудничества
с зарубежными странами**«НАУЧНО -
ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС»****ПРЕДЛАГАЕТ:**организациям, коллективам и частным лицам
для коллективного и индивидуального
использования**СИСТЕМУ
СПУТНИКОВОГО
ТЕЛЕВИДЕНИЯ**Система обеспечивает уверенный прием с
высоким качеством изображения свыше 20
телепрограмм из стран Западной Европы, США
и Латинской Америки, транслируемых через
ИСЗ серии Eutelsat и Intelsat.Самые последние новости в мире 24 часа в сутки
— телеканал CNN; ежедневное обозрение
событий в мире информационного агентства USIA,
TVWorld Net; 24 часа в сутки лучшие видеоклипы и
музыкальные новости — MTV Europe; программа
телевидения республики Кипр; TV Греции — ET1;
RAI UNO, RAI DUE, RAISAT — телевидение Италии;
развлекательный канал «MAGIC BOX» Star1;
Турция; телевидение Франции — TV5 Europe;
Superchannel — 24 часа в сутки видеоклипы,
фильмы; TRT International, Турция; Visnews,
London-информационный канал; TVE International,
Испания; программы TV Израиля; ONE WORLD
CHANNEL и др.В комплект системы входят:
высокоточная параболическая антенна
(диаметром 1,8; 2,0 или 2,6 м); опорно-поворотное
устройство с ручным или дистанционным
управлением; СВЧ-конвертер импортного
производства с коэффициентом шума не хуже 1,0
дБ; облучатель с ферритовым поляризатором;
тюнер отечественного производства;
соединительный кабель.Срок поставки 1—2 недели (Москва и Московская
обл.).Доставка, монтаж, пусконаладочные работы,
гарантийное обслуживание (12 мес.) входит в
стоимость поставляемых комплектов.*Наш адрес: 125040,
Москва, Ленинградский
пр-т, 23
Тел.: 365-26-87,
366-85-77,
938-12-56**FAX 365-26-87, 251-34-22
Расчетный счет № 161502
в Мосинкомбанке
«Интерзнание» МГУ
Госбанка СССР, МФО
201791, р/с 700559 фирма
«Мульти-Экспресс»
Валютный счет
№ 67084021/002 во
Внешэкономбанке СССР.***Оплата
производится
в рублях
или СКВ
по желанию
заказчика.**

**Валентин
КОРОЛЕВ,**
подполковник КГБ
запаса

ЧК ВСЕГДА ЧК

Мемуарная «Недописанная книга» В.Бакатина явно должна быть дополнена главой о четырехмесячном пребывании автора на постах председателя КГБ СССР и руководителя Межреспубликанской службы безопасности (МСБ), предшествовавшей его отставке 19 декабря 1991 года, что внешне производило впечатление «простых» кадровых перетасовок в чекистской иерархии.

Что напишет он в ней о лукавстве нашего времени и своих подчиненных? В интервью «Известиям» (№ 1 от 2.01.92) он признал, что не был в КГБ «своим», и посетовал на то, что «пришел один. Или почти один».

«В условиях КГБ сразу нужна своя команда», — утверждал Бакатин. И ошибался. В КГБ, как, впрочем, и в МВД, при определенных обстоятельствах никакая команда не спасет. Будучи министром внутренних дел СССР, он тоже ее не имел, но неплохо держался за счет того, что не занимался там активной борьбой с коррупцией, не сокращал штаты, а пытался укрепить материальное положение подчиненных и техническую базу МВД. Это выгодно отличало его положение от того, в котором в начале перестройки оказался генерал В.Федорчук, переведенный еще генсеком Ю.Андроповым с поста председателя КГБ СССР на должность министра внутренних дел для чистки коррумпированного милицейского ведомства.

Вместе с Федорчуком на руководящие должности в органы МВД были назначены многие сотни сотрудников

дискредитировал органы МВД в глазах советской и мировой общественности».

Хотя в КГБ Федорчука тоже не любили — за консерватизм и фельдфебельские замашки, — но с этим решением инстанций там не согласился никто. Мало кто знал о заговоре против министра и о договоренности с одной из преступных групп об убийстве Федорчука в случае, если его не удастся снять с должности с помощью связей мафии в высших эшелонах власти. Свидетельствовавшие об этом материалы кисли в сейфах управления «В» Третьего Главка КГБ и «наверх» не докладывались. Зато потом «в низах» еще долго говорили о том, что некоторые из уволенных Федорчуком генералов и полковников МВД вернулись в министерство после его отставки, в то время как многие из пришедших с ним туда чекистов были дискредитированы и изгнаны «без выходного пособия». Это — МВД.

Был ли заговор против В.Бакатина в МСБ? Наверняка был как часть заговора против демократии в целом.

Многие руководители контрразведки были разочарованы провалом ГКЧП и последующим четвертованием крючковской суперспецслужбы. Причем Бакатин выступил здесь в роли палача той организации, которая позволяла генералитету фактически управлять страной за счет монополии на информацию, предоставляемую «наверх». Дробление же КГБ на несколько самостоятельных спецслужб лишало генералов этой монополии и повышало их личную ответственность, что было чревато довольно скорым изобличением в некомпетентности. От нее всегда страдали профессионалы «в низах» ведомства, но за стенами КГБ некомпетентность руководства была практически неощутима в силу режима тотальной секретности.

Возглавив КГБ после августовского путча, Бакатин получил не только возможность лицезреть некомпетентность, но и полномочия избавиться от нее эту организацию. Поэтому он не мог стать в ней «своим»: генералам необходимо было избавиться от него прежде, чем он получит доказательства их несоответствия занимаемым должностям. И то, что он «отмазал» их от «дела ГКЧП», его не спасло.

Избавиться — это не всегда убить. Есть и другие методы устранения негодных. Один из них — дискредитация противника как непрофессионала в профессиональной среде. Применить его в борьбе с Бакатиным было легче легкого. Ему, не знакомому с психологией чекистской среды, надо было просто не мешать делать то, что он считал нужным.

Обвальное увольнение сотрудников МСБ, не сопряженное с комплексом не-

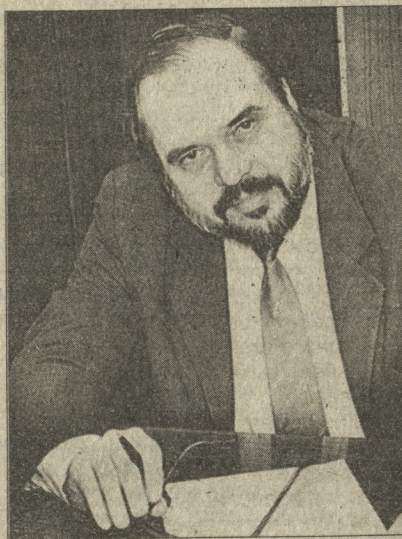

Фото Э. Кудрявицкого

КГБ, с помощью которых он за короткий срок уволил десятки тысяч милиционеров за связь с преступным миром. Оказавшиеся в числе «пострадавших» генералы организовали против министра заговор, в результате которого в начале 1986 года Федорчук был отправлен в отставку. На предшествовавшем ей заседании Политбюро ЦК КПСС восторжествовало мнение, что Виталий Васильевич «своей кадровой политикой

обходимых мероприятий по их трудоустройству, сразу же подорвало авторитет Вадима Викторовича даже в глазах тех подчиненных, которые во время путча если не защищали демократию открыто, то хотя бы сочувствовали ей. Неопределенность настоящего и страх перед будущим заставили многих всерьез задуматься об уходе в мир организованной преступности и создании собственной — чекистской — мафии из числа уволенных и оставшихся на службе. Тем более что в сфере экономики, бизнеса такая мафия уже существует.

Еще одним ударом по престижу Бакатина в структурах бывшего КГБ стал провал его попыток спасти учеты агентуры и оперативных дел, находившихся на территории тех республик, которые заявили о своей независимости и роспуске органов КГБ.

Передача американцам документации по оборудованию подслушивающей техникой нового здания посольства США в Москве была последней каплей, переполнившей чашу терпения чекизма.

Страсти внутри спецслужб накалились. Там был создан Общественный комитет обеспечения государственной безопасности, обвинивший Бакатина в предательстве. Средства массовой информации факт создания этой организации практически не комментировали. И почти никто не обратил внимания на заявление народного депутата СССР С.Белозерцева о том, что генералы КГБ, МВД и Минобороны устроивают на своих дачах сходки, на которых обсуждают планы нового государственного переворота. Поскольку Бакатин не отменил ни одного андроповского приказа, в том числе запрещающего оперативную проверку сигналов в отношении номенклатуры, ни один агент и ни одно подслушивающее устройство не зафиксировало ни этих сходок, ни разговоров, которые на них велись. Я предполагаю, что решение о создании Министерства безопасности и внутренних дел (МБВД) России за счет слияния МСБ, Агентства федеральной безопасности (АФБ) и МВД было принято на одной из них.

Реализовавший идею создания МБВД Указ Б.Ельцина № 289 от 19.12.1991 г., отмененный впоследствии на основании постановления Конституционного суда от 14.01.1992 г. как неконституционный, был такой же издержкой российской демократии, как и угроза аппарата Б.Ельцина о возможном пересмотре границ России с другими независимыми государствами, как и заявления самого президента о принадлежности всего Черноморского флота его стране и о создании автономного района для немцев Поволжья на полигоне. Во всем этом чувствовались

не только волонтаристские наклонности бывшего партийца, но и почерк офицеров действующего резерва крочковского КГБ, прилипших к аппарату «Белого дома» в качестве помощников и консультантов.

В КГБ никогда толком не умели выявлять иностранную агентуру, но в искусстве интриги чекистам равных не было и нет. К тому же они давно уже не ощущали недостатка в компроматериалах на милицейскую номенклатуру, что снимало все трудности в привлечении ее к работе над «проектом МБВД». Излюбленный чекистский метод пакостить чужими руками проявился в том, что в роли автора текста и толкача Указа о создании МБВД выступил тогдашний министр внутренних дел В.Баранников. И неудивительно, что именно он, а не чекистский генерал был назначен министром МБВД, а после скоростной кончины этого еще не оперившегося ведомства — генеральным директором АФБ, то есть главным контрразведчиком России. Объяснить эти метаморфозы поддержкой Виктором Павловичем Б.Ельцина в дни августовского путча так же невозможно, как умалить аналогичные заслуги В.Бакатина и тогдашнего шефа АФБ В.Иваненко. Складывается впечатление, что Бакатин и Иваненко отторгнуты старой Системой как в определенном смысле инакомыслящие. Именно в определенном смысле, поскольку бережно сохранили для своих преемников плоды андроповского внутриведомственного законотворчества и делали то, чего как прогрессисты и принципиальные люди не должны были делать.

По информации источников в МСБ, незадолго до подписания Ельциным Указа № 289 сотрудники МСБ и АФБ уничтожили дела оперативных проверок и разработок на коррумпированную милицейскую номенклатуру, а после его подписания сожгли личные и рабочие дела агентов из числа сотрудников органов внутренних дел. В МВД не осталось ни одного агента контрразведки. Значительная часть другой агентуры, использовавшейся чекистами в борьбе с организованной преступностью, попросту отказалась от сотрудничества с контрразведкой, над которой возвысились милицейские чины.

Мафия бесконтрольна. Для того чтобы заново организовать борьбу с ней хотя бы на прежнем уровне, требуется как минимум полтора года. Цена Указа № 289 — в крови будущих жертв организованной преступности, которая несмыслима пятном позора ляжет на Баранникова и всех, кто стоял за его спиной, разрабатывая и реализуя «проект МБВД».

Назначенный в МБВД заместителем Баранникова по сектору безопасности генерал КГБ А.Олейников, проводя 2

января совещание чекистского руководства, был озабочен другим, а именно проявлениями свободомыслия и гласности в стране, в том числе в стенах новорожденного министерства. Поэтому, как и подобало достойному ученику генерал-полковника В.Алидина (бывший начальник УКГБ по г. Москве и Московской области, доверенное лицо Л.Брежнева, Ю.Андропова и В.Гришина), он вмазал три «горячих» в лоб утолившей его демократии: приказал начальнику Инспекторского управления провести служебное расследование по каждому факту протеста чекистов против создания МБВД, руководителям учетно-архивных подразделений — закрыть хранилища документов от общестественности и средств массовой информации, а сотрудникам центров общественных связей (ЦОС) прекратить предоставление журналистам какой бы то ни было информации.

Реакция зала на эти указания была неожиданной. Олейников был захлопан подчиненными, что свидетельствовало о серьезных расхождениях мировоззренческих позиций Анатолия Аввакумовича и профессионалов-прогрессистов, которых собрал в АФБ вдруг оставшийся не у дел В.Иваненко. Узнав о подписании Ельциным Указа о создании МБВД, Иваненко ушел в отпуск, по возвращении из которого, как говорили в АФБ, намеревался подать в отставку. То же собирались сделать и многие его подчиненные, полагая, что их рано или поздно вытеснят на улицу дрессированные серости, интриганы и стукачи из МСБ.

— Если Ельцин не отменит свой Указ, — сказал мне в те дни один контрразведчик, — он не только докажет свое стремление к личной диктатуре. Он останется без профессионалов в неконтролируемой спецслужбе, которая рано или поздно сметет его самого и утопит страну в крови...

Первый путч начался 19 августа 1991 года под лязг гусениц бронетехники и захлебнулся «малой кровью» через три дня. По мнению одного бывшего эксперта-психиатра КГБ, он напоминал историю слабоумных.

Второй путч произошел 19 декабря того же года под скрип пера российского президента, в момент подписания им Указа № 289. И он благополучно продлжается в вялотекущей форме.

Принятие Конституционным судом постановления, признавшего этот Указ незаконным, для генералитета не страшнее отеческого шлепка по розовой попке любимого шалунишки. Ведь знает пострелец, что даже если и поставили его сегодня в угол, то завтра опять сунут в рот леденец, в руки — пистолет и танкетку на уставной веревочке и выпустят на улицу, разрешив вести огонь на поражение. ■

Александр МИНКИН

Красные Шапочки

Гневно осудили

Бывших агентов

В один день — 22 января — «Известия» и «Россия» опубликовали материалы из архивов КГБ. Сенсационные! Совершенно секретные!

Как вербовали писателей и священников. Как сотни раз прерывали телефонные разговоры врагов народа. Как организовывали будущим врагам народа провалы на вступительных экзаменах в Литинститут. Это ж с умасойти — до каких мелочей была доведена охрана нашей с вами государственной безопасности за наши с вами денежки! Цитирую: «В ходе предварительной проверки абитуриентов, поступающих в Литинститут, на отдельных из них были получены компроматериалы. На основании указанных данных абитуриенты В.Романчук, О.Касьянов, О.Алешин, В.Чернобровкин, Г.Осипова были отведены от приема в процессе вступительных экзаменов».

Надеюсь, удалось. Не напишет Романчук романов, не станет Алешин драматургом... Читаешь и не знаешь: плакать или смеяться? Чем занимаются сотни тысяч людей на зарплате, на пайке, с высшим образованием...

Но о чекистских пакостях мы и прежде знали. Сенсационность публикаций в подробностях, в именах. Кто следил, за кем, какого числа, в какой стране.

Ах, это очень интересно! Сейчас узнаем, кто хороший — кто плохой. Вот «профилактируют» Окуджаву — значит, Окуджава хороший. Вот 95 раз пресекают телефонные переговоры Ларисы Богораз. Слава Богу, Лариса хорошая. Заведено дело на Аверинцева. Отлично! Не подкачал Сергей Сергеевич! А вот «негативное поведение» М.Шатрова. Гм, выходит, и Шатров хороший. А вот КГБ «продвигает за рубеж» очерки Артема Боровика. Та-ак, понятно, понятно...

Однако еще интереснее узнать, не за кем следили, а кто следил, стучал, вербовал.

Увы, агенты названы кличками. За

Андреем Мироновым в Театре Сатиры следил агент «Светло». За Жванецким — «Кларина», за Распутиным — «Саша»; за кинематографистами — «Нора», «Езерский» и др.

Жаль. Разве узнаешь, кто — кто. А хотелось бы. Если даже морду, не бить, то хоть знать, кому руки не подавать.

Впрочем, кое-кого вычислить можно. Вот в состав «творческой мастерской литераторов XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов введены агенты: «Беликов», «Зорге», «Сомов», «Соловьев», «Крейцер»... Этих можно определить. А вот простейший случай: «Проведены мероприятия по изучению Б.Окуджавы в период его пребывания в загранкомандировке в Италии. Изучение проводилось через возможности резидентуры и через агента «Александров», выезжавшего вместе с Б.Окуджавой в качестве сопровождающего».

Звоню Окуджаве — и «Александров» (а он вдобавок Юнну Морниц обработывал) — раскрыт.

Это — первые впечатления, первые эмоции.

Однако насторожила приписка в «России»: «Мы опубликовали этот материал не для того, чтобы упомянутые среди «объектов наблюдения» лица бросились тут же искать в своем окружении «Александрова», «Наумова», «Физика».

Ужели эта фразочка остановит людей от попытки опознать подонка и подлеца? Конечно, нет. Тогда зачем она написана? Не для того ли, чтобы дать понять невнимательным читателям, что по данной публикации можно опознать стукачей?

Кроме того, насторожила синхронность публикаций: в один день — две газеты. Кроме того — абсолютно одинаковая подача материала: просто по годам. «Россия» — про литераторов, музыкантов, хоккеистов, священников. «Известия» — только про священников. Есть совпадения. Есть маленькие расхождения, когда цитируется один и тот же документ. Расхождения не существенные. Суть документа они не меняют. Для человека, желающего по подсказке КГБ вычислить стукача, в таких разночтениях не содержится ровно ничего.

Но для нас, занятых не пошлой ловлей б/у сексотов, но изучением поведения КГБ с точки зрения эстетики, культуры, искусства, — для нас эти штрихи куда любопытнее, чем расшифровка «Кларин», «Аббатов» и прочих кличек.

Для искусства важно не что, но как. Не этика, но эстетика. В жизни Гитлер — преступник, вызывает отвращение. В кино блестящее исполнение роли Гитлера (или других усатых маньяков) вызывает восхищение.

Вполне возможно, что именно приращение культуры к деталям, к абстрактному мышлению, к отвлеченному копанию в тонких материях заставляет геббельсов при слове «культура» хвататься за пистолет. Понимаю и сочувствую. Ибо именно на деталях прокалываются преступники, в том числе и самые высокопоставленные.

Предположим, Геббельс кричит:

— Кларина и Аббат — враги народа! Ловите их!

Ожидаемая нормальная реакция:

— Ура! Шцас поймаем и убьем.

И вдруг какой-то театральный критик любопытствует:

— Скажите, а почему вы, доктор Геббельс, выдаете нам своих агентов?

— А потому, что я перестроился и реформировался. Теперь я хороший.

— Да, это правда. Ты, сукин сын, всегда сегодня хороший, а плохой — это который был на прошлой неделе. Но если ты стал хороший, зачем «Аббата» ловить? Ведь он был опасен только пока был агентом плохой организации. Теперь вы хорошие. Чем же опасен нам Аббат, что вы натравливаете на него толпу? Или... он вам опасен?

Итак, вместо того, чтобы ловить Геббельса, мы — по его же, геббельсовской, подсказке — будем ловить и убивать агентов, опасных не нам, а ему, Геббельсу? Ловко! И от себя отвлек, и агрессивность нашу в выгодное русло направил, и от опасного свидетеля избавился. Начнет Аббат чего-нибудь рассказывать, а веры ему нет: он агент, он (по злобе) честных геббельсов топит.

Однотипные публикации появились сразу в нескольких газетах («Россия», «Известия», «АиФ», «Мегаполис-экспресс», «Куранты», может, и еще где-то). Появились в январе, когда августовские обещания уничтожить КГБ — забыты. Когда «контора» оправилась от шока. Когда вся гигантская организация практически без потерь восстановилась под видом АФБ, поиграла в переименования, слияния, разделения, вышибла Бакатина, запудрила всем мозги, уничтожила все документы, какие хотела, и начинает новые широкомасштабные операции.

Сидит милая бабушка в мягком кресле, угощает журналистов гоголем, улыбается. А свободная пресса слушает бабушкины сказки и — в отличие от дуры Красной Шапочки — даже не догадывается спросить:

— А почему у тебя такие большие зубы?

Но догадывается? Доверчиво печатает все, что ей подсунули? Или боится? И покорно подыгрывает.

А может, это гуманность? Мол, перевоспитаем Геббельса доверием. Бог в помощь!

Но давайте посмотрим, где и как добыли Красные Шапочки материалы для своих публикаций.

В «Известиях» на полполосы статья Вячеслава Полосина «Вечный раб ЧК». Начинается страстной увертюрой: «Идеологический геноцид, карательные структуры, преступное растление, сатанинский замысел...» Что ж, неплохо, неплохо.

Затем огромное количество цитат из отчетов 4-го отдела Пятого Управления КГБ СССР, перемежаемых многословными комментариями Полосина.

Но нигде ни разу не сообщается: где взял Полосин «отчеты», кто их ему дал, как и где делал выписки, кто определял,

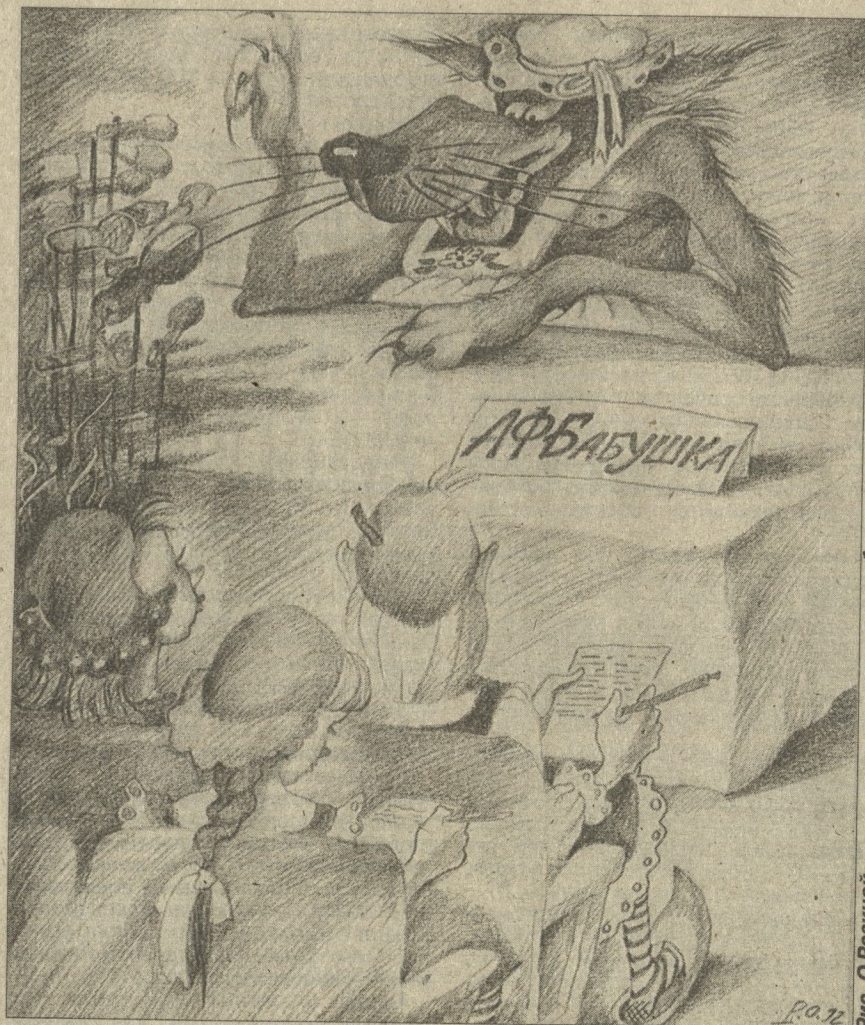

Рис. О.Разиной

что можно выписывать, а что — нет.

Пространные комментарии насчет «сатанинских замыслов» местами даже забавны и вполне на уровне Красной Шапочки. Не могу не процитировать: «А головка КПСС, спутавшая свой карман с государственным, бросала новые и новые средства на алтарь своей богоненавистнической религии». Что такое богоненавистническая вера в Бога, я не знаю. Полосин знает. В редакционном примечании «Известия» сообщают, что В.Полосин окончил философский факультет МГУ, духовную семинарию, был настоятелем Борисоглебской церкви.

Гм. Если человек способен сочинить (на бумаге!) фразу про головку, которая путает карманы и чего-то бросает на алтарь... Трудно даже вообразить, какие перлы звучали в устных проповедях. Теперь Полосин — председатель комитета ВС России по свободе совести, вероисповеданиям, милосердию и благотворительности. Что ж, там красноречие пригодится, чтобы уговорить новую головку чего-нибудь бросить на алтарь милосердия.

Тот же Полосин с той же сенсацией — в «Мегаполис-экспресс» № 3 под заголовком «Митрополит от КГБ». В редак-

ционной врезке есть любопытная деталь: «Показать и прокомментировать документы мы попросили председателя Комитета...» Как председатель и протоиерей комментирует, мы уже видели. А вот то, что он смог «показать документы», — очень интересно. Значит, не избранные места из отчетов, не выписки, а габэшные оригиналы таскает протоиерей по стогнам Первопрестольной и по редакциям ей.

Сам уволок или с ведома компетентных товарищей? Вопрос излишен. Даже если товарищи прямого разрешения не давали, то уж вовремя отвернуться они обучены.

В «Мегаполисе» Полосин сообщает множество агентурных кличек, которые легко расшифровываются. И «Мегаполис» тут как тут, отгадывает на ходу: «Аббат» — митрополит Питирим, «Адамант» — митрополит Ювеналий, не так ли? Характерен ответ протоиерея Полосина:

— Ну, я никого не вычислял, меня ужасает само явление...

Так-таки и не вычислял? Ощущается если и не лицемерие, то лукавство. Может, и не вычислял. Зачем трудиться, если подказали.

Вместо резкого протеста против подобных провокационных, вносящих смуту вычислений, вместо отповеди: не судите да не судимы будете, — что, кажется, было бы приличнее христианскому священнослужителю, — следует весьма сомнительное, с точки зрения морали, замечание. Мол, ничего страшного, «человек просто по совместительству выполнял какую-то государственную службу».

Ничего себе «совместительство»! Ничего себе служба! Далеко пойдет председатель по свободе совести.

Сами «совместители» перепугались смертельно. «Московские новости» № 5 от 2 февраля сообщили, что «около десяти законспирированных агентов только на минувшей неделе обратились в Московское управление АФБ России с просьбой уничтожить в их присутствии документы о сотрудничестве с КГБ».

«МН» делают вывод, что причина страха — «полная неясность с судьбой бывшей госбезопасности» и слияние (не состоявшееся) АФБ с МВД. Боюсь, «Московские новости» ошибаются. Не «судьба бывшей госбезопасности» привела в ужас стукачей, а серия публикаций, где их «сдают по дешевке».

В «России» Виктор Киселев напечатал целую полосу цитат из «отчетов различных отделов Пятого (идеологического) управления КГБ». (Слава Богу, без комментариев.) Приведено более сорока (46!) кличек, даты и места встреч, акции, операции, поездки, слежки...

В предисловии к этим интереснейшим документам Киселев сообщает, что ему «удалось заглянуть» в здание КГБ. Там он «листал папки, читал отчеты, звонил по телефону из кабинета Бобкова (первый зам. председателя КГБ СССР! — А.М.), гулял по коридорам нового и старого зданий на Лубянке, обедал вместе с сотрудниками, раскланивался с ними, как со старыми знакомыми...» Неплохо освоился, прямо скажем. Все эти действия Киселев производил, «пытаясь постигнуть людей, борющихся с инакомыслием, как с вражескими диверсиями», выясняя попутно, «страдают ли они муками совести...». Похвально. Хоть и не выяснил, но похвально.

Есть в предисловии Киселева и такая фраза: «Там, где удалось расшифровать псевдонимы преследуемых людей, в скобках поставлены фамилии».

Но ведь это самое интересное! Как, каким методом «удалось расшифровать»? Почему одни удалось, а другие — нет? Почему расшифровке подвергались преследуемые, а не преследователи? Все это, согласитесь, в тысячу раз интереснее, чем то, где Красная Шапочка гуляла, с кем обедала, от кого звонила, кому носила варенье в баночке и пирожок в корзинке.

Не сказано — как и в «Известиях», — кто разрешил выносить отчеты? а если нет — то кто разрешил копировать? кто решал: что можно, а что нельзя?

Сколько тайн!

Уж не уплыли ли материалы втихаря

от всевидящей «конторы»? Уж не рискнула ли газета ВС России «Россия» опубликовать отчеты КГБ без санкции руководства КГБ?

Скандал! Утечка!

Недаром в «Коммерсанте» № 4 сообщается, что «руководство Агентства федеральной безопасности распространило среди сотрудников требование проводить служебные расследования по публикациям об АФБ, раскрывающим служебную информацию этого ведомства» и что «в десятых числах января состоялось закрытое совещание руководителей АФБ, на котором обсуждались случаи утечки в прессу служебной информации. Пришли к выводу, что необходимо повысить бдительность».

Представляете! В десятых числах января повышают бдительность, а 22 января в «России» огромная утечка! Bravo, «Россия»! Теперь понятно, почему именно к ней так щедры хозяева Российского бюджета.

Недавно, когда пресса взвела от роста цен на бумагу и услуги (медвежь) Союзпечати, в газетах прошла информация, что все миллионные субсидии достанутся лишь двум-трем изданиям, в том числе — «России». (Но разразился скандал, и кормушку открыли для всех по справедливости.)

Исклчительная субсидия — заслуженная награда за объективность и смелость. Досадно лишь, что главный редактор «России» Александр Дроздов с сентября 1974-го по июнь 1990-го служил в Первом главном управлении КГБ СССР. 17 лет! Как граф Монте-Кристо в замке Иф. Тоже, видно, время даром не тратил и от мудрецов Лубянки многому научился.

Теперь 40-летний б. чекист стал главным редактором. Но, как уже приходилось писать, из КГБ СССР уходят или в могилу, или в «действующий резерв КГБ СССР». Таким образом, рутятся все надежды на то, что публикация отчетов КГБ СССР в газете «Россия» КГБ СССР произошла без ведома КГБ СССР.

Чудес в стране КГБ СССР не бывает.

Напоследок придется коснуться и публикации в «АиФ» № 1 — «Аббат» выходит на связь». Это интервью со священником Глебом Якуниным. Он сообщает, что в качестве члена депутатской комиссии ВС России изучает архивы КГБ:

— Это опечатанные тома салатного цвета с грифом «Секретно» и «Совершенно секретно». В них содержатся ежемесячные отчеты о результатах агентурно-оперативной деятельности отделов Пятого управления (позднее Управления «З»), подававшие руководство КГБ».

А далее отец Глеб размышляет вслух:

— Поскольку решением руководства КГБ оно (Пятое управление. — А.М.) недавно было упразднено как занимавшееся антиконституционной деятельностью — контролем за духовной жизнью общества, то, думаю, я вправе озна-

комить ваших читателей с содержанием секретных документов, готовившихся в недрах церковного отдела.

Удивительно, что такой опытный человек, как отец Глеб, искренне считает, что упразднение (а на деле — переименование) управления снимает «совершенную секретность» с документов КГБ.

Замечательно это «думаю, я вправе». Сие, видимо, должно означать, что отец Глеб, ни с кем не советуясь, ни у кого разрешения не получив, собственной волей рассекречивает на весь мир секретные данные.

Отчаянные ребята забрались в архивы КГБ!

Сам шеф КГБ — Бакатин — и то, прежде чем старые «жучки» американцам отдать, у двух президентов спросил разрешения.

А тут Красные Шапочки без спросу совершенно секретных агентов расшифровывают и сдают.

Вот два параллельных текста:

«Известия»
Протоиерей Полосин
цитирует отчет КГБ
за август 1988 г.

«Проводились мероприятия, направленные на дальнейшую компрометацию А.Огородникова... Через агентуру и другие возможности удалось склонить жену объекта обратиться в суд с заявлением о расторжении с ним брака».

«АиФ»
Отец Глеб
цитирует отчет КГБ
за август 1988 г.

«По ДОР (дело оперативной разработки. — Прим.ред.) «Аптекарь» проводились мероприятия, направленные на дальнейшую компрометацию объекта перед единомышленниками и связями на Западе... Через агентуру и другие возможности удалось склонить жену «Аптекаря» обратиться в суд с заявлением о разводе с ним брака...»

Оба священника ЦИТИРУЮТ один и тот же отчет. Точность цитат — святая обязанность любого исследователя. А тут — какие интересные расхождения.

Отец Глеб чуть далее сообщает интервьюеру: «Аптекарь» — это... А.Огородников. А протоиерей Полосин ничтоже сумняшеся прямо в отчете заменяет кличку фамилией.

И если мирянин Киселев («Россия») гордится, что ему «удалось расшифровать», то святым отцам информация, вероятно, ниспосылается в откровении.

Господи! Что творят наивные Красные Шапочки! Нам остается только верить в их наивность и надеяться, что они не ведают, ЧТО творят.

И как жаль, что Красные Демократические Шапочки не сказали Серому Лубянскому Волку: «Хочешь сдать свои волчат — сдавай их сам. А мы тебе не помощники!»

Русская история закончилась какой-то дурацкой шуткой. Союзные депутаты еще голосовали второпях за листок о прекращении СССР, когда кремлевский рабочий уже свинчивал вывеску с надписью «Верховный Совет СССР», а комендант пересчитывал казенные фикусы. Затем на выходе охрана подвергла народных избранников личному досмотру, в просторечии именуемому «шмоном», — и государство, являющееся постоянным членом Совета Безопасности ООН, было ликвидировано без единого выстрела.

Никто не заметил, что в результате этих бесцветных действий советские граждане остались под Новый год единственными носителями упраздненной государственности. Отлетев от разоренного Союза, вся полнота власти, согласно европейской правовой аксиоме, должна была вернуться к своему источнику — к нам, сообществу советских граждан.

Этого не произошло; точнее — этому не позволили случиться. Горбачев ушел своей волей и в нарушение всех державных законов; он даже не освободил присягавших ему от присяги. Мировые лидеры мгновенно признали в президентах-инициаторах декабрьского переворота единственную власть на территории СССР. Триста миллионов советских граждан, с ведома и согласия цивилизованных стран, просто передали в подданство их новым территориальным администраторам.

Нас не спросили, потому что не сочли вменяемыми. С точки зрения международного сообщества, любая власть в нашей стране сегодня безопасней народа. Приемлемая для мира государственность не исходит от нас как от граждан — она предлагается нам в бесплатном порядке, исходя из «интересов мировой стабильности». Кремль рассматривается как общеконтинентальная комендатура; президент одного из новообразованных государств занял кабинет президента упраздненного — и поговорит оттуда по телефону с американским президентом: так выглядела вся инаугурация СНГ.

Запад спешит заслониться от непредсказуемого советского дикаря полицейской силой, заменяющей в его комбинациях исчезнувший Центр.

Страх западного мира перед «русским бунтом, ядерным и беспощадным» принес Федерации ключевые регалии бывшего СССР. Никто при этом не заметил, что на мировую арену вышла страна, не удосужившаяся учредить собственную государственность и не имеющая признанных границ, армии и гражданства.

Российская Федерация не спешит входить в берега европейской традиции потому, что с самого начала создается в геополитической тени сверхдержавы: России отведена роль опекуновской комиссии. Мир приветствует и готов оплачивать не новое правовое государство, а гробовщика — местоблюстителя коммунизма. Но что сулит московской государственности ее очередная всемирно-историческая роль?

В обосновании западной реакции на декабрьский переворот ошутима семантическая подмена: СССР на Западе и прежде именовали «Россией», так что появление на его месте государства под тем же именем и флагом кажется возобновлением доиде-

Глеб ПАВЛОВСКИЙ

ИЗ ЖИЗНИ ПОХОРОННОЙ КОМИССИИ

«Российское правопреемство» —
вместо новой государственности

логической государственной основы. Но Российская Федерация явно не та Russia, совместно с которой Америка утверждала ООН. Этот анклав бывшего Союза, управляемый политиками, уничтожившими союзную государственность, населен людьми, по сей день осознающими себя ее гражданами и стесненно переживающими новые, усеченные, непонятные им границы.

Население Федерации идеологически объединено только ностальгией по «исконному» государству. Единой и неделимой зато сознает себя — поверх всех границ — кремлевская власть. Сегодня это выглядит как претензии на «исконно российскую» Советскую Армию, «исконно российский Крым» и... раз так, что для нас не исконное? Чем Севастополь исконной Киева, Тифлиса и Вильно — старинных губернских городов России?

В качестве «правопреемника» ельцинская Россия наследует именно те неразрешимые конфликты и противоречия, которые помешали СССР преобразоваться в нормальное государство. Россия, например, притязает на покровительство бывшим советским гражданам — но, оттягивая принятие закона о гражданстве, играет на размытом тождестве понятий «советский гражданин» и «россиянин». Она наследует неподъемный для реформируемой экономики военно-стратегический потенциал сверхдержавы — при исчезновении сверхдержавных интересов и сверхдержавной ответственности.

Одна из наиболее болезненных для Европы и США особенностей происходящего та, что на Востоке возникла система государств, лишенных обычных признаков государственности: легитимности властей, признанных границ, собственных армии и валюты, — зато с полным набором всех мыслимых межгосударственных противоречий. Роль арбитра СНГ отведена американскому президенту; но если бы он согласился на это лестное предложение, США надолго утратили бы свободу рук в Евразии.

Панический страх перед этим вселенским оползнем вынудил Запад предпочесть ускорение правовой демократии в Евразии — поиск местного полицейского. Единственной кандидатурой на эту роль, естест-

венно, оказалась Российская Федерация.

Однако нищая антикоммунистическая Федерация рассчитывает как раз на то, чего хочет избежать Америка: на долгий период всемирной несбалансированности. Если бы США пришлось в будущем основывать свою политику на краткосрочных союзах и блоках, Россия смогла бы продавать Америке свою поддержку рознично и за неплохую цену. Роль России как евразийского ОМОНа — единственный вариант «доктрины Брежневая» для СНГ, на который, кажется, согласны некоторые лидеры мирового сообщества.

Но еще в прошлом десятилетии США осознали шаткость антикоммунизма в роли критерия союзной верности. Фолклендская и иракская войны окончательно уценили доктрину «своего сукина сына», и причина проста: антикоммунистическая диктатура очень кстати в момент «кто кого?», зато в долгосрочном плане она обычно создает для США проблемы. Участие Федерации в Совете Безопасности и в НАТО — жестокое искушение для дилетантов, да еще в комбинации с ядерными амбициями.

Кремль рассчитывает сейчас на аванс за благоразумие. Однако неизменно, сохранит ли он его и после расчета?

Можно твердо сказать — с концом СССР невозможен никакой законный правопреемник этого злосчастного всемирного недоразумения.

Мир заново переживает нечто из истории становления Североамериканских Штатов. Снова по безвластным, опасным просторам кочуют люди, разочарованные в авторитете власти и алчущие простых ценностей — собственности, безопасности и свободы. И снова их подкарауливают — бандиты, правительств, армейские вербовщики и сборщики налогов в пользу чуждых им государств.

Былая власть над людьми сегодня лежит в грязи и позоре, поджидая первого, кто ее поднимет; пока же в президентских дворцах царят эпигоны-местоблюстители. Они догадываются, сколь призрачны основания их власти — и осеняют себя символами, вид которых невыносим всякому, кто помнит их смысл.

Кремль что угодно, но не оплот российско-

го гражданства. Этот мрачный музей-заповедник подобрал и скопил регалии крепостной государственности, отвергнутой гражданами трижды за один век. Кремлевская цитадель так же мало символизирует выборное начало, как Тауэр, Шлиссельбург или Вальфшанце. И если Запад в страхе перед «ядерной Югославией» приветствовал новых хозяев, он ни на йоту не обманывается нашими разговорами о демократии.

От Москвы Запад ждет не демократии, а порядка и экономической либерализации. В Вашингтоне надеются, что складывающаяся диктатура станет хрестоматийной рыночной диктатурой «с национальной окраской». Сомнительно, однако, что в данных обстоятельствах правительство России сможет делать два дела: «возрождать величие» государства и демонстрировать архаичную «экономику величия». Первое дело увлекательно и капиталоемко; оно непременно подомнет под себя второе.

Несомненно, мы втянулись в духовную катастрофу небывалых масштабов. Прежние государственные институты, гербы и знамена, политическая мораль — все, чего коснулась кремлевская власть, мертво или умирает. Но крушение государства привело к неожиданному результату: возникли миллионы его истинных правопреемников, вчерашних граждан, которым — и им одним — решать теперь, кто они и кем явятся в мировую семью народов, какие государства решат учредить.

По смерти СССР только мы — его граждане — остаемся единственным источником любой новой государственности на российской земле. Граждане, как они не плохи, составляют последнюю надежду России в конце ее странной истории. И если мы не отречемся от нашей свободы сами и не допустим, чтобы ее у нас отняли под предлогом «возвеличивания России», нам еще предстоит предпринять создание нового, свободного правового государства.

Глеб Павловский, 40 лет, ответственный секретарь журнала «Век XX и мир», в прошлом диссидент, в настоящем... диссидент.

Достойный путь интеллигента: одесский университет, исключение из комсомола за организацию левой студенческой коммуны, преподавание школьной истории в сельской школе, издание независимого журнала в Москве; и далее, как по писаному: арест, тюрьма, ссылка, сезонные работы.

Снова появившись в столице на заре перестройки, он дает в долг своим более «удачливым» друзьям, морально поддерживает их в трудную минуту и пытается собрать в новые культурно-политические начинания.

Воспитанный самиздатом, Глеб Павловский — блестящий публицист. Однако его статьи всегда шокируют, а с его пером всегда спорят.

Как и всякий нормальный человек, Павловский подвержен страхам. Двум страхам. Страху «коричневых» и страху того, что время здравого смысла еще не пришло.

С.М.

Алла Боссарт

ПАТ

**...с тех пор все тянутся передо мной
глухие кривые окольные тропы...**

А. и Б.Стругацкие

Вот вам каверзнейшая из загадок советского сфинкса: почему триумф демократии и суверенитета обозначен тем, что во всех республиках так называемого СНГ, кроме одной, президентами избраны аппаратчики, причем первые аппаратные лица (ну, из числа первых)?

Любому обществу свойствен консерватизм, и в этом смысле «новая общность людей — советский народ» — ничего нового из себя не представляет. Советское общество точно так же тяготеет к стабильности, к сохранности своих привычек, как и любое другое, как вообще тяготеет к постоянству нормальный человек. А население СНГ при всей своей искалеченности состоит все-таки по большей части из нормальных людей. Причем, что характерно, людей советских, так как СНГ — еще далеко не жаркое, а лишь вырезка, кусок туши СССР — и, боюсь, не самая филильная часть. Нормальный же советский консервативный человек (каких, повторяю, большинство) привык к Аппаратчику. Вывески — меняйте, лозунги — куйте, но не отнимайте нас от груди первого секретаря, она вскормила нас полнымным, черномыльским своим молочком, вот и дайте припасть к ней в лихую годину.

Зачем Ленину понадобилось зарезать царевича? По той же, разумеется, причине, что и Годунову. Узурпатору всегда важно выполоть СЕМЯ легитимной власти; узурпатор — сам из народа, ему ли не знать, что народу, великому консерватору, не народный избранник (прогрессивный и справедливый) снится, а легитимный, законный помазанник (любого нравственного качества). У власти должен быть тот, кому она принадлежит.

Пат, положение в шахматной игре, в которой фигуры какой-либо из сторон не имеют ходов и королю ее не объявлен шах. При пате партия признается ничейной. СЭС

За семьдесят лет легитимной стала власть узурпаторов. Мы как бы забыли истоки, мы вообще забывчивы, что от мечал зацитированный Чаадаев. И мы до смерти боимся остаться без помазанников, во власти флибустьеров и авантюристов, никакие они нам не братья по крови горячий и густой, а такие же держиморды, только еще хуже: не в законе.

Поэтому покой узурпаторов августейшие мальчики смущают не в кровавом оформлении, а именно когда они живы, здоровы и невредимы. И грозят стать знаменем.

Однако не всегда.

***

Гию Чантурия, председателя НДПГ — национально-демократической партии Грузии, одного из лидеров грузинской оппозиции, «новой власти», как называют ее газеты, — я навестила в Москве накануне его отъезда в Испанию. В Мадрид полпред новой власти направлялся с миссией: просить одного из братьев Багратиони, потомков грузинской династии, воссесть на престол. Где-где... Дурацкий вопрос. На родине, конечно, в Тифлисе.

Что-то новенькое в демократическом движении. Чантурия дает любопытное объяснение. Народу нужен кумир. Был Сталин — великий грузин, император грандиозной империи. Этот «кусочек», по словам Чантурия, у грузинского народа отняли, великий император оказался убийцей и величайшим врагом грузинского, в частности, народа. «Потом мы вырвали у них изо рта второй кусок — Гамсахурдиа. И теперь кое-кто ищет третий кусок. И вот этого допускать нельзя».

Разумная оппозиция приглашает декоративного монарха (конституционного, разумеется), легитимного помазанника, чтобы обезопасить реальную власть от посягательств — кого? Да Лжедмитрия!

Флибустьеры боятся друг друга. Гамсахурдиа, хотя и не был узурпатором, хотя и был законным, избранным президентом (86,5 сакраментальных процентов голосов), тоже, конечно, из

флибустьеров. (Его авантюра, кстати, далеко не закончена, напрасно «новая власть» ставит на нем такой уж жирный крест.) И Грузия, как и Армения, нарушила советскую традицию демократического переиздания аппарата потому, как мне кажется, что президентским выборам в Закавказье предшествовали слишком кровавые забавы коммунистов. Слишком уж жестоко выпороли кормилицы оба своих народа. Не розгами, как обычно, а шомполами. Нагайками. Со свинцом.

Я уже пыталась объяснить («Огонек», №№ 40 и 52 за прошлый год) причину популярности именно Гамсахурдиа как воспреемника легитимной власти. Дружба с Мерабом Костава, диссидентское мученичество (и то и другое в достаточной степени театрализованное). И прежде всего — лозунг бескомпромиссной борьбы с владычеством Москвы. Как бы там ни было, акт наследования состоялся, помазание свершилось. Рука и сердце народа были отданы Звиаду, борцу с «агентами Кремля» и «врагами нации». Мало кто заметил, что седины нового кумира покрывает алый пиратско-большевистский шелк, а паруса брига, на котором он вплыл в Дом правительства, черного цвета. Впоследствии из них нашли черных колготок для армии «мдедриони» (не путать с «Мхедриони»).

Теперь очередная законная — очень дурная, очень жестокая, фашистская — все, что пишут по этому поводу, верно, — диктатура свергнута. Но законная диктатура. Но свергнута вооруженным путем. Об этом почему-то не пишут, а если пишут, то вводными предложениями. И бывшая оппозиция, а теперь новая власть, опасаясь новых флибустьеров, приглашает безопасного мадридского автогонщика чистых голубых кровей в качестве Кумира — заткнуть народу рот третьим «куском», чего уж там стесняться в выражениях. Признаем: гротескнейший гамбит. Правда, не они первые. Годунов-то, прежде чем мальчонку замочить, тоже ведь Федора убогого просил, зная, что блаженный — не помеха. Да тот на беду отказался. И матерей-регентш история знает, и серых кардиналов, и хитрейших министров.

Я уверен, сказал Чантурия, что референдум проголосует за монархию. Уверен, добавил он также, что на парламентских выборах победит НДСГ. Свою кандидатуру в качестве премьера Георгий не выставляет, остается простым вождем партии. Партии, из состава которой будет формироваться кабинет. Правда, такое впечатление, что мы все это уже проходили?

Почему, спросила я, вы так уж уверены в победе национал-демократов? Почему, ответил Чантурия, что партия, вопервых, зарекомендовала себя исторически как старейшая грузинская

Тбилиси, январь 1992. Простреленная афиша

партия, во-вторых, она наиболее последовательно боролась с диктатурой (куда подевалась вся оппозиция, когда на улицах Тбилиси шла «рождественская война»?). И, наконец, самое главное: наши принципы отвечают общим чаяниям, даже ярые звиадисты, наши заклятые враги, поддерживают наши лозунги — мы против политического союза с СНГ и против войск СА на территории Грузии.

Ну, другими словами, долой владычество Кремля... А как насчет его агентов?

Когда Церетели — тот самый Ираклий Церетели, председатель партии

национальной независимости, ближайший сподвижник Чантурия, один из главных противников Гамсахурдиа, четвертый в «черном списке» президента после Сигуа, Чантурия и Китовани, — когда Церетели высказался в декабре против вооруженных действий, — Чантурия объявил его предателем.

Ирина Саришвили, хрупкая, бестрашная жена Георгия (они познакомились в тюрьме, где оба сидели за политику), пресс-секретарь его партии, очень по-женски, по-домашнему забившись в угол гостиничного дивана, шурясь от дыма, сказала просто, как о погоде: «Когда воюют две силы, воюют с

оружием в руках, когда гибнут твои товарищи, сохранять нейтралитет — это то же самое, что сделал Гамсахурдия во время путча: не поддержал ни тех, ни этих. Это безнравственно».

Грузинские женщины! Обезумевшие «мдедриони» — «черные колготки». Старая Лили Иоселиани — святая сестра легендарного Джабы, — господи, как кротко и терпеливо она сидела на ступенях университета в профессорском пикете, осененная плакатом «Долой вождизм и беспредел!»... Верная всем режимам, Ия Мухранели, послушный идеолог, распятая горем мать, орлицей защищала своего мальчика, прятала в бункере, чтобы носить теперь траур по несчастной, неприкаянной его душе, не вынесшей разлада с собой... Тетя Маро, что осталась без крова, в разрушенном доме на проспекте Руставели, вырастила пятерых детей — чтобы они стреляли сегодня в других детей и громили свои дома; тетя Маро, которая не знает, у кого — и от кого теперь просить защиты... Ира Саришвили. Несгибаемая революционерка, маленький аскет с одним человеческим грехом: много курит. Слабая телом и твердая духом. Слишком твердая. Помню, как в прокуратуре с ней прощались, нежно, словно ребенка, целовали ее отец, брат, товарищи. Она могла бы уйти с ними, если бы хотела, но оставалась голодать и требовать свободы, с сектантским фанатизмом верующая, преданная своей религии. Ира Саришвили, железный ангел, убежденный в нравственности кровопролития.

Я не стираю грузинские пленки полугодовой давности. И с возрастающим горьким недоумением слушаю их сейчас, когда роли власти и оппозиции так круто поменялись.

« — Если возникнет вооруженный конфликт, вы встанете на сторону оппозиции?»

— Ни в коем случае. Мы займем такую позицию, чтобы не пострадал невинный народ. Мы — сдерживающая сила, гвардия — вне политики, вне партий. Мы никому не отдаем предпочтения. Президент должен сам ликвидировать конфликт между ним и оппозиционными партиями.

— Вы можете арестовать президента?

— Арест президента пахнет путем черных полковников. Нам это глубоко претит».

Ни в одном из сообщений о грузинских событиях я не встречала имени полковника Автандила Цхитшвили, бывшего заместителя командующего Национальной гвардией. Где он? Помнит ли о своих достойных, взвешенных словах, сказанных осенью? Помнит ли их нынче, в зимние дни, когда на улицах Тбилиси не встретишь ни одного счастливого лица? Нынче, когда прекрасные,

присягнувшие народу ребята из Шавнабады стреляют в толпу, бьют камеры репортеров, крушат воспетый проспект и мародерствуют в руинах Дома правительства?

Мы с Марком Штейнбоком гордо разгуливали в сентябре по Тбилиси, нацепив подаренные нам гвардейские значки — в знак причастности и солидарности. Я хотела написать о расколе гвардии и озаглавить материал собиралась «Гвардейцы кардинала и мушкетеры Китовани». Жаль, не сочинила. Вот уж позабавилась бы сейчас.

«Военный совет шага не делает без нас, — сказал Чантурия. И поправился: — То есть, конечно, без временного правительства». Так кто же сегодня разгоняет манифестации по всей Грузии, кто держит блокаду Южной Осетии, где мрут от холода младенцы в роддомах, кто арестовывает префектов по районам, кто готовит арест бежавшего президента? Временное правительство Сигуа? Военный совет Китовани? Консультативный совет, объединивший лидеров парламентских фракций и политических партий? Или, может, рядовые гвардейцы? На их горячность уже сейчас ссылаются свежее грузинское руководство — как любил пожурить местную инициативу не ведавший греха Большой Президент за тот же Тбилиси в апреле, за Вильнюс в январе и далее со всеми остановками.

Национальные гвардейцы — обычные ребята со всей Грузии: среди них есть всякие — и студенты, и поэты, и работники, и уголовники, — как в любой армии. И воюют они, как солдаты любой армии, забывая о жалости и страхе. И, победив, ведут себя, как солдаты любой победившей армии. Не спрашивайте с солдат. Не спрашивайте с толпы. Не спрашивайте с народа.

Дело не в том, что аргумент бывшей оппозиции: дескать, у Гамсахурдия не осталось сторонников — без боя, мол, взята даже «крепость звиадизма» Зугдиди (что неправда); не в том дело, что аргумент этот недобросовестный. Все мы видим по телевизору и читаем в газетах, что сторонников — навалом; повсюду — комитеты неповиновения, и Абхазия протестует, и в Поти стреляют, и даже едут манифестировать в Москву. Дело не в этом. А в том, что наличие или отсутствие поддержки вообще не аргумент. Вернее, аргумент спекулятивный. И новые флибустьеры пользуются им точно так же, как пользовался прежний. «Уголовные элементы, кучка экстремистов, пьяный сброд», — говорил Гамсахурдия. «Экзальтированная толпа с чрезвычайно низким менталитетом», — говорит Георгий Шенгелия. «Сброд подонков», — говорит Джаба Иоселиани. «Грязная, черная толпа, та же, что брала Зимний», — скажет Георгий Чантурия.

Народная поддержка — не оправдание власти. Народный гнев — не правый ее суд.

Хочу повторить то, о чем писала в октябре в статье «Искушение», опубликованной в декабре («Огонек», № 52). Безусловно отдавая человеческие симпатии оппозиции, я высказала тогда опасение, что советский менталитет в каком-то смысле мажет одним миром самую пламенную оппозицию с самой тухлой властью. Именно потому, что наш лидер — будь то аппаратчик или диссидент — первым делом братается с народом, повязывает его с собой одной ответственностью, делает своим «подельником». Ибо сами мы из варварства не вышли, и власть наша — варварская.

Прошло три месяца. В Грузии идет гражданская война — самый страшный результат братания власти с народом. Самая безнадежная из войн: в ней не бывает победителей.

Ни одна из стран, ведущих гражданскую войну, не ведет войну справедливую. Надо занять чью-то сторону, говорила я себе осенью; время такое, что нельзя не пачкаться в политике. Но — не нахожу, с кем рядом встать. Ищу, но не нахожу силы, способной не разрубить, а распутать грузинский узел.

Пресса сообщала, что во время манифестации в поддержку Гамсахурдия сорок человек из провинции были задержаны за нарушение паспортного режима. В наказание те, кто не сможет уплатить штраф, обязаны в течение месяца отработать на восстановлении проспекта Руставели.

— Как вы относитесь к этому? — спросила я Чантурия.

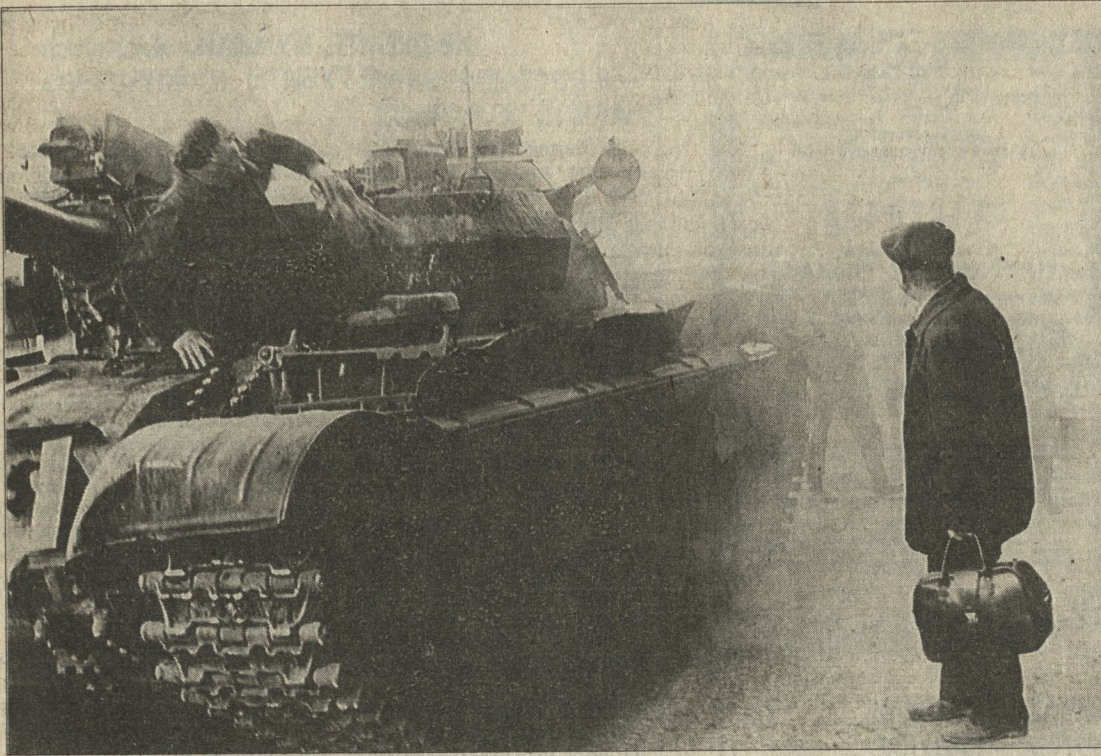
— Я восхищен! — воскликнул он. — Прекрасное решение.

— Вы не думаете, что это использование рабского труда?

— Ничего подобного! Грязная, преступная толпа, которая месяц назад избивала мою жену, изгадила весь город; они разрушили дом моих родителей, дом родителей Ираклия Церетели, мемориальный дом Нато Вачнадзе, потому что она мать братьев Шенгелая! Это черная толпа, та же, что брала Зимний. Пусть работают!

В сорок пятом году злополучный Дом правительства на проспекте Руставели отстраивали пленные немцы. Он построен, как известно, на месте разрушенной церкви, на костях предков. Известно также, что теперь «Дом Сатаны» будет снесен и церковь восстановят. Уж не руками ли пленных провинциалов?

Тенгиз Сигуа сообщил на пресс-конференции, что вся команда временщиков — он, Китовани, Иоселиани и другие — намерена посетить храм: покаяться в пролитой крови, поставить

Там же,
тогда же

свечки за невинно убиенных, помолиться о свободе и благополучии Грузии. Абуладзевская метафора обретает буквальный смысл...

Да, Сигуа энергично начал приватизацию. Вернул вузам автономию. Освободил Тореза Кулумбекова. Начинает переговоры с Южной Осетией. Вынул клеп изо рта прессы, позволил свободно высказываться в эфире и печати по любому вопросу. Похоже, что доктор технических наук Тенгиз Сигуа — прирожденный премьер-министр, по серьезному счету человек государственный. Он умудрялся контролировать самодурство Гамсахурдиа, когда был его премьером, и сам оставил высокий пост, когда понял, что президент глух к голосу разума. Сигуа способен, мне казалось, сохраняя дистанцию с народом, делать свое дело. Большого-то не нужно.

Но на горе — идет война, и глава временного правительства Сигуа одобряет ее, называя народным восстанием. Консультативный и военный советы, осуществляющие реальную власть в Грузии сегодня, не собираются прекращать военные действия. Гамсахурдиа же держится за власть бульдожьей хваткой маньяка. Вандее не видно конца, и, если полягут не сто человек, а сто тысяч, они тоже не будут слишком дорогой платой для президента. Сколько же стоит законная власть?

А незаконная?

В мае предполагаются парламентские выборы. По прогнозу Чантурия, к этому моменту обстановка стабили-

зируется, народ успокоится и продемонстрирует трезвое волеизъявление. Но без отставки или ареста президента выборы невозможны.

Забавно, что дело против Гамсахурдиа возбуждено прокуратурой, возглавляемой все тем же неувыдаемым Вахтангом Размадзе — генеральным прокурором при Шеварднадзе, Патиашвили и при самом Звиаде Гамсахурдиа. Когда-то он не выписал ордер на арест будущего президента — и был вознагражден. А недавно дальновиднейший прокурор не дал ордера на арест Чантурия, Хаиндравы и Саривили... Ай да Вахтанг, ай да молодец!

Итак, срочно требуется отставка или арест (следуя вахтанговскому чутью). Отставки не будет никогда; здесь, по моему, надеяться нечего. Арестовать не даст Дудаев — тут свой кодекс чести. Если же начнутся конфликты с Чечней, могут не выдержать нервы у Ельцина с Шапошниковым. Но и у грузинских санкюлотов нервы не железные. Никто, разумеется, ничего не говорит вслух. Но взаимная ненависть бывших правозащитников, разделенных баррикадой законной власти, удержку уже не знает. В лице Гамсахурдиа лично я впервые столкнулась с поистине шекспировской ситуацией, когда власть дороже, чем жизнь.

Ситуация трагическая. Когда не дорога своя жизнь — что ж говорить о чужих?

В нашей империи—союзе—содружестве — я имею в виду по-

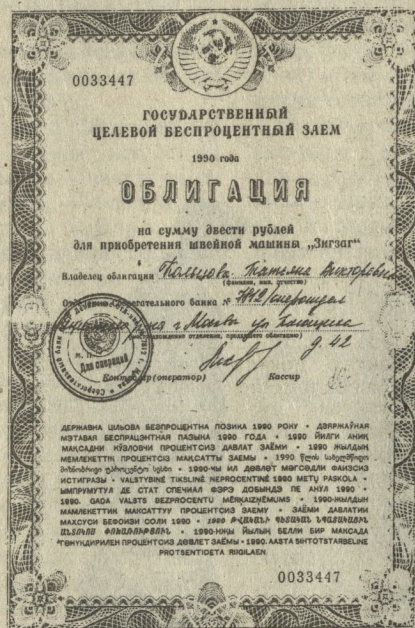
прежнему всю шестую часть суши — когда-то давным-давно возобладали психология путчистов. Рождалась она, как звезда пленительного счастья; она искажала бледные личики курсисток, взрывалась глупыми бомбами и ревелла на Дворцовой площади. Этой психологии присуща сниженная ценность человеческой жизни — точно так же, как психологии преступника. Волна высокопоставленных августовских самоубийств в Москве — это диагноз. Потому мне глубоко симпатичен Михаил Горбачев, у которого хватило воли предпочесть жизнь власти. Ибо это воля цивилизованного человека. Пусть он и не поэт, как Гамсахурдиа, не историк, как Чантурия, не художник, как Китовани, не философ, как Иоселиани, и не доктор наук, как Сигуа. И не мастер спорта по волейболу.

Грузинский Сократ — Мераб Мамардашвили, затравленный режимом Гамсахурдиа, высказал мысль, которую ему не смогли простить: истина, сказал он, выше понятия нации, выше родины.

Истина выше демократии. И наоборот, она выше закона. Но истина состоит в том, что ее нельзя добыть ложными путями.

Снова, уже в который раз, не услышали в Грузии Абуладзе, простоудушно спросившего, зачем же дорога, если она не ведет к храму?

Фото Марка Штейнбока

**СНАЧАЛА — ВЗДУЛИ,
ПОТОМ — НАДУЛИ?**

В 1990 году были выпущены облигации, дающие право на покупку дефицитных товаров в 1993 году. Но уже сегодня обладатели этих бумаг обеспокоены — получат ли они обещанное?

Всего облигаций для приобретения швейных машин, тракторов, автомобилей, холодильников, компьютеров, телевизоров, стиральных машин выпустили на 15 миллиардов рублей. Купили — только на четыре. В первую очередь «павловские бумаги» (так их прозвали) продавались передовикам производства, потом началась свободная продажа.

Как правительства СНГ при новых ценах будут отдавать долги СССР? По условиям погашения займа до 1 июля 1992 года владельцы облигаций должны прикрепить по месту жительства к магазинам, где будут выдаваться товары. Но кто должен прикрепить? Тот, кто придумал занять деньги у народа, сегодня в «Матросской тишине». Когда москвичка Татьяна Кольцова с облигацией в 200 рублей для приобретения швейной машины «Зигзаг» обратилась в районную сберкассу, она узнала, что «может выбросить свою бумажку на помойку». Или пойти с ней куда-нибудь еще. Ценность бумаги, действи-

тельно, весьма сомнительна. Если в 1990 году машинка «Зигзаг» стоила 140 рублей, то теперь свободная госцена — две с половиной тысячи. Найдет ли правительство России средства для размещения гражданке Кольцовой и другим доверчивым соотечественникам разницы в стоимости?

Начальник отдела по операциям с ценными бумагами Центрального банка РСФСР Андрей Козлов сообщил, что государства СНГ взяли на себя реоформление госдолга СССР, но порядок погашения пока детально не определен. По мнению директора Управления по обслуживанию госдолга Сбербанка Российской Федерации Анатолия Новикова, на все виды товаров, кроме автомобилей, владелец облигации не должен доплачивать разницу в цене. Таким образом, сумма госзайма 1990 года возрастет к 1993 году до астрономических масштабов. «Думаю, в правительстве России этот вопрос решается», — сказал Анатолий Новиков. И посоветовал журналу «Столица» напомнить московской мэрии или Моссовету, что пора бы распорядиться о начале регистрации владельцев облигаций в торговых предприятиях.

А.Е.

**НЕ ГУБИТЕ, МУЖИКИ,
НЕ ГУБИТЕ!**

В редакцию «Столицы» пришло письмо, обращенное к главам государств, правительств и парламентам республик бывшего Союза ССР. Публикуем его в сокращенном виде:

— 200 бирж и брокерских фирм профессиональных союзов и ассоциаций, участников оптовой торговли из 14 государств бывшего Союза ССР, уполномочили нас — Правление Межрегионального биржевого союза сказать вам следующее.

Мы отдаем должное вашим попыткам найти выход из унаследованного тупика на путях национального самоопределения и государственной независимости. Каждый из нас в отдельности, наши коллективы и клиенты имеют собственное, дорогое ему имя, родину, род. Но небрежность, с которой вы экспериментируете скальпелем в экономике, может привести к тому, что она умрет от вскрытия, а не от вчерашних болезней.

Не будем голословными. Именно вы благословляете противоречащие друг другу законы. Именно вы изобретаете налоги один разорительнее другого, перед которыми барщина, оброк и церковная десятина выглядят милыми пустяками.

Нам кажется, что в дополнительном разъяснении нуждается смысл работы товарных и фондовых бирж, брокерских фирм и других организаторов рынка. Биржи — это антимонопольные организации, которые ничего кроме рынка, условий для него не производят. Сегодня они действуют в принудительно узком масштабе, по самым оптимальным оценкам не превышающем двух-трех процентов товарооборота бывшего СССР.

Без бирж будет только госснаб и таможня, а мы не знаем ни одного госснаба, который не работал бы исключительно сам на себя. Без бирж не будет торговли, а без торговли не будет производства. История наших государств свидетельствует, что купцы, брокеры и прочие коробейники умеют найти и продать то-

вар, чиновники его только делят.

Исходя из вышеизложенного, мы настаиваем: согласовать экономическое пространство, условия и сроки введения национальных валют; употребить все возможности наших правительств на обеспечение свободы честной торговли; не препятствовать инвестициям и не нарушать право распоряжения собственностью в тот момент, когда государство отрывается от обязанностей инвестора; вспомнить, что экономиста — частное дело миллионов. Чем быстрее вы избавитесь от «заботы» о торговле, отдадите ее в частные руки, тем быстрее мы от фальшивой либерализации перейдем к действительной свободе цен.

Мы — за стабильность правителей и правительств. Но в том случае, если наши просьбы не будут услышаны, мы вынуждены будем сопротивляться очередному государственному вмешательству в экономику всеми легальными, доступными нам средствами, включая приостановление собственной деятельности.

P.S. Обращение составлено накануне второго слушания Закона о биржах в парламенте России. Депутаты, имеющие весьма скромное представление о биржевой работе, пытаются определить биржевикам такое же скромное поле деятельности. Под этим подразумевается настолько жесткое управление коммерческими структурами, что в сравнении с ним административно-хозяйственное регулирование кажется свободным рынком. Пора определяться — либо рынок, либо — призы-вы к нему. Или, как предупреждают в обращении, «приостановление деятельности». Чьей только?

ИЗЛИШКИ — НА СБЕРКНИЖКИ

Прогноз Минторга Украины, ожидавшего в конце января—начале февраля массового наплыва товаров в магазины, не оправдался. Естественно, приказал долго жить и другой прогноз — Национального банка. Украинцы в последнее время положили на сберкнижки более 10 миллиардов рублей — вдвое больше той суммы, на которую рассчитывал банк. По купонам в нынешнем году планируется продать товаров на 300 миллиардов рублей, остальные — почти на 190 миллиардов — пока можно будет купить на рубли. Беда в том, что покупать нечего. Вот и пухнут быстро обесценивающиеся вклады.

НА БИРЖАХ ТРУДА БУДУТ ОЧЕРЕДИ

В республиках экс-СССР, в российских городах идет регистрация безработных. В Латвии закон о занятости вступил в силу в середине января — с тех пор на бирже труда зарегистрировалось немногим больше десятка специалистов. Во всем Кузбассе официальный статус безработных имели 330 человек. Пособие получали 200 из них. Но прогнозы неутешительны — в той же Латвии безработица может охватить 100 тысяч человек, а это значит, что почти каждый десятый будет искать себе место под солнцем. По мнению специалистов службы занятости, в Кемеровской области в нынешнем году на биржу обратятся 220—280 тысяч человек. Одно из самых сложных положений в Санкт-Петербурге: там уже сейчас более 9 тысяч человек не имеют работы, почти 2 тысячи из них получают пособие. Трудоустроить удалось лишь 1,7 тысячи человек, и это не случайно — на улице оказываются в основном люди предпенсионного возраста.

РУБЛЬ ПРЕВРАЩАЕТСЯ В ДОЛЛАР, А ДОЛЛАР... В ВАСЮКИ

Судьба обесценивающегося рубля тревожит всех, и каждый день появляются все новые проекты его спасения. Их разрабатывают банкиры и... геологи, предлагая взамен бумаги золото. Председатель Ассоциации российских банков С.Егоров заявил, что рубль можно стабилизировать без денежной реформы, для этого надо «всего лишь» сбалансировать доходы и расходы населения. Свежая мысль, как говорится. Надо, но как? А очень просто — расширить экспорт и на вырученную валюту покупать товары. Это еще Н.Рыжков пытался сделать с помощью нашумевшего АНТа. Не получилось тогда, а сейчас, похоже, увеличить экспорт — чистой воды прожектерство. Товары наши на мировом рынке спросом

не пользуются, а сырьё уже самим не хватает.

В Магадане группа ученых предложила свой вариант закона о либерализации торговли золотом и драгоценными металлами. Суть такова — разрешить всем подразделениям Госбанка РФ и коммерческим банкам покупать золото у организаций и частных лиц по свободным ценам. Как считает один из авторов проекта, доктор геолого-минералогических наук А.Кулик, это позволит перевести рубль на золотой стандарт. В рамках программы конвертации предлагается выпускать серебряные деньги. Для этого надо 50—70 тысяч тонн металла, а в Гохране его всего 4 тысячи тонн. Авторы не смущаются — для начала хватит, а потом добудем — запасы серебра в Магаданской области оцениваются в 100 тысяч тонн. Чем-то родным и давно знакомым повеяло от таких рассуждений — помнится, когда О.Бендер собирался превратить Васюки

в столицу шахматной мысли, он тоже говорил, что тридцати рублей для первых телеграмм хватит, а потом денег девать будет некуда, начнутся жертвования. Серебряные рубли авторы предлагают выплачивать военным и работникам бюджетных организаций, полагая, видимо, что предприниматели пока поживут и на бумажные. Отоvarиться на серебро можно будет в специальных магазинах. Назовем их, к примеру, «Березками». Словом, прожектов все больше, рублей тоже, а товары по-прежнему в дефиците.

ЧТО В СЕЙФАХ, ГОСПОДА?

Правительство столицы не знает, какими валютными ресурсами оно располагает. Есть постановление Российского правительства, запрещающее считать коммерческой тайной сведения о городской собственности. Но предприятия, находящиеся в муниципальном подчинении, упорно игнорируют его и не извещают мэрию о своих доходах. Начальник управления внешних экономических связей Е.Файншмидт считает, что надо положить конец этой «вольнице». Он заявил, что в Москве вполне можно применить опыт правительства Германии, которое использовало силы полиции для доступа к информации, которую нечистоплотные чиновники прятали в сейфах.

На снимке вы видите купюру, которая имеет неограниченное хождение внутри редакции Алтайской независимой газеты «Свободный курс». Достигнута и частичная конвертация ее, правда, пока только на обеды в столовой. Талон хорошо защищен не металлизированной нитью, а стабильным финансовым положением газеты. Похоже, и наш общий рубль из болезни должен выкарабкаться этим же путем.

Друзья!!! Если Вы хотите найти себе друга в одной из стран Западной Европы, бюро знакомств «Централе» к Вашим услугам!

Вам необходимо сообщить фамилию, имя, возраст, полный адрес и телефон, есть ли у Вас дети, профессия, любимые занятия, знание иностранных языков. Не забудьте вложить 2 фотографии (портрет и в полный рост) и конверт с обратным адресом. Мы Вам гарантируем — любое письмо получит свой ответ! Наш адрес: а/я № 9/342 Москва.

Оплату услуг просим произвести почтовым переводом в размере 20 руб.

Копию квитанции вложить в письмо. Адрес для перевода: п/о 129041, А.К.Матюшину до востребования.

Ваше счастье — в Ваших руках!

НАМ БЫ ТАКОЙ ОБРАЗ МЫШЛЕНИЯ

ВИДЫ СПЕКУЛЯЦИИ

Словарь определяет спекуляцию как «торговлю в надежде получить прибыль от изменения рыночной цены». Это определение подходит для наших целей. Самый знаменитый (или, точнее, самый поносимый) из всех спекулянтов — «медведь» на Уолл-стрит, который «продает на срок», т.е. продает акции, которыми в момент сделки не обладает, с условием доставки их в будущем. Спекулянт считает, что акции понизятся в цене и когда придет время доставки акций покупателю, их удастся купить по низкой цене и продать по оговоренной заранее высокой цене.

Более важным спекулянтом является, видимо, спекулянт на товарной бирже, который ведет торговлю такими товарами, как пшеница, соевые бобы, свинина, лес, сахар, какао или медь. Спекулянты этого типа покупают и продают «фьючерсы». Фьючерс — это соглашение о поставке к некоторой будущей дате оговоренного количества товара по установленной сейчас цене.

Это знаменитые спекулянты, чьи подвиги описываются в газетах. Менее известный спекулянт — вы сами. Вы сейчас покупаете образование, отчасти потому, что надеетесь таким образом увеличить ценность трудовых услуг, которые вы будете продавать в будущем. Однако будущая цена ваших услуг может оказаться слишком низкой и не окупит ваших сегодняшних инвестиций.

Другим известным спекулянтом является потребитель, который прочитал в газете об ожидающемся повышении цены на сахар и, реагируя на это, завалил кладовку двухгодичным запасом. Если цена сахара возрастет достаточно сильно, эти запасливые люди выигрывают. Если же нет, то проигрывают. Их богатство связывается в виде сахара, который забывает полки кладовой и к тому же лишает возможности приобрести более ценные вещи — например, приносящий проценты банковский вклад.

Когда при виде рекламы, сообщающей, что бензин здесь стоит на два цента за галлон дешевле обычного, водитель наполняет бак бензином, он тоже

Пол Хейне — экономист, профессор Сизтлского университета. Его книга «Экономический образ мышления» выдержала пять изданий в США и считается одним из самых популярных курсов по экономике. Вероятно, еще пару лет назад не было бы смысла издавать ее в нашей стране. По крайней мере, для широкой публики. Но сегодня предельно ясные рассуждения американского экономиста на темы, которые волнуют всех — свободные цены, спрос и предложение, конкуренция, монополизм и многие другие, — воспринимаются с огромным интересом. Книга Пола Хейне выпущена на русском языке издательством «Новости», и мы предлагаем читателям краткий отрывок из нее.

спекулирует, через два квартала цена может оказаться на четыре цента ниже. Водитель, который едет на машине с почти пустым баком в надежде, что цены впереди окажутся ниже, заведомый спекулянт. И водители, которые постоянно доверху заливают свои баки при слухах о близящемся дефиците бензина, очевидно, являются спекулянтами.

Многие люди, однако же, не осознают, что они сами спекулянты, и осуждают «жуликов» за беспринципную погоню за прибылью, ставя им в вину «использование» особых ситуаций и невинных людей.

КОНКУРЕНЦИЯ ПРИ ФИКСИРОВАННЫХ ЦЕНАХ

Итак, что же произойдет, когда какое-нибудь благо, вроде бензина, становится более редким, а его денежная цена лишена возможности повыситься? Мы наверняка увидим увеличение денежных затрат на его приобретение, ибо бензин теперь является редким, и потому он обязательно будет рационирован. Если закон мешает функционировать такому механизму распределения, как денежная цена, то по необходимости будут использованы другие

ПОЛ ХЕЙНЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ОБРАЗ МЫШЛЕНИЯ

критерии и механизмы — возникающие самопроизвольно либо придуманные. Потенциальные покупатели бензина постараются выявить эти новые критерии для отбора покупателей и начнут на их основе конкурировать друг с другом. Конкуренция между ними повысит общие затраты — денежные плюс неденежные — и будет увеличивать их до тех пор, пока величина спроса не сравняется с величиной предложения.

Лучшим примером, наверное, может служить очередь за бензином. Когда люди опасаются, что они не смогут купить столько бензина, сколько они хотят при цене 80 центов за галлон, они постараются пораньше приехать на бензоколонку: пока запас не распродан. Но других осенит та же идея, так что очереди начнут возникать раньше и станут длиннее. Ожидание в очереди — это, бесспорно, затраты. По мере их повышения вступит в действие закон спроса: потребители меньше ездят на автомобиле, когда за полный бензобак придется платить 12 долл. плюс полчаса ожидания в очереди, чем когда он им обходится просто в 12 долл.

Некоторые водители решат поискать бензин где-нибудь в округе, а не стоят в очереди. Их дополнительные затраты — расход времени и бензина на поиск. Другие пойдут на сделку: наполнят бак из резервных запасов, дав чаевые заправщику; оплатят стоянку машины на бензоколонке; согласятся провести там техобслуживание; достанут билеты в театр для ее владельца. Все эти формы конкуренции повышают затраты на приобретение бензина. И затраты будут повышаться, пока в конце концов величина спроса не сравняется с величиной предложения.

Конкуренция между людьми, суммар-

ное желание которых приобрести благо не может быть полностью удовлетворено при существующей цене, приведет к повышению затрат на его приобретение. Обычно в таких ситуациях повышается денежная цена. Когда идут вверх другие компоненты затрат, связанные с приобретением блага, мы можем быть вполне уверены, что денежная цена удерживается на заниженном уровне какими-нибудь общественными силами (например, законодательным ограничением). А когда это происходит — т.е. когда удлинение очереди, увеличение времени на поиск или какие-либо специальные комбинации становятся главными методами распределения благ (т.к. величина спроса превосходит величину предложения при установленной денежной цене), — мы говорим о дефиците данного блага.

Экономическое понятие дефицита сфокусировано на денежной цене. Дефициты существуют только тогда, когда денежные цены не могут выполнять свою функцию распределения редких благ между конкурирующими покупателями. В реальной жизни мы обнаруживаем дефицит повсюду, где механизм распределения редких благ повышает неденежные затраты.

РОЛЬ ПРОДАВЦА В РАСПРЕДЕЛЕНИИ

Мы не удивляемся повышению денежной цены блага, ставшего более редким. Почему? Потому что практически всегда продавцы заинтересованы в повышении денежной цены, а не каких-либо других компонентов затрат на приобретение блага. В конце концов что выигрывает владелец бензоколонки, когда его клиенты стоят 30 минут в очереди? Ничего (или даже еще меньше, если они, добравшись до насоса, превращаются в малоприятных субъектов). Но увеличение денежной цены галлона бензина на 20 центов добавляет 20 центов за каждый галлон к состоянию владельца бензоколонки. Увеличение неденежных затрат обычно влечет за собой то, что экономисты называют омертвленными затратами. Это затраты покупателя, которые не приносят выгод продавцу. Прекрасным примером могут служить затраты на ожидание в очереди.

Если продавцы могут извлечь выгоду из омертвленных затрат, они захотят сделать это. И всякий раз, когда продавецвольно повысит денежную цену поставляемого ими блага, у них под рукой оказывается простое средство для

такого превращения. И заметьте, насколько это удобное и гибкое средство. Каждый человек ценит деньги, т.к. обладание ими дает ему возможность распорядиться огромной совокупностью благ. Каждый привык платить за блага деньги. Обычно продавец является собственником или его доверенным лицом, за которым признается право менять денежные цены. Денежную цену легко двигать вверх или вниз для поиска такого ее уровня, при котором затраты покупателя на приобретение блага в наибольшей степени преобразуются в выгоды поставщика.

Все это объясняет, почему изменения денежных цен являются обычной реакцией на изменение относительной редкости благ и почему экономисты видят в изменении денежных цен средство первостепенной важности для обеспечения координации в обществе. Вне всякого сомнения, существуют такие блага, которые невозможно распределять посредством меняющихся денежных цен, и другие блага, которые, как согласится большинство людей, не следует распределять таким образом. Но стоит обязательно отметить, что там, где этот механизм достижения общественной координации не применим, намного труднее достичь сотрудничества в широком масштабе.

БАРАХОЛКА

ФИЛАТЕЛИСТЫ

Человека, первый раз пришедшего на набережную Тараса Шевченко к магазину «Филателия», сразу со всех сторон обступят с вопросами: «Марки, монеты, бонь есть?» И уже совсем тихо: «Валюта есть?» До тех пор, пока вы не ответите на все вопросы, от вас не отстанут. Наконец вы нашли (или он вас нашел) человека, имеющего то, что вам нужно. Начинается торг. Вокруг собираются другие филателисты, которые внимательно следят за заключаемой сделкой. Им тоже хочется продать свой товар, и цены у них могут быть ниже. Но никто никогда не назовет свою цену до тех пор, пока вы не закончите говорить с вашим продавцом. Это — одно из неписаных правил профессиональной этики.

Шевченковцы занимаются филателией профессионально — почти ни у кого из них никакой другой работы нет. Некоторые на пенсии. Многие здесь и состарились. Есть и другие: ветераны войны и просто старики, для которых продажа марок является единственным средством к существованию.

У «Филателии» существуют рабочие династии. С ранних лет «деды» приучают своих внуков и сыновей к упорному, в дождь и слякоть, стоянию у магазина.

Если верить слухам, среднестатистический «жучок» с «Филателии» зарабатывает в день около 500 рублей. И это только на марках. А ведь сфера деятельности «филателистов» куда шире. Взглянув, однако, на плохонькую их одежку, затертые до дыр джинсы или старомодные брюки клеш, никак не скажешь, что перед тобой преуспевающий делец, имеющий 15 «штук» в месяц. «Умеренность во всем» — вот их девиз.

Из чего складывается их прибыль? Начнем с того, что почти все необходимое для работы они приобретают по государственной цене, реже — с небольшой переплатой. Источник тот же — государственная торговля. Второй источник — частные коллекции, владельцам которых нужны наличные деньги. Им не до торга, они хотят быстро получить требуемую сумму.

На кого рассчитана торговля у «Филателии»? На иностранцев, привлеченных русской экзотикой. На богатых русских, ничего не смыслящих в филателии и не желающих где-то бегать, чтобы пополнить свою коллекцию. А между тем — цены на Шевченко самые высокие в Москве. В филателистических клубах,

особенно окраинных, цены в два-три раза ниже.

Особую категорию покупателей составляют люди, выезжающие на время или навсегда за границу. Они покупают марки для продажи там, за кордоном. Но, увы, там их ждет большое разочарование. Никто на Западе советских марок с рук покупать не будет. А в специализированных магазинах их достаточно. Лишь некоторые советские серии имеют там постоянную, довольно высокую цену. Но, чтобы продать что-то с выгодой для себя, положим, во Франции, нужно прекрасно знать конъюнктуру местного рынка.

Цены на марки растут день ото дня. Новинки из зарубежных стран продают в пересчете с доллара по курсу черного рынка. На обложке одного из номеров журнала «Филателия» изображено буквально следующее: на одной чаше весов в неимоверном количестве рубли, на другой — несколько советских марок последних лет. Перевашивают, естественно, марки. Вывод прост: вкладывайте деньги в марки, и вы не ошибетесь.

Э. ДОРОЖКИН

**Америка лежит на большой
автомобильной дороге.**

И.Ильф и Е.Петров

Хотя эти строки были написаны более полувека тому назад, они как нельзя лучше отражают важнейшую особенность американского образа жизни — без хороших дорог и надежных, удобных автомобилей не было бы тех впечатляющих достижений во всех областях жизни США. Не было бы и самого американца с его динамичным ритмом жизни, общества, где скорость и масштабы деятельности определяются во многом средствами передвижения.

А начат был этот путь к успеху 1 октября 1908 года, когда Генри Форд выпустил первый автомобиль марки «Т», окрещенный впоследствии «жестяная Лиззи». Эта машина вошла в историю как первый массовый автомобиль. Уже в 1924 году из ворот фордовского сборочного завода резво выехала 10-миллионная «Лиззи». Быстрые темпы производства автомашин требовали и быстрого строительства дорог. Большой бизнес, хорошо осознав, какие выгоды сулит создание сети дорог для развития индустрии и сельского хозяйства, действовал без промедления. Осознавали это и правительственные круги США. Даже когда в 30-е годы ветр не разразился экономический кризис, президент Ф.Рузвельт направил десятки тысяч лишившихся работы людей на строительство дорог. В результате люди смогли пережить тяжелые времена, а Соединенные Штаты получили дополнительно около 500 тысяч миль дорог.

Если взглянуть на современную карту автомобильных дорог Америки, то невольно сравниваешь ее с системой кровеносных сосудов. Как не может любой организм нормально, не болея, функционировать без необходимого притока крови, так и хозяйство США не сможет успешно развиваться и действовать без отлаженного механизма движения грузопотоков и пассажирского транспорта по автомобильным артериям. В давней же конкуренции железнодорожного транспорта с автомобильным последний одержал убедительную победу — главным массовым средством передвижения американцев стал автомобиль.

Во время недавнего пребывания в США мне довелось проехать за рулем более двух тысяч километров. Если вспомнить дороги, по которым проходил мой путь, то они были всего двух категорий: хорошие и очень хорошие. Такие необходимые и простые атрибуты, как разметка и регулярно повторяющиеся знаки с номерами дорог, можно было бы и не упоминать — все сделано так, чтобы было удобно и безопасно как водителю, так и пешеходу. Одно из

Игорь МИХАЙЛОВ

ИХ
ДОРОГИ —
НАШИ
ОБОЧИНЫ

самых ярких впечатлений произвела на меня дорога из Сан-Франциско в штат Орегон. Выехав вечером, в горах я попал в зону густого тумана. Неожиданно я увидел то, что могло бы поразить воображение любого бывалого водителя: разделительная полоса вдруг засветилась мягким светом множества желтых огоньков: это вспыхнули в темноте лампочки, вмонтированные в дорожное полотно.

Если представить американскую дорогу в разрезе, то ее можно сравнить с многослойным пирогом. Количество необходимых слоев щебня, песка, металлической арматуры, бетона и асфальта зависит от местности и климатических условий, где она строится. У многих такой фундамент равняется метру и более. При строительстве специалисты тщательно учитывают специфику каждой автомагистрали. Они дают рекомендации, какой цемент необходимо применять при строительстве, как обеспечивать максимальное сцепление колес с дорожной поверхностью. Один километр строительства автомобильной дороги в США в среднем стоит миллион долларов. Как показала многолетняя практика, расходы с лихвой окупаются уже через несколько лет.

Встречаясь с американскими фермерами, мне не раз приходилось слышать, что без хороших дорог агробизнес в Америке не смог бы развиваться столь успешно. Продукция с ферм быстро и без потерь доставляется в город, поступает на переработку и в магазины, как говорится, «от двери к двери», без лишних перевалочных операций. Сияющие чистотой молоковозы, авто-

мобилю-рефрижераторы, мощные грузовики с промышленной продукцией днем и ночью спешат доставить груз. Время и труд принято уважать, ибо и то и другое — деньги, которые в Америке умеют хорошо считать.

Управлять автомобилем американцев приучают с детства, и, конечно, с юных лет они знакомы с правилами движения, которые, может, за исключением скорости вождения, редко нарушают. В соответствии с законодательством большинства штатов самостоятельно управлять автомобилем можно с 16 лет, а в присутствии взрослого и с 15. Американцы любят сами сидеть за рулем, и в учреждениях очень редко можно встретить шоферов служебных машин. Личный водитель — это роскошь, позволительная очень богатым людям или видным государственным чиновникам и бизнесменам.

По протяженности дорог США достигли самого высокого показателя в мире — более пяти миллионов миль. (Для сравнения: бывший Советский Союз, занимая первое место по площади, имел только 900 тысяч километров дорог с твердым покрытием.) Немало среди них платных автомагистралей и тоннелей и мостов. Не раз приходилось останавливаться у специальных застекленных кабин и раскошелиться, платя доллар или более за проезд. Например, дорога из Вашингтона в Нью-Йорк суммарно обходится в 20 долларов...

В США построено немало скоростных трасс — хайвэев, которые не пересекаются с другими магистралями и проходят вдали от крупных населенных пунктов, что в значительной мере обе-

спечивает безопасность движения и высокую скорость доставки грузов.

Попадая на такое шоссе, кажется, что вся страна, сев за руль, спешит куда-то, мчится, наверстывая время, боясь опоздать. Статистика свидетельствует: американцы по своей динамичности — одна из самых непоседливых наций. В течение жизни в среднем они меняют 11 раз свое место жительства.

Легкие на подъем американцы, получая выгодные деловые предложения или решив сменить обстановку, без трудностей решают проблемы переезда. Многие даже живут в специальных домах на колесах, если это помогает их бизнесу или устраивает их сегодняшние требования. И никаких проблем с пропиской или утомительных оформлений документов при покупке жилья. Те трудности, с которыми сталкиваемся мы, ими труднопонимаемы, а по затратам времени и усилий они сравнивают наши проблемы со стихийным бедствием, как, впрочем, и всю нашу нынешнюю жизнь.

Превратившись в главное средство передвижения, автомобиль верой и правдой служит американцам. А только легковых автомашин в настоящее время в Америке насчитывается 140 миллионов и свыше 40 миллионов грузовых.

Знакомясь с тем, как налажен автомобильный сервис в США, многие наши соотечественники испытывают чувство, отдаленно напоминающее состояние шока, и разводят руками. Американцы руками не разводят, давно поняв, что этот вид сервиса перспективен, обеспечивает устойчивые доходы (180 миллионов автомобилей!) и выгоден всем, как владельцам автомашин, так и владельцам заправочных и технических станций. И хотя обслуживать им приходится огромную армию водителей, я нигде не встречал очередей. Кроме того, если вы регулярно заправляете свой автомобиль бензином одной и той же компании, например «Эксон», то получаете со временем значительную скидку.

Как правило, американец вместе с запасной шиной берет всегда с собой и удобный, простой в обращении автомобильный атлас. Каждый год в них вносятся уточнения и необходимая информация. Следит за этим Американская автомобильная ассоциация (AAA). Эта некоммерческая организация, которая объединяет многие миллионы своих членов, ежегодно создает около 270 миллионов экземпляров карт и буклетов для автолюбителей.

Но, несмотря на прекрасные дороги и оснащенные современной техникой автомашины, аварий в США совершается немало. Мирные отношения между автомобилистами и пешеходами прекратились почти сто лет назад: точно из-

вестна и дата — 9 января 1899 года. Эмигрант из Польши Иосиф Блум, спеша домой, перебежал улицу на углу знаменитого Бродвея. Сбитый «безлошадной движущейся повозкой», как тогда называли автомобиль, он через несколько часов умер. Отсчет трагической статистики в США был начат, и в 1951 году она зафиксировала первый миллион погибших на дорогах Америки. Ежегодно в Соединенных Штатах погибает свыше 50 тысяч человек. (У нас, где автомобилей значительно меньше, число погибших превысило 60 тыс. в год.) Всего аварии на дорогах унесли больше человеческих жизней, чем все войны, в которых участвовала Америка.

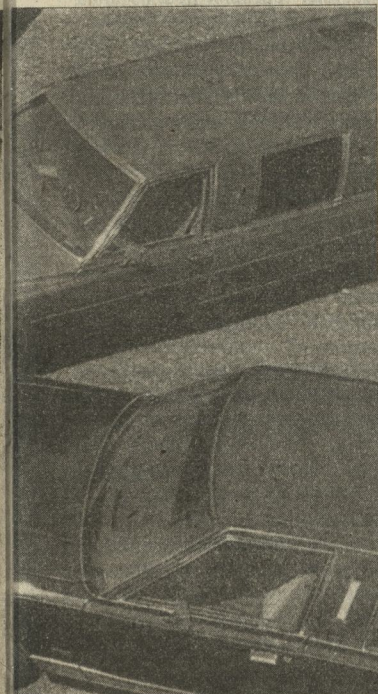
Знакомство с тем, как организовано автомобильное движение, строительство дорог и автосервис в США, ставит немало серьезных вопросов перед нами. Помню, как жаркая дискуссия была в 60-е годы на страницах печати по проблемам автодорог в бывшем СССР. Звучали здравые голоса — вначале строить дороги, а затем — промышленные и жилые объекты. Хотя даже не умудренному специальными знаниями человеку ясно, что выгодней вначале прокладывать дороги и только после этого вести основное строительство. Но в обществе, где долгие годы телегу ставили впереди лошади, не последовали здравым советам. Так до сих пор мы гробим технику, тратим впустую миллиарды, но по-прежнему, как и при царе горохе, дороги строим после завершения строительства домов, заводов, фабрик...

Не так давно мне пришлось проехать на машине из Запорожья в Москву. Печально знаменитое российское бездорожье предстало в Орловской, Курской, Тульской областях. А это одно из самых оживленных направлений автомобильных перевозок. Но для того, чтобы убедиться в ужасном состоянии дорог, не обязательно выезжать из первопрестольной. Ведь и дороги в самой Москве можно разделить, увы, только на две категории: плохие и очень плохие. А обещания наших градоначальников навести порядок на столичных трассах так и остались пока обещаниями...

В свое время мы стремились догнать и перегнать Америку. Но она мчится стремительно вперед по своим прекрасным дорогам, и нам долго еще, к сожалению, к ней не приблизиться — ведь на наших такую скорость не разовьешь. И хотя менее десятилетия осталось до наступления XXI столетия, до сих пор актуально звучат слова Н.В. Гоголя — в России две напасти: плохие дороги и дураки. И чем раньше мы поймем, что и то и другое нам не выгодно, тем лучше.

Сан-Франциско—Вашингтон—Москва

За эти машины и эти дороги не грех и выпить на лужайке

ЗОЛОТО? СДАТЬ!

Два незадаанных вопроса Егору ГАЙДАРУ

В свое время, сразу же после назначения Егора Гайдара вице-премьером российского правительства, я безуспешно пытался получить от него интервью. Готовясь к беседе, переслал «отцу» нынешней реформы вопросы, на которые хотел бы получить ответ. Были среди них и такие: «Что из своего прошлого марксистского багажа Вы взяли с собой, приступая к реформам?» и «Как нынешнее правительство России намерено использовать золото и драгоценные камни, добываемые на территории страны?».

Интервью, увы, не состоялось. А сегодня я неожиданно получил ответы на свои незадаанные вопросы. Сделать это позволили некоторые недавние решения правительства России.

Начнем со второго вопроса. Проблема российского золота — а наша страна, если судить по официальным данным, пока остается вторым в мире производителем и продавцом этого металла после ЮАР — давно перестала быть проблемой технологической. Это проблема социальная и даже отчасти мировоззренческая.

Мало кому известно, что не менее трети всего добываемого в республике золота производят не государственные шахты или драги, а артели золотодобытчиков, то есть, по сути, частные лица. Оснащенные примитивной, собранной со свалок техникой, получая для разработки, как правило, бедные месторождения, эти люди, работая по 14 часов в сутки, демонстрируют как минимум второе более высокую (по некоторым данным и еще выше) производительность труда и показатели выхода металла.

Однако сегодня артельщики вынуждены в обязательном порядке продавать золото государственным добывающим организациям по твердой цене — 28 рублей за грамм. А те сдают его государству уже по 70 рублей. Государство же сбывает золото на Цюрихской бирже по 11 долларов за грамм, что даже по официальному обменному курсу составляет не менее 1500 рублей. Так государственная монополия на золото оборачивается элементарной грабилькой.

И вот 4 января президент России подписывает постановление правительства за номером 10, в соответствии с которым добыча золота и других драгоценных металлов, а также драгоценных камней разрешается всем зарегистрированным на российской территории юридическим лицам и гражданам республики. Они могут получить в разработку месторождения золота, содержащие до 100 тонн металла.

Казалось бы, такое постановление представляет собой несомненный прорыв в глухой стене государственных монополий на все, что нас окружает. Открывается возможность для резкого увеличения добычи золота, стимулируются золотодобытчики. Появляются перспективы для вложения в отрасль застоявшихся капиталов из переполненных касс коммерческих банков и лопочающихся карманов многих частных лиц. А иначе зачем вообще принимать какое-то постановление, да еще за подписью первого лица России?

Однако то же постановление сообщает, что, как и прежде, все добытое на российской земле золото должно в обязательном порядке сдаваться в Комитет драгоценных металлов и драгоценных камней при Министерстве экономики и финансов Российской Федерации. О ценах, по которым они сдаются, ничего не сказано, но раз «сдаются», значит, опять-таки по произвольным ценам, которые установит сверху государство в лице своего Комитета или Министерства.

Кроме того, сохраняется безусловная монополия государства на экспорт золота. Правда, до 1 февраля должен быть разработан порядок расчета в валюте с добывающими предприятиями за сданное ими золото. Но, насколько нам удалось выяснить, до сих пор такой порядок не разработан. Да и все предыдущие «порядки» со сданным государству зерном или другими товарами, за которые производителю была обещана валюта, убеждают, что «порядок» этот будет выгоден только нашему постоянно нищающему государству в лице его ведомств.

Самое забавное, что тем же постановлением глава российского правительства

приказывает до конца 1992 года создать и запустить в действие биржи драгоценных металлов, камней и изделий из них. Вообще-то о подобной бирже давно мечтают и наши биржевики, и банкиры, желая начать операции с идеальным товаром, имеющим небольшие объемы при огромной стоимости. Однако если все драгоценные металлы и камни, добытые в России, будут в обязательном порядке сдаваться в казну, то кто же и чем будет торговать на бирже? Очевидно, те же государственные предприятия, которые в централизованном порядке будут получать от российских или местных властей золото и камни для переработки. А кто будет покупать? Торгующие организации? Тогда — опять-таки только государственные, так как в цитируемом постановлении Министерству юстиции Российской Федерации предписано «разработать меры по усилению ответственности юридических лиц за нарушение государственной монополии в области приобретения и продажи драгоценных металлов».

Чтобы не утомлять читателя излишними рассуждениями, набросаем конспективно ситуацию, которая возникнет после вступления постановления в силу. Сначала государство будет отбирать по произвольным ценам у частных добытчиков золото и камни. Затем будет перепродавать их с выгодой для отдельных бюрократических и давно уже приватизированных чиновниками структур за границу, а также через биржу, взвинчивая цены для потребителей — тех, кто в конечном итоге покупает ювелирные изделия.

Не будем лукавить: свободная торговля золотом не страшна странам, в которых имеется конвертируемая валюта и экономика которых покоится на фундаменте частной собственности. У нас этого нет. Без этого любая биржевая торговля драгметаллами превратится в чудовищную спекуляцию и расхищения национальных богатств. Биржа драгметаллов должна увенчать собой здание новой финансовой и экономической системы, основой которой будет конвертируемый рубль. Но уже сегодня есть коммерческие банки, готовые официально покупать золото, в том числе и у артелей, по мировым ценам. Если бы такая покупка была бы разрешена, то и государство могло бы не грабить артельщиков, а само покупать у золотодобытчиков — частных и государственных — золото по нормальным мировым рыночным ценам.

Однако в новом постановлении ничего об этом нет. Не знаю, как вы, а я ответ на свои незадаанные Егору Гайдару вопросы получил.

Э.ГУСЕЙНОВ

ря, не очень популярны. Хотя низкоэнергетический лазер абсолютно безвреден. Это же не военная установка, назначение которой — разрушать. Хочу подчеркнуть, что мы используем лазеры НИЗКОЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ, световая мощность которых составляет сотые, тысячные доли ватта. Такое излучение не опаснее, чем, скажем, солнечный свет у поверхности земли. Если с лазером работает специалист, нежелательные последствия полностью исключены...

— Ну, хорошо, убедили: медицинс-

онкологические заболевания (хотя исследования в этой области в нашей стране ведутся), не можем помочь при острых инфекциях, при угрозе кровотечения, при необходимости срочного хирургического вмешательства.

А сердечно-сосудистые болезни, аллергические состояния, всевозможные воспалительные процессы, дистрофические изменения опорно-двигательного аппарата, кожные и некоторые урологические заболевания лазер лечит весьма успешно. Пожилым людям я бы посоветовал периодически проходить курс лазеротерапии — в качестве профилактики ишемической болезни сердца.

— И все-таки лазеротерапия — это для нас пока экзотика. А экзотика, как правило, стоит недешево...

— Курс лечения в нашем центре обойдется вам в триста пятьдесят — четыреста рублей. Вполне приемлемая сумма, особенно если ее готова заплатить организация, в которой вы работаете. Пользуясь случаем, хочу обратиться ко всем предпринимателям, ко всем директорам. Помните: здоровье сотрудников — немалая ценность в бизнесе. Те несколько сотен, что вы отдадите за лечение работника сегодня, могут завтра обернуться многими тысячами прибыли. В нашем центре работают полтора десятка человек. За два года не было выписано ни одного больничного листа — оттого, что вовремя лечимся «по месту работы». Экономический эффект очевиден...

— Допустим, некий деловой человек захотел организовать свой медицинский лазерный центр. Что вы ему посоветуете?

— Пусть приезжает к нам, на улицу 1-я Сокольническая, дом 8, милости просим. Поможем наладить дело, поделимся опытом, проконсультируем врачей, подыщем аппаратуру... Недавно был у нас один пациент из Петропавловска-Камчатского. Мы его вылечили, и так ему понравилась методика, что он у себя на Камчатке открыл центр лазерной терапии. Купил, кстати, у предприятия ТВК четыре аппарата «ФАЛМ-1»...

Вообще я уверен, что за лазерной терапией — большое будущее. Придете через несколько лет на прием к врачу, а он вместо того, чтоб выписывать горы рецептов на сомнительные лекарства, скажет: «Вам, батенька, показан лазерный луч — наружно и внутривенно»... Кстати, на что жалуетесь лично Вы?..

Наш корреспондент жаловался на аллергию и на остеохондроз позвоночника. И пройдя курс лечения лазером — наружно и внутривенно, — почувствовал себя намного лучше. Чего и вам желает.

ЛАЗЕРНЫЙ ЛУЧ — НАРУЖНО И ВНУТРИВЕННО

Лазерная терапия — пока что не слишком распространенная медицинская методика. Но вспомним — совсем недавно новинкой считались операции на сердце, искусственные почки, аппараты Илизарова... Наш собеседник — врач Центра лазерной терапии на базе медсанчасти № 2 «Метростроя» Валентин Николаевич ЖОХОВ:

— В нашей стране исследования медицинских свойств лазера ведутся уже около пятнадцати лет. В Европе, США, насколько я знаю, эта область исследований развита меньше. Так что у СНГ здесь определенные приоритеты: есть свои методики лечения, выпускаются довольно качественные лазерные установки, простые в эксплуатации, компактные, питающиеся от обычной электросети. Комплексное предприятие ТВК, подразделением которого является наш центр, недавно разработало аппарат «ФАЛМ-1», существенно превосходящий по своим параметрам серийные образцы...

— Почему же медицинских учреждений, подобных вашему, так мало?

— Издержки государственной медицины. Врачи большую часть времени вынуждены были тратить на статистику, соцсоревнование. Какой тут может быть разговор о самообразовании, повышении квалификации... Быть может, сказывается еще и психологический момент. При лечении лазером мы используем термины: «излучение», «облучение»... А эти слова, мягко гово-

кие лазеры безвредны. Но насколько эффективны?

— Очень эффективны. В этом меня убеждает двухгодичный опыт работы центра, тысячи людей, которым мы уже помогли. Лазеротерапия иногда — единственный путь к излечению. С лекарствами сейчас сами знаете как. Своих производим все меньше, импортных не стало вовсе. Лазер же с успехом заменяет множество ставших практически недоступными препаратов: циннаризин, стугерон, церебролизин... Кроме того — никаких побочных эффектов, никаких аллергий.

— Каким же образом лазерный луч лечит?

— Через непосредственное воздействие на живое вещество. Медикаменты, скажем, влияют лишь на биохимические, в меньшей степени — на энергетические процессы в организме. А лазерный луч имеет целый ряд биофизических эффектов, которых никакими таблетками не достичь. Улучшается иммунная система, кровь становится менее вязкой, увеличивается ее насыщение кислородом. Прежде всего активизируется микроциркуляция в больном органе. И происходит порой невозможное, с точки зрения традиционной медицины. У нас бывали случаи, когда при язвенной болезни желудка удавалось обойтись без операции — под воздействием лазера язва сама собой затягивалась...

— То есть лазер — это что-то вроде воды, заряженной Аланом Чумаком, лекарство сразу от всех болячек?

— Что касается воды, то, слава Богу, нет. Но мы, к сожалению, пока не лечим

Казахстан

**КУНАЕВ — НЕ
КУНЯЕВ: ПЬЕТ
ТОЛЬКО
МИНЕРАЛКУ**

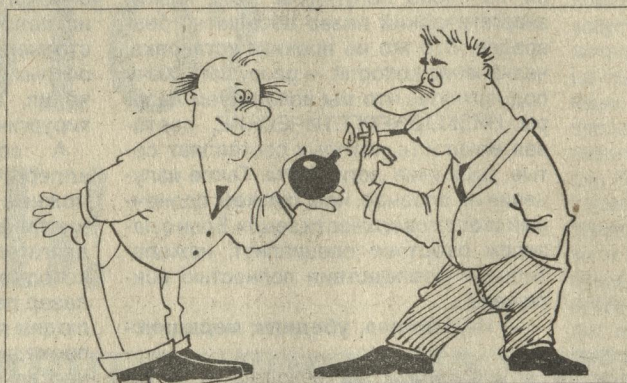
Еще полгода назад бывший Первый секретарь ЦК Компартии Казахстана, бывший член ЦК КПСС Д.А.Кунаев вынужден был вести жизнь затворника. Для того чтобы, скажем, взять у него интервью, требовалось специальное разрешение его недавних коллег из республиканского ЦК, причем разрешение должен был получить не только журналист, но и сам Динмухамед Ахмедович.

Недавно Кунаеву исполнилось восемьдесят лет, и благодаря значительному политическому потеплению аксакал впервые за долгие годы смог отметить свой юбилей именно так, как ему захотелось самому. А захотелось ему отправиться в персональном авто на родину — в поселок Баканас Алма-Атинской области. Земляки встречали юбиляра с должным почтением: его приветствовали пионеры, лучшие люди села. В местной средней школе был накрыт внушительный дастархан, за которым Динмухамед Ахмедович произнес небольшой спич, вполне в духе времени назвав присутствующих «господами» (правда-правда!) и предложив выпить за встречу по стопке водки. Сам аксакал ограничился минеральной водой. В соседнем селе — Бакбакты — Кунаеву преподнесли в дар породистого скакуна.

Юбилейные торжества продолжались в Алма-Ате, в Доме ученых Академии наук Казахстана. А «на закуску» областной коммерческий телеканал дважды преподнес зрителям интервью с юбиляром — безо всяких согласований «наверху».

Так что Динмухамеда Ахмедовича есть с чем поздравить.

Валерий РУДАКОВ

Красноярский край

**А ТАБАЧОК —
ВРОЗЬ!**

Прискорбно, но Иван Иванович опять поссорился с Иваном Никифоровичем. Правда, на этот раз междоусобничек местного значения имел место быть не в Миргороде, а в городе Канске, где находится единственная за Уралом табачная фабрика, выдающая, кстати, ежегодно на-гора ни много ни мало семьсот тысяч сигарет.

Сейчас трудно уже доподлинно определить, чем именно городские власти обидели директора канского гиганта индустрии. Но, видимо, обидели крепко. «Ах, вы так? — сказал директор. — Ну, тогда не видать Канску нашего прославленного «Космоса» как своих ушей», — и прекратил поставки продукции торговым предприятиям родного города. Тут настал черед обижаться городским властям. «Ах, вы так? — сказали они. — Ну, тогда будет вам «перекур!» — и устроили отпуск для всех работников фабрики, попросту отключив питание электроэнергией.

Так и сидели в своих кабинетах — кто без электричества, кто без курева, дулись друг на друга. Но, в отличие от гоголевских героев, все-таки помирились через четыре дня и, восстановив статус-кво, теперь совместно подсчитывают убытки.

Борис Иванов (РИА)

Калуга

**РСМ: НАМ В
ПАРИЖ ПО ДЕЛУ
СРОЧНО**

Чем меньше в рядах областной организации РСМ (бывший ВЛКСМ) молодых людей, тем больше тянет руководителей россомола «за кордон», в омуты и клоаки капитализма.

Областная газета «Провинция-информ» извела море бумаги, живописуя многочисленные зарубежные воляжи (естественно, на общественные денежки) первого секретаря обкома РСМ Сергея Четверикова. И не зря — Четвериков теперь от заграничье воздерживается. Но подрастает ему достойная смена. По некоей очень серьезной нужде укатил в Париж секретарь обкома той же организации Юрий Алешин. Оплачивать поездку вновь будет обком РСМ. И вновь дивятся «невыездные» обыватели: только на проезд туда и обратно придется потратить около шестидесяти тысяч рублей, что намного больше суммы членских взносов, собранных новой областной организацией за всю ее короткую историю в нескольких районах области. Местные эксперты подсчитали, что вместе со стоимостью месячного пребывания важной персоны во французской столице расходы на воляж превысят РСМовские взносы, собранные по всей области.

Александр ШИБАНОВ

Нижний Новгород

**«САМСОН»
РАЗРЫВАЕТ
ПАСТЬ РУБЛЮ?**

Один «Самсон» — с портретом лидера местных анархистов Бориса Самсонова (в черных очках) приравняется отныне к десятирублевой бумажке с привычным Владимиром Ульяновым (без кепки). Такой курс установил независимый профсоюз нижегородских анархистов «Свобода». «Свобода» выделила сто тысяч рублей на организацию бесплатных

обедов для студентов экономического факультета Нижегородского государственного университета. Заключен договор с одной из столовых. А, чтобы исключить махинации с «халявой», анархисты отпечатали очень красивые кредитки, из расчета: один обед на одну персону — один билет.

Борис Самсонов, «руководитель кропоткинского типа и масштаба», считает, что новой (денежной?) единице суждено большое будущее: с расширением коммерческой деятельности профсоюза «самсоны» должны превратиться в твердую валюту и по-

ОСКОЛКИ

степенно вытеснить из обращения рубль — сначала в области, а потом...

Наверное, именно этими соображениями руководствуются анархисты, подкармливая прежде всего студентов-экономистов. Ведь именно им, по словам того же Самсонова, «через два-три года придется вытаскивать Россию из дерьма». Неужели с помощью свободно конвертируемого «самсона»?

Олег КАПИТАНОВ
(ИА «ПАС»)

Украина

ПОИМКА ЗЛОУМЫШЛЕННИКОВ — ДЕЛО РУК САМИХ ЗЛОУМЫШЛЕННИКОВ

В винницкой глубинке начали широко применять неординарное средство для борьбы с преступностью. На пустых полках сельских магазинов появилась смущающая покупателей одинокая бутылка «Столичной». Продавать ее страждущим селянам наотрез отказываются, ибо это не просто поллитра, а «пастка для злодів», ловушка для воров, иными словами.

При отсутствии телефонной связи и нормальных дорог в «медвежьих углах» Винницкой области рассчитывать на оперативный розыск преступников не приходится. Поэтому злодей ловит себя сам. Все очень просто. Забравшись ночью в сельмаг и, естественно, не обнаружив там ничего заслуживающего внимания, вор никак не сможет пройти мимо сиротливой

бутылки. Отведав же содержимого, он неминуемо становится пациентом местной больницы, где его легко изобличают и, по выздоровлении, арестовывают.

Подробности действия модернизированной «Столичной» на организм содержатся в строгой тайне, как, впрочем, и адрес производителя хитроумной «пастки».

**Информ-бюро
«НЕЗАВИСИМОСТЬ»**

Переславль-Залесский

ЕЩЕ ПОЛСКА НЕ СГИНЕЛА!

Переславль-Залесский вышел из состава России и присоединился к Польше. Об этом свидетельствует бело-красный стяг, развевающийся не где-нибудь, а над зданием горисполкома.

Городские власти совершили государственный переворот тихой сапой и не дают пока никаких разъяснений ни газетчикам, ни населению, в одночасье превратившемуся из русского в польское.

Не исключено, конечно, что благодаря солнцу, ветру и безвестным бракоделам с завода красителей голубая полоса на бело-голубо-красном российском флаге просто-напросто выцвела.

А может, воспользовавшись смутным временем, гришки отрепьевы наших дней совершили на излете XX столетия то, что не удалось Речи Посполитой в веке XVII?

Олег ПЕТРОВ

Минск

КТО ИМЕЕТ ДВЕ ОВЦЫ — ТОТ НА КАВКАЗЕ КНЯЗЬ. А В БЕЛАРУСИ — ШЛЯХТИЧ

Один из лидеров «Объединения белорусской шляхты» — Петр Гуца — заявил: объединение намерено в ближайшее время обратиться в Верховный Совет республики с ультимативным требованием: вернуть все земли, что принадлежали шляхте по праву наследственного пользования. Трудно сказать, насколько реально сие требование: в 1795 году, когда территория те-

перешней независимой Беларуси была присоединена к Российской империи, к сословию шляхты причислялось около половины населения. С учетом многих тысяч «неравных браков», имевших место в течение двухсот лет, этот процент сегодня может быть намного больше.

Возможно, именно этими соображениями руководствовалось правительство республики, приняв закон о праве получения земли гражданами Беларуси. Согласно этому закону, каждый желающий работать на земле может получить в личное пользование до 50 гектаров. Этой территории вполне достаточно, чтоб построить родовой замок и зажить как истинный шляхтич.

Владимир ПАНАДА

ПРИГЛАШАЕМ
в летний оздоровительный лагерь
В НОРВЕГИИ
лиц с физическими недостатками
от 18 до 30 лет.

Благотворительная акция
Бюро международного туризма
«Альбатрос».

Писать: 109443, Москва, а/я 15.
Программа «Норд».
Вкладывайте конверт с обратным адресом!

Рисовала Ольга Разина
«Осколки» собирал
Кирилл РЫБАК
Наш телефон 928-18-56

Игорь СТАДНИК

ЛЮДИ С УЛИЦЫ ГРАНОВСКОГО

«Правительственный дом», кв. № 55. Три хозяйки на шестиметровой кухне

Эта улица в Москве, прячущаяся за старым зданием университета, в 300 метрах от кремлевской стены, — особенная. Всякий москвич знает — здесь жили вожди, теперь здесь живут их вдовы и дети. На этой же улице отделение «кремлевки» — Центральной клинической больницы, рядом — «кормушка», столовая лечебного питания, подпитывающая тех, кто еще не в «кремлевке».

Но мало кому известно, что здесь же живут люди совсем другого сорта. Сливаясь с домом по Грановского, 3, обвешанным, как колумбарий, мемориальными досками, стоит другой, номер 5, близкий по архитектуре, только заметно обветшавший. Через арку вход во дворик, где стоят старые скамейки, сидят обыкновенные старушки в серых шерстяных платках. В подъездах у дверных звонков по несколько фамилий. Тут, на Грановского, 5, рядом с домом, символизирующим наше советское прошлое, простые коммуналки.

Когда-то эта улица звалась Шереметевским переулком. Граф Шереметев в конце прошлого века застроил переу-

лок доходными домами для состоятельных людей. После революционных бурь сюда из Кремля переехали наркомы и секретари ЦК. С отдельными квартирами поначалу было не очень. К примеру, две комнаты в семикомнатной квартире занимал нарком финансов Григорий Сокольников со своей женой Галиной Серебряковой. Их квартира была на первом этаже и дважды обворовывалась. Во второй раз разочарованные «экспроприаторы экспроприаторов экспропрированного» оставили записку: «Тоже мне нарком, печатает червонцы, а у самого одни дыры». В те годы весь переулочек принадлежал ВСНХ, в дом по Грановского, 5, селили правительственных чиновников «второго разбора», «мелкоту», и, соответственно, — погуше.

Постепенно революционный быт налаживался, начальники разъезжались — кто в Дом на набережной, кто к метро «Аэропорт», и оставшиеся вожди зажили по-человечески: одна семья — одна квартира. Соседний же дом отошел к обычному ЖЭКу, оставшись среднестатистической коммуналкой.

Владимир Иванович и Юрий Леопольдович

Они родились в 1921 году, были соседями и приятелями по коммунальной квартире. Дома были построены так, что один из подъездов оказался общим для правительства и для обычных граждан. По левую руку — квартиры Совнаркома, по правую — жэковские многосемейные.

Юрий, более общительный, был знаком со всеми жильцами «правительственного» двора, гулял только там. Владимира родители учили играть на скрипке, и времени на прогулки у него почти не оставалось. За ним следили строго — бабушка садилась напротив и слушала, как внук пиликает. Юрий знал все: где чей папа и где чья мама, приятели рассказывали ему, как ходили на день рождения к Васе Сталину и как «сам» угощал конфетами. Иногда на выходные друзья брали Юрия на родительские дачи в Кунцево и Жуковке — к детям относились проще, чем ко взрослым. А Володя был весь в музыке и за годы жизни на Грановского не видел никого из увековеченных в мраморных досках соседей...

В тридцать девятом Владимир и Юрий ушли служить в армию, а когда вернулись в сорок пятом, оказалось: теперь придется ходить через черный ход, с другой стороны. Владимир Иванович лишь однажды попросил охранников пропустить его через парадное — вместе с другом, потерявшим на фронте ногу (с черного хода не было лифта). Юрий Леопольдович, вернувшийся домой в наградах и ранах, посылал охрану подальше и ходил исключительно через парадное — до 1948 года, когда дверь просто заколотили.

Владимир Иванович стал военным музыкантом, Юрий Леопольдович — врачом. Сейчас им по семьдесят, но оба работают. Юрий Леопольдович переехал, Владимир Иванович остался на прежнем месте. Стало свободнее — многие получили квартиры, а новых жильцов не вселяют, дом ждет капремонта. В шестиметровой каморке Владимир Иванович устроил себе что-то вроде курительного салона.

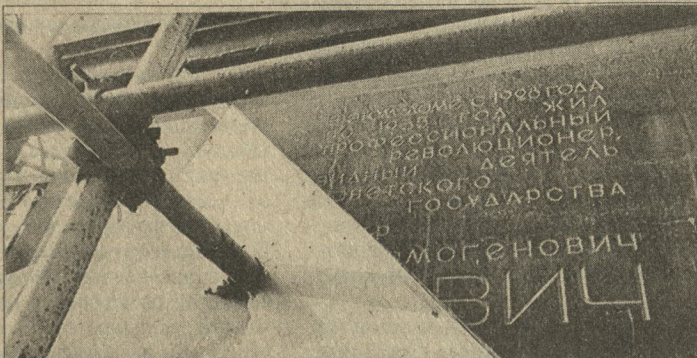
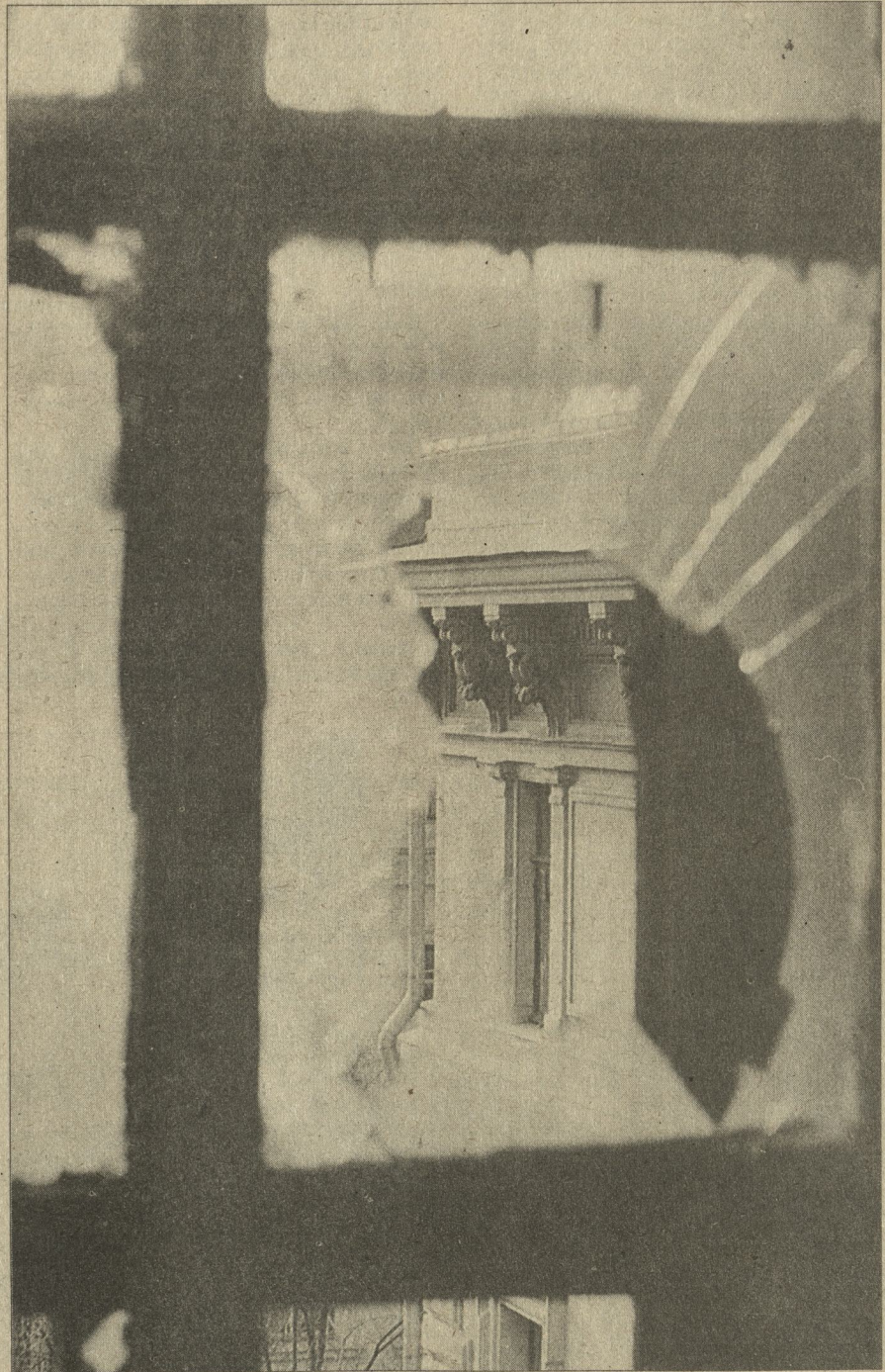

Фото
Е. Кондакова

Обслуга

Когда мы впервые пришли в дома бывшего управления Совмина, здесь не было света. А поскольку в подвалах стоят бойлеры, то не было также отопления и воды. В нижнем этаже, цокольном, — такие же коммуналки, как и в доме № 5. Живет в этих полуподвальных «многосемейных» квартирах персонал, обслуживающий жильцов, что выше.

Все до одного — приезжие, работают за квартиру. Обычный срок ожидания

жилья — около десяти лет. Выезжают одни, на их место въезжают другие. Впрочем, некоторые живут здесь беспрерывно. По сей день работает дежурной в подъезде баба Матрена. Помнит еще времена, когда вахтер из будки кричал: «Сейчас Берия придет!» — и все кидались прятаться по закоулкам.

Количество прислуги для жильцов сокращается, а когда-то жила она не только в цоколях, но и в двухэтажном общежитии на заднем дворе. Еще есть флигель, в котором и сейчас обитают: в трехкомнатной квартире три семьи. Шесть метров — прихожая, пять — кухня, комнаты метров по двенадцать. Один из жильцов — сантехник Иван Овечкин. «Лимитчик», стаж — 4 года. Вначале своей «карьеры» работал в «доме Рыжкова» и, посмотревшись на барские хоромы, стал писать в газеты, что негоже ему и его соседям жить в тесноте. В газетах сочувственно вздыхали, но так ничего и не написали. Иван и по сей момент верит, что вмешательство прессы поможет ему быстрее получить нормальную квартиру. В конце концов можно было бы переселить в

щих квартир-складов — мемориальные доски. Под мемориальными досками — разбитый асфальт. Можно, заглядевшись, и шею свернуть. Но новый асфальт не кладут — улица постоянно забита машинами, доставляющими «хозяев» в ЦКБ и «кормушку». В последнее время, словно сговорившись, водители паркуют авто выхлопными трубами в сторону окон, так что жильцы могут открывать форточки разве что ночью.

Петя

Вся улица пропитана духом истории. И потому никак нельзя обойти ее старейшего жителя. Тем более, что его память никогда не почтят мемориальной доской.

Петр Сидорович Петрушин, 1919 года рождения, проживает в цокольной квартире № 54 чуть ли не с момента появления на свет. Здесь работали его родители. Здесь же и умерли. Петя остался один. И хотя был он уже зрелым мужчиной, звали его по-прежнему уменьшительно, ибо Петя был алкоголиком. Оставшись один на белом свете, Петя покотился вниз по лестнице морально-

Но когда старушка померла, стало совсем худо. Петино жилище превратилось в склад всякой рухляди, которую он исправно таскает со свалок. Наверное, когда-то торговал старьем на Тишинке, но теперь выгодней продавать газеты на Арбате. А утиль он собирает по привычке. Жилуправление дома регулярно заказывает самосвал — для очистки Петиного жилища. Если у вас дома есть мусоропровод — засуньте голову в люк и вдохните поглубже — вы ощутите, в какой атмосфере живет старожил улицы Грановского...

В общем, Петя мешает. От предложенной ему однокомнатной на Рязанском проспекте отказался. Тогда аппарат управления жилыми зданиями при президенте СССР подал на Петю в суд, на выселение. И — «слава правому государству!» — ни разу не явившийся на процесс «аппарат президента — против Петра Петрушина» ответчик выиграл дело. И продолжает жить, где жил.

Старейший жилец умудрился пережить саму эпоху, которая поселила его в знаменитом доме. Нет больше страны,

Сантехник
Овечкин

цокольные этажи — пара квартир там пустует. Но в них — склад.

Что в нем хранится — не знают толком (или не хотят говорить) сами работники дома. Один отставной чиновник ХОЗУ рассказывал: в таких местах (не только на Грановского) лежат выписанные на ничего не подозревающих вдов и внуков импортные стройматериалы и сантехника. По документам — давно установленные. Когда требуется — их выдадут «нужным людям».

Между занавешенных окон пустую-

го разложения. У него появились подружки, непотребными голосами нарушавшие заповедную тишь двора. Когда мужественные вахтеры пытались не пускать Петиних пассий во двор, Петя без лишнего разговора таскал дам к себе домой через окно, выходившее на улицу. Пете пытались объяснить, что-де жильцам от него одно лишь беспокойство, но Петя невозмутимо парировал: «Это мне от них одно беспокойство!»

Последняя из Петиних соседок какое-то время хоть убирала в квартире.

которой командовали жильцы верхних этажей.

Но все еще живет здесь жена Буденного, ходят в «кормушку» напротив «маршаллихи» — вдовы полководцев. Обслуга из полуподвала так же работает на тех, кто оказался наверху по праву удачного родства. Ищет правды местный фрондер-сантехник Овечкин. И так же ходит по двору тусклой походкой единственный абсолютно независимый здесь человек — алкоголик Петя, хозяин маленького исторического заповедника на улице Грановского. ■

Вячеслав БАСКОВ

Черт-те что и сбоку бантик

Сенсация: при правительстве России создана комиссия по вопросам международной гуманитарной и технической помощи. Комиссия занимает шестизэтажный дом дореволюционной постройки в центре Москвы, при входе в подъезд там не атланты и не кариатиды, а странные гипсовые головы египетских фараонов.

Комиссия по вопросам международной гуманитарной и технической помощи — организация глупо секретная. Во всяком случае, она не фигурирует ни в каких сообщениях о продвижении помощи — ни в экстренных, ни в раздумчивых, авторы которых подвергают сомнению саму эту помощь и даже пишут о том, что она нас сильно унижает. Словосочетание «комиссия по вопросам международной гуманитарной и технической помощи» не употребляют сопровождающие грузы и те, кто ее организует. Скорее всего никто

попросту не подозревает о существовании комиссии.

Комиссия засветилась совершенно случайно и глупо. Как раз в момент борьбы за шестизэтажный дом с уродливым подъездом. Кажется, лишь всеведущие «Куранты» и «Независимая» поместили несколько растерянную информацию о том, как из египетского дома невежливо попросили префектуру Центрального округа. Дом внезапно захватила милицейская команда «Белого дома», работники префектуры пытались возражать, были подняты архивы в доказательство того, что дом принадлежит Москве, а не России, звонили начальнику московской милиции, однако на следующий день выяснилось, что комиссия победила: префектура потерпела поражение. Это казалось неправдоподобным не потому, что префектура хорошая, а комиссия очень плохая. А потому, что направление в египетский дом выписал комиссии руководитель администрации президента России Юрий Петров. Это «направление» вызвало гнев: Юрий Петров не имеет никакого права распоряжаться московскими домами! Когда по этому поводу был поднят шум — дескать, да кто такой этот Юрий Петров! Пусть ведает кнопками и скрепками президент! — неизвестный проник к Борису Ельцину в минуту его отдыха между возвращением из Новороссийска и поездкой в Лондон, Вашингтон и Оттаву, и президент подписал бумажку, подтверждающую, что Юрий Петров выполнял волю его, президента. Не имею никаких доказа-

тельств тайного свидания неизвестного с Ельциным, поскольку в наше время вообще отсутствуют какие бы то ни было достоверные источники информации, а передаю то, что услышал в самой поверженной префектуре, где тоже, впрочем, ничего не знают, не понимают и пользуются теми же слухами, что и все мы.

Существует и другая версия: будто в ту короткую передышку Ельцину позвонил Горбачев. Оказалось, что у Горбачева в египетском доме свой интерес. Народившаяся комиссия переплелась с египетским домом до такой степени, что возникло подозрение, что комиссия — это не комиссия, а черт-те что и сбоку бантик. То есть Горбачев.

Сначала удалось узнать, что комиссию возглавляет какой-то Гуляшко. Большинство людей в египетском доме не знают его имени-отчества. А те, кто знает, скрывают. Гуляшко — и все. Однако о Гуляшко известно многое. Этот нигде не появляющийся человек, фамилию которого тем не менее склоняют многие уста, еще совсем недавно был заместителем В.Болдина, управляющего делами аппарата президента СССР. Того самого Болдина, которого за сговор с ГКЧП и предательство Горбачева посадили в «Матросскую тишину», а потом выпустили, поскольку он неважно себя почувствовал. И вот как только выпустили — проявил активность Гуляшко.

Но позже возникла другая версия: будто возглавляет комиссию по неясным международным вопросам один из многочисленных вице-премьеров при Ельцине, а Гуляшко — его заместитель. Вице-премьеру звонили, работники его секретариата клялись, что про комиссию по вопросам международной гуманитарной и технической помощи слухом не слыхивали. Версия — отпала. Думается, это не окончательный вариант. Вскоре может оказаться, что Ельцин — заместитель Гуляшко. Уж так сам Ельцин поставил дело с информацией.

Как бы там ни было, но то ли заместителем Гуляшко, то ли очередным заместителем предполагаемого председателя является человек, который представился очень неохотно, и, я думаю, его зовут вовсе не так, как он себя назвал. Из современной мемуарной литературы известно, что сотрудники бывшего ЧК называли себя «Василь Василыч», «Сергей Сергеевич» и т.п. Так вот, заместителем то ли неуловимого Гуляшко, то ли мифического председателя оказался «Александр Александрович». А может, и без кавычек. Пусть заранее простит меня — я в конспирации не специалист. Фамилия «Александра Александровича» будто

бы Житников. Он сам так сказал — как сказал, так и передаю. Но когда он себя называл по частям — сперва имя, потом на вопрос: «А отчество?» — отчество, а на вопрос: «А как ваша фамилия?» — фамилию, — когда он себя эдак по кускам называл, словно бы на ходу придумывая себе кличку, то лицо его выражало насмешку: тебе что ни скажи, ты всему веришь!

В истории есть примеры, когда псевдонимы так и не удавалось раскрыть. Например, Бонаventura. Одни ученые говорят, что Бонаventura — это философ Шеллинг, а другие считают, что Бонаventura — писатель Клингеман. Не думаю, правда, что среди ученых найдется человек в своем уме, который бы потратил свою жизнь на разгадку псевдонима «Василь Василича» или «Александр Александрыча». В надежде на полное равнодушие к ним со стороны науки некоторые здоровенные мужчины цветущего возраста и с глазами стального цвета скрываются за псевдонимами. Работа у них такая.

С Александром Александровичем у нас состоялся чрезвычайно содержательный разговор. Вероятно, не имея в своем недавнем заперти опыта общения с журналистами, которые разгуливают на свободе, Александр Александрович отвечал на вопросы с видимым любопытством и экспериментом. Разговор с журналистом он воспринимал как игру. Ответы его заключались в том, что он лукаво переходил на другую тему. Сказал я ему: «Комиссия — это же что-то недолговечное. Зачем же вы поселяетесь в шестизэтажный дом?» Он в ответ: «Слухи о том, что помощь разворачивается, сильно преувеличены. То, что она разворачивается на пятьдесят, на семьдесят процентов, — неправда. Мы не обнаружили этого». И долго, долго на эту побочную тему. А сам смотрит на меня своими стальными глазами и о чем-то своим думает.

Его привычка допрашивать проявилась внезапно.

Он мне говорит: страны ЕЭС выделили для оказания гуманитарной помощи 50 (пятьдесят) человек. Им же надо где-то сидеть! Я ему на это говорю: а зачем им сидеть в кабинетах? Они же помощь приехали оказывать — пусть оказывают. Он — смотрит. Я: дом-то шестизэтажный, в нем семьдесят (70) комнат. Вам одной этой комнаты не хватит? Собрались, обсудили, какие ящики куда везти, — и разбежались. Он говорит: нет, не хватит одной комнаты. Я говорю: а сколько стран входит в ЕЭС? Он говорит: двенадцать (12). Я ему: значит, двенадцать стран выделили пятьдесят человек, а мы, одна страна, которой помогают, двести с лишним? Он вдруг: откуда у вас эта цифра? Откуда у вас эта цифра?! Откуда у вас эта цифра?! — Лег на стол локтями: откуда цифра?! — Я даже

откинулся на спинку стула, чтобы не поцеловаться с ним. — Откуда у вас эта цифра?!

И тут я понял, что это — цифра. Я ее сказал наобум. Потому что прикинул, что раз редакция «Столицы» размещается на трех этажах и работает у нас человек сто (100), а в египетском доме шесть этажей и семьдесят комнат, каждая из которых, как наши три, то точно — человек 200—300. И сказал ему о своих расчетах. И тут он обмяк. Взор его слегка потускнел — и увидел я, что мне несдобровать. Видимо, число сотрудников комиссии — тайна тайн. По одной этой цифре умный человек сразу поймет: комиссия это или что-то иное.

Соотношение же числа представителей ЕЭС и наших как раз и подтверждает, что комиссия — не комиссия. Кроме того, в названии комиссии есть расчет на техническую помощь. Но страны ЕЭС нам такой не обещали. А вот то, что в этом же египетском доме располагается научно-технический центр «Система», возможно, объясняет стремление комиссии во главе с Гуляшко попасть именно в египетский дом. Тут требуется короткий рассказ о «Системе».

«Система» находится в доме без дверей. Только формально считается, что «Система» в египетском доме. На самом деле египетский дом — это дом № 3/26 по Кировскому проезду, а «Система» — в доме № 48 по Мясницкой. Дом № 48 — пристройка к дому № 3/26. Войти в дом № 48 можно только через дом № 3/26. Человек минует египетские головы, попадает в мраморный вестибюль, поднимается по роскошной мраморной лестнице пешком или ультрасовременным лифтом на нужный ему этаж, а на каждом из шести этажей египетского дома в конце коридора имеется проход в дом № 48: дверь с кнопочным замком. Набираете код, который известен только сотрудникам «Системы» — и вы в «Системе». Вы — в другой стране, в другой системе, в зазеркалье. «Система», по рассказам побывавших там, — это что-то сказочное, на Западе редко виденное. Вот если есть на Западе офисы первого, второго, третьего, четвертого и пятого разрядов, где пятый — высший, то «Система» — офис шестого разряда.

Происхождение «Системы» приведет нас к падшим звездам. Считается, что НТЦ «Система» — малое предприятие. Однако это малое предприятие ни много ни мало — бывший Государственный комитет СССР по вычислительной технике и информатике. Госкомитет СССР создавался в то время, когда заговорили об отсталых советских детях, не знающих компьютера. Под Госкомитет СССР (ради детей!) был выселен целый микрорайончик

возле станции метро «Красные ворота» (тогда — «Лермонтовской»). В комплексе домов еще находился магазин «Диета» — наверняка москвичи знают эти дома.

О всеобщей компьютеризации школ и детских садов задумались еще до первого съезда народных депутатов СССР. Тогда казалось, что новое в жизни — компьютеры, а сама жизнь останется неизбылемо старой навеки. Компьютеризация школ и детских садов, конечно, не требовала гигантского управленческого аппарата, который бы сидел в нескольких жилых домах о шести этажах, но то был пик советского маразма. Средства, отпущенные на Госкомитет, на капремонт домов и на закупку компьютеров, были огромные. И когда в воздухе что-то грянуло, партийные мужи перекрестились: в январе 1991 года было спешно создано малое предприятие НТЦ «Система», учредителями которого стали сам председатель Госкомитета т.Толстых и... управление делами аппарата президента СССР, которое тогда возглавлял еще один непосредственный подчиненный упоминавшегося Болдина, Быстров. Рассказ о Евгении Ивановиче Быстрове увел бы разговор в сторону. Факт тот, что его фамилия в деле о «Системе» тянет за собой Горбачева.

Заместитель префекта Центрального административного округа Москвы Игорь Вадимович Глинка утверждает, что «Систему» создал как раз не подставной Быстров, а сам Михаил Сергеевич, поскольку он лично подписал два секретных указа с грифами «снятие копий запрещается» и «публикации не подлежат». В тех указах «Система» запросто решила проблемы с налогами на пять лет вперед. И много других сложнейших вопросов, для настоящего малого предприятия неразрешимых.

После создания «Системы» о компьютеризации детства решительно забыли: Государственный комитет СССР по вычислительной технике и информатике прекратил свое существование. Заметьте, это произошло не в августе 1991 года, а еще в апреле! Уже тогда мужам стало ясно, что Союзу — каюк. Все средства Госкомитета, однако, переводятся на счет малого предприятия «Система». Бедное малое предприятие, ничего не производя и не собираясь производить, сразу стало обладателем 20 миллионов рублей!

Но Госкомитет — это учреждение, в котором работают люди, не вошедшие в «Систему». Их же надо уволить. А некоторые увольняться не хотят. Словом, как в 17-м году, дело уперлось в людей. Люди вечно чего-то не понимают. Сразу видно, что воспитывались не на компьютерах. Короче: в апреле ликвидируется Госкомитет, в мае аппарат президента СССР в лице Болдина и Гуляшко насе-

дает на т. Толстых, чтобы он поторопливался и сделал наконец в малое предприятие свой взнос — помещение. Скорей, дескать, увольняй народ!

В 11 часов утра 19 августа 1991 года Гуляшко доставил Толстых распоряжение «путчиста» Болдина немедленно и полностью очистить здание от Госкомитета. При неподчинении приказу предлагалось действовать в соответствии с указом о чрезвычайном положении. Наверное, тех, кто откажется написать заявление об уходе по собственному желанию, расстрелявать на месте.

В конце августа малое предприятие «Система» срочно превращается в некое совместное предприятие: по всей видимости, в торговое, потому что в доме № 48 компьютеры делать невозможно, компьютеры там могут только колготиться. Не исключено, что «Система» прикрывается именем Горбачева — так и возникло совместное предприятие: иностранцы не могут не доверять Горбачеву. Они в нем души не чают...

В ноябре 1991 года Минсвязи России, как бы забыв, что страна уже имела Госкомитет по вычислительной технике и информатике, принимается создавать такой комитет заново. Но не забыла Москва, и в декабре мэрия отдает в распоряжение Минсвязи отремонтированные дома, а также поселяет туда префектуру Центрального административного округа.

Однако 27 января 1992 года в дом врывается Гуляшко, но теперь уже как активный деятель комиссии по вопросам международной гуманитарной и (необещанной) технической помощи. Гуманитарии берут дом штурмом — перед милицейскими подразделениями «Белого дома» московская милиция отступает. Но не отступают сотрудники префектуры! 3 февраля заместителя префекта, депутата Моссовета Игоря Глинку не пускали в здание, дошло до потасовки, депутат кричал, что он депутат, его толкали, выпихивали на улицу... Вот так происходило воссоединение бывших работников бывшего аппарата президента СССР с их любимой «Системой», в которую вложены деньги. И которая дает деньги... Горбачеву?..

Отступающую московскую милицию я наблюдал своими глазами. История же «Системы» приведена здесь в изложении Игоря Вадимовича Глинки.

Она приведена именно потому, что кажется наиболее правдоподобной. Хотя бы из-за того, что вскрывает подноготную одного из малых предприятий. Логично допустить даже, что комиссия по вопросам международной гуманитарной и технической помощи создана ради того только, чтобы «Система» не попала в чужие руки. В шестиэтажном

Фото Э. Кудрявицкого

прихожей — в египетском доме — должны сидеть свои люди. Не префектура, которая рано или поздно захочет узнать, что это за дверями с кнопочными замками, а свои. В самом-то деле, кому могло прийти в голову создать комиссию — целое министерство! — в столь трудное для нас время? Не иначе за комиссией стоит очень высокий покровитель. Члены комиссии, больше двухсот человек, должны получать зарплату, и за один египетский дом нужно платить

миллионы. Да вся гуманитарная помощь уйдет на содержание комиссии и на поездки ее членов со стальными глазами по миру!..

Не может это быть комиссией. Это настоящая Бонаventura. Понимаете, черт-те что, а сбоку — бантик.

Со 2 января 92-го года нам обещали свободные цены.

— Bravo! — вскричали мы с Петром Ивановичем и кинулись по магазинам смотреть, как пройдет первый день возвращения России в рынок.

То, что в магазинах были пустые прилавки, нас не удивило. То, что почти все магазины были попросту закрыты, нас удивило еще меньше. Мы с Петром Ивановичем прекрасно понимаем, что новые цены — не шутка. Даже написать ценники очень трудно, на это должен уйти не один день. Но вот что нас прямо-таки шокировало с Петром Ивановичем, так это то, что с улиц Москвы вмиг исчезли так оживлявшие город лотки. На тех лотках продавались книжки, пирожки, разные диковинные фрукты и овощи, каких в магазинах целый

торого посадили в тюрьму.

И вот видим: стоит там прилавок, за прилавком всякие банки по невыносимым ценам, но еще не свободным, а за прилавком — ни души. Нет продавщицы. Мы с Петром Ивановичем тихонько спрашиваем продавщицу за соседним прилавком: где же продавщица? Деньги, говорит, пошла сдавать. Ослепли, что ли? Мы с Петром Ивановичем поразились: нашла время деньги сдавать! Самое время разъезда служивых по домам — а она деньги сдает! И кинулись мы с Петром Ивановичем туда, куда нога покупателя ступает редко: за дверку с надписью «Посторонним вход воспрещен». Сбежали в самую, знаете, глубь, там этой подвальной глуби целый этаж еще. Видно, погребка бывшие, от революционного купца остались. И видим

вели ужасного в подвале купца бывшего и, глядишь, будущего.

— Вы, — обращается к нам Руслан Борисович, сдерживаясь из последних сил перед убийством нас с Петром Ивановичем, — отсюда, отсюда...

И выпроводили нас под белы ручки с Петром Ивановичем из подвала во дворик. Там дверца во дворик ведет без всяких лестничных пролетов: несколько ступенечек — и вы уж на свежем воздухе...

Но не затем мы с Петром Ивановичем взялись за «Овощи—фрукты», чтобы рассказать о нанесенной нам обиде и пережитом страхе от интонации директора. Ради того описываем, что видели мы там в подвальчике лук репчатый, помимо каких-то невиданных фруктов.

Лук тот репчатый в огромных сетчатых оранжевых мешках поступил в магазин трайлером. Трайлер тот стоял во дворе, и в подвал сносили мешки огромные. А в подвале укладывали эти мешки красоты неопишуемой, в Москве невиданной, группа мужчин не в магазинной форме. Не грузчики, нет. Под мудрым руководством бывшего заместителя посаженного в тюрьму директора, а ныне самого директора мешки в стопочку укладывали мужчины в кепках, какие зовут «аэродромами». Мы с Петром Ивановичем всю нашу жизнь восторгалась людьми, которые так живописно оживляют московские рынки, продавая вечно что-то нигде не виданное. А в последнее время — и улицы. Вот, думали мы с Петром Ивановичем, какие предпринимчивые деятели, на какие расходы идут оне, чтобы только доставить из своих южных краев товар москвичам: везут поездами, самолетами, машинами. Да что везут! А выращивают — сажают, пропалывают, поливают, трудолюбивые! Герои нивы — вот как мы о наших рыночных и лоточных продавцах всю жизнь с Петром Ивановичем думали. В подвале же государственного магазина мы их увидели в роли грузчиков. Какой конфуз! Какое разочарование! И как прозрачно стало для нас с Петром Ивановичем рыночное да лоточное изобилие!

И пошли мы с Петром Ивановичем, пошли, ветром и снегом гонимые...

И было это все накануне Нового года, когда объявили о скором высвобождении государственных цен. А второго января все вдруг разом и пропало с глаз долой: из магазинов, с рынка, с лотков и лоточков. Остались одни цветы. Цветы одни прекрасные остались, гвоздики неувядаемые. Видать, оне одни и есть вправду частные, от государственного бизнеса не зависимые...

Девятимиллионный город без магазинов, без снеди оставили наши торговые начальники, фамилии которых у всех на устах. Переоценка ценностей у них. У нас с Петром Ивановичем тоже.

Бобчинский П.И.,
Добчинский П.И.

ПЕРЕОЦЕНКА ЦЕННОСТЕЙ

год, а то и больше не было. Мы с Петром Ивановичем всегда думали, что на тех лотках продавался товар, так сказать, частный. И книгопродавцы, и торговцы мандаринами вели себя, как коммерсанты, опередившие прогресс: дескать, невыносимо больше ждать, когда же правительство введет рынок, и мы сами продаем свой товар по рыночным ценам! Однако то, что вместе с неповоротливыми государственными магазинами, которым сам Бог велел закрыться на «переоценку», как было написано на многих запертых дверях, разом исчезли и лоточки, нас поразило немало. Одновременно нас с Петром Ивановичем посетила одна замечательная мысль, а именно что целый год, а то и дольше, нас сильно дурачили, выдавая лоточную торговлю за частную, независимую от государственной.

2, 3, 4, 5, 10, 20 января мы убеждались с Петром Ивановичем, что на лотках-то лежал товар, завозимый в государственные магазины! Из государственных магазинов тот товар каким-то странным путем перекочевывал на лотки. Сейчас же товар где-то в одном месте проходит переоценку, а потом опять дружно и появляется в магазинах — по государственному свободным ценам, а на лоточках — по государственным частным свободным ценам.

Петру Ивановичу от этой открывшейся истины прямо стало дурно.

А накануне повышения мы с Петром Ивановичем забежали в славный московский магазин «Овощи—фрукты» на Кузнецком мосту. Знали мы печальную историю этого торгового заведения, помнили мы предыдущего директора его, ко-

мы с Петром Ивановичем толпу людей в том погребе: оживление царит в подвале, суэта, ликование. А люди все молодые, энергичные. И не все, как можно подумать, мужчины. Напротив даже, много женщин. Одна, расписная вся, словно ее кто увидит тут, в ее сыром подполье, на весах сидит. На весы ей ящички с апельсинами, что ли, кладут — с апельсинами, каких в магазине этажом выше в помине нет, — она что-то пишет в журнал... Такая умная! Петр Иванович с ума прямо сходит по умным торговым дамам. Так вот, подбежали мы к новому директору, который при посаженном директоре был его заместителем, и говорим: да как же так, да что же это такое, люди с работы разъезжаются, а продавщицы за прилавком нет, пошла будто бы, говорят, деньги вырученные сдавать, мы ей тоже хотим деньги наши дать, чтобы она и их сдала, а ее нет и сдать деньги никому, а так нам хочется одну хотя бы дорогую банку купить... И все в этом роде наперебой ему взволнованно изложили. И тут бывший заместитель директора — теперь сам директор — эдак грозно на нас с Петром Ивановичем взглянул с высоты своего великолепного роста и спросил строго и удивленно:

— А эти откуда сюда свалились?

— Мы, — объясняем с Петром Ивановичем, — свалились сверху, из торгового зала.

А вокруг уже зашумели:

— Вбежали без спросу, — кричат наперебой, — нас не спросились, мы их не пукали; а они бегут, Руслан Борисович...

И мужчины, и девушки, и дамы волнуется. Шороху мы с Петром Ивановичем на-

МЫ ВАС ПРИЯТНО УДИВИМ!

125047 Москва,
2-я Тверская-Ямская,
д. 15 а/я 94

факс: 202-82-63
факс (095) 292-65-11 для THANKS
телекс 411700 для THANKS

ЛЬЭЛОЪН

ФНБ/У

информ-реклама

39

ЖУРНАЛЬНАЯ СТРАНИЦА – В ОТПУСКЕ...

Коротко

ГОРОДУ СОЧИ — МИРНЫЕ НОЧИ

Как стало известно из неофициальных источников, недавно в одном сочинском отеле прошел слет представителей преступных группировок.

Средства массовой информации на встречу приглашены не были, однако наблюдатели, пожелавшие остаться неизвестными, отметили, что «крестные отцы» обеспокоены всеобщим хаосом в некогда процветающем государстве. Если дела так пойдут и дальше — спокойно работать будет невозможно. Из вновь созданных государств на территории бывшего Союза наибольший интерес для преступников представляет Российская Федерация.

На совещании главные преступники всю Россию поделили между собой. После продолжительных дебатов делегаты договорились оставить лишь Сочи свободным городом-курортом, никакому конкретному наместнику его не отдавать и никогда впредь не вести здесь разборки. Решение это, видимо, связано с тем, что у России на Черном море осталось не так много курортов — на всех «крестных» все равно не хватит, а им отдохнуть от дел праведных тоже иногда хочется.

Дмитрий ЕРМАКОВ

НЕБЕСНЫЙ ВОРИШКА

Воровство в России достигло облачных высот. Взлет этот обеспечил скромный 35-летний бортпроводник воздушного лайнера, которого есть смысл называть пока просто Н. Работает Н. в концерне «Красноярскавиа». Однажды, когда самолет в очередном рейсе набрал заданную высоту — 9000 метров, стюард Н. на какое-то время оставил своих пассажиров и заинтересовался их багажом. Открыв технический люк, он прямо из салона проник туда, где лежали чемоданы, и заметно их (чемоданы) облегчил. Взял он разного добра на 18000 рублей, но воспользоваться награбленным так и не смог. Пассажиры небесного воришки быстро вычислили, свои вещи отобрали, а его самого отправили куда подальше.

Следствие еще продолжается, но уже установлено, что действовал бортпроводник не от «имени Аэрофлота», а исключительно из личных корыстных целей.

Борис ИВАНОВ (РИА)

— ЕСЛИ ВАШУ КВАРТИРУ ЕЩЕ НЕ ОГРАБИЛИ —

это не значит, что ее не обворуют в будущем, — считает Виктор Касьяненко, начальник отдела МУРа по организации борьбы с кражами.

Около восьми тысяч московских квартир обчистили воры в прошедшем году. В январе этого года печальная участь постигла еще 573 квартиры. Безудержный рост цен позволяет предполагать, что количество краж будет увеличиваться и к середине летнего сезона достигнет своего пика.

По словам Касьяненко, беспредел в нашем обществе породил беспредел и в преступном мире. Вор, некогда имевший среди уголовников репутацию интеллигента и романтика, в последнее время сильно измельчал. Профессионалов высокого класса сменили дилетанты, готовые ради мелкой добычи пойти на наглый грабеж среди бела дня, грубое взламывание дверей и даже убийство.

Раньше вор старался незаметно проникнуть в ваш дом, отобрать нужные вещи и незаметно скрыться. Сегодня все иначе.

...Утром в квартиру к девушке вломился два парня, которые, не представившись, связали ее и закрыли в ванной комнате. Потом вытащили видеоаппаратуру, магнитофон, часы, электробритву, куртку и уехали. Когда девушке удалось вырваться из заточения, она позвонила на Петровку. Вскоре преступников удалось найти.

Однако не всем потерпевшим так везет. В январе по горячим следам раскрыто всего 76 краж. Остальным остается только надеяться.

Позабыто современными грабителями и золотое правило — не воруй там, где живешь. В квартирах москвичей шуруют, в основном, сами жители столицы: приезжие, видимо, довольствуются разбоем на дорогах. Среди «домушников», обчистивших вас, могут оказаться и ваши соседи.

В субботу, 25 января, хозяйка частного ресторана отправилась на ра-

боту, а через полтора часа ее дочь, вернувшись домой, обнаружила взломанную дверь. Когда милиционеры местного отделения никаких следов не нашли, приехали сотрудники с Петровки. Они-то и раскололи воришку, проживающего в соседнем подъезде. Тот покаялся, сказал, что сотворил все без злого умысла, и заложил своих коллег, за что прокуратура отпустила его на волю. Один его поделник уже задержан, второй, имея в кармане 150 тысяч рублей, 2 тысячи долларов, около тысячи марок и прочую валюту, пока наслаждается свободой. Однако милиции он уже известен, и скоро наступит тот час, когда преступник сможет близко познакомиться с начальником отдела МУРа...

Пока армия преступников пополняется все новыми любителями легкой жизни, ряды милиционеров редеют на глазах: и зарплата у них маленькая, и с жильем туго. Те, кто остается в органах, приспособливаются как могут. По словам Касьяненко, блюстители общественного порядка по ночам сторожат коммерческие структуры, а днем отсыпаются вместо того, чтобы охранять имущество граждан. Вот и у него в отделе образовалась «группа поддержки» из четырех человек, которые ничего не делали, не делают и не собираются что-либо делать. Написав в прошлом году рапорта на увольнение, они благополучно протирают казенные штаны и за продолжительное время не раскрыли ни одного преступления. Выгнать их Касьяненко не может — вышестоящее начальство не дает. Так они и сидят, для галочки, по своим кабинетам. Работу милиционеров-лентяев выполняют добросовестные одержимые, благодаря которым в Москве еще кого-то ловят и разыскивают.

«МНЕ КАЖЕТСЯ, ЧТО ВО ВСЕЙ РОССИИ ТОЛЬКО ТЫ ДА Я НЕ ВОРУЕМ»

Николай Первый — сыну

На Руси крали уже в древнейшие времена. Но и наказывали за это безжалостно: принародно били плетью да еще платить заставляли изрядную пеню. Это — за первый раз. За второй же — жизни лишали.

Иноземный посол С.Герберштейн, бывавший в Московии в XVI веке, рассказывает, как некий наместник, поймав на краже священника, тут же его повесил, чем вызвал недовольство митрополита. Однако на дознании он резонно заявил, что казнил не священника, а вора. Возразить на это было нечего.

При Петре I воровство приняло чудовищные размеры, опалив своим тлетворным дыханием весьма высокопоставленных вельмож. Именами Меншикова, Гагарина, Курбатова, других «птенцов гнезда Петрова» начинается список сиятельных российских воров. Скорый на расправу царь особо с преступниками не церемонился — рубил в гневе головы, бросал в тюрьмы. Но до всех руки, видимо, не доходили.

Во времена императрицы Елизаветы славен был Петр Иванович Шувалов. Землеустроитель и откупщик, финансист и законодатель, военачальник и артиллерийский инженер. Вдохновленный монаршей благодарностью, блистатель-

ный граф жульничал в открытую: основал банк, с которого через подставных лиц получал неслыханные «дивиденды»; скупал и перепродавал заводы; мошенничал при взимании пошлин... О его аферах знали все. И все молчали, опасаясь гнева императрицы, оказывавшей графу покровительство.

Логика вельможных воров чрезвычайно проста: принося какую-то пользу государству, они могли рассчитывать на заступничество вышестоящих. Понимали они и другое — при каких-либо срывах, провалах, вскрытии «приватной» их деятельности всегда найдутся спасительные аргументы в их пользу.

Воровство процветало везде — и в высших государственных учреждениях, и в армии, и в присутствиях, не говоря уж о простом народе. С ним боролись, суды неистовствовали, — тюрьмы наполнялись, а общество лишь разводило руками в недоумении. Во второй половине века на всю страну нашумели процессы по так называемому «Делу серий» в Харькове, по делу игуменьи Митрофании в Петербурге. Судили уважаемых лиц из высших кругов (Митрофания в миру была баронессой Розен) — предводителей дворянства, чиновников, офицеров. И уличали их не в недос-

мотрах по службе, а в обыкновенном воровстве, подлогах, казнокрадстве, взяточничестве. В разногласии журнальных и газетных статей, горячих выступлений обвинителей и защиты, людской молвы слышна была лишь растерянность от бессилия пресечь, изжить, уничтожить зло. С болью признавалось, что воровство, к сожалению, неизбежно, как засуха, эпидемии, неурожай. Единственное, что оставалось, так это уповать на слова апостола Павла: «...ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники — Царства Божия не наследуют».

П.СЕДОВ

В ТРУСАХ И В КУРТКЕ

предстал молодой человек перед изумленными милиционерами

Согревшись, Сергей М. поведал им грустную историю о том, как двое в штатском остановили его на площади Курского вокзала. Предъявив краснокожую книжицу с гербом Союза, они пригласили его в отделение, чтобы выяснить кое-какие загадочные обстоятельства. Однако «загадочные обстоятельства» начали проясняться уже в ближайшем переулке, когда лжемилиционеры неожиданно потребовали деньги. Денег не было. Тогда, врезав пару раз для остротки, они сняли с потерпевшего куртку, но, разочарованные ее товарным видом, вернули обратно. Чтобы не уходить с пустыми руками, начали стягивать с Сергея джинсы. Но, испугавшись за свою невинность, жертва засопровтивлялась. И лишь убедившись в благих намерениях нападавших — они хотели продать джинсы, чтобы на вырученные средства выпить, — Сергей сдался.

Настоящие милиционеры Сергея пожалели и вскоре нашли грабителей, которые успели продать джинсы за 200 рублей, но не успели выпить.

Неизвестно, в каком виде добрался к себе домой потерпевший — вполне вероятно, что милиционеры из гуманных соображений одолжили ему форменные брюки.

Криминал-факты собирал
В.КАРЮКИН

Наказание розгами. Из альбома Пальмквиста 1674 года

Екатерина ГОНЧАРЕНКО

«Я ПОЮ «ГОРБАТОГО ШМЕЛЯ»

Мой знакомый, воевавший в Афганистане, зарабатывает на жизнь тем, что поет по вечерам романсы про белых офицеров в кооперативном кафе. А вокруг проститутки, мафиози, рэкетеры... Набор штампов из плохих советских боевиков, которым, тем не менее, наша жизнь иногда покорно следует.

— Почему я пошел на эту работу? Элементарно — нужны были деньги. Знаешь стереотип студента — молодой, вечно влюбленный и в карманах пусто. Первое и второе меня не тяготило, а последнее все-таки на психику давит.

Место работы я искал просто. В лоб. Иду, смотрю — кафе. Захожу, говорю: «У меня к вам деловое предложение. Могу обеспечить культурную программу».

Одна из официанток спрашивает: «Ты «Горбатого шмеля» знаешь? Ну, я понял, что это в их интерпретации «Мохнатый шмель» из «Жестокого романса». Я говорю: «Да». Она: «Подожди, подожди». Побежала за боссом. Приходит представительный мужчина с сигареткой. Я спел. Смотрю, он улыбается, его на водочку потянуло. Ну, думаю, все нормально. И стал работать.

— Какие у тебя с твоим шефом финансовые отношения? Кто кому платит, он тебе или ты ему?

— Никто никому не платит. Я хожу по залу с гитарой, подхожу к столикам или меня подзывают. Пою, мне платят деньги. После этого я говорю: «Оспода, я здесь ежедневно с шести до девяти вечера. Кто желает меня послушать еще — приходите».

— Какой самый большой заработок у тебя был за одну песню?

— 200 рублей. А самый маленький — три. Нет, бывает, что вообще не платят. Но это только, если сам подойдешь. Если тебя подзывают, платят всегда. За вечер получается по-разному. От 50 до 600 рублей.

— Что ты поешь?

— Русские романсы, белогвардейские, цыганские. Розенбаума, малининский репертуар. Иногда просят блатные песни. Я раньше их пел, но потом понял, что должен иметь свой имидж. Поэтому я честно говорю, что знаю их, но петь не буду.

— Обижаются?

— Обижаются. Но обижаются, в основном, по пьяни. Хочется ему, понимаешь, услышать: «Что это за сервис, если нету баб?» «Ну, пожалуйста, я тебя не обижу!» — «Извини, я это не пою» — «Ну-а-а, ладно». И я пою что-нибудь русское.

— О первых кооперативных кафе в свое время много писали — они были символом блестящих экономических реформ. Потом интерес к ним пропал. Лишь изредка мелькнет сообщение, что где-то открыли стрельбу или у официанта обнаружили

склад гранат. Но все равно — что представляет из себя заведение, где ты работаешь?

— Это не самое роскошное кафе. Я его для себя определяю как место для заключения деловых сделок. Небольшое — столиков 15. Ужин на двоих стоит 250—300 рублей. Спиртное не подают, его приносят с собой.

Средний возраст посетителей — 25—35 лет. Кто чем занимается, на лбу не написано, но понять можно. Я хожу между столиками, слышу, кто о чем говорит.

Сидят мальчишки. Короткая стрижка, низкий лоб, бицепсы типа моей ноги. Лицо интеллектом не обезображено. Видно, что это «качки». Но если человек просто так качается, ему за это денег не платят. А тут мальчишки могут себе позволить каждый вечер проводить в кафе. Рядом за столиком совсем другой разговор: «Я вчера был в банке, предлагали ссуду, ну, погоди, у меня долги, не буду брать». Это бизнесмены. А за соседним столиком девица с двумя товарищами с юга. Прикид у нее соответствующий, косметика, улыбается, вся из себя такая, вся в мужчинах. Потом она напьется, вся краска с нее слезет. Потом она тебя просит: «Парнишечка, спой!» Со слезами в голосе: «Только хорошо спой!» И ты прекрасно понимаешь, что завтра будет то же самое.

Мне всех, кого я там вижу, жалко, просто по-человечески. У меня после Афгана рядом оказались друзья, да и матерью, наверное, что-то было заложено. Я не стал пить, не стал колотиться. То есть мне просто повезло, и я должен это понимать. Иначе я ушел бы со своей работы. Потому что там действительно много всего...

И еще я понял одну вещь. В эту среду надо идти только тогда, когда твердо знаешь, что сможешь защитить себя. Потому что всякое бывает. Тебе какой-нибудь тип орет: «Родной мой! Подойти-ка сюда!» Так. Я никому здесь не родной. Я не подхожу. Он: «Ты что, не слышал?» Тогда медленно, положив руки на гитару, подходишь к нему и, глядя сверху вниз (эти люди, в основном, маленького роста), говоришь: «Я тебе не родной. И не тыкай. Если я тебе буду нужен, ты позови меня, пожалуйста, вежливо».

У человека глаза становятся, как шары. Он только что кричал повару: «Коля, сделай шампиньонов!» И Коля, который его старше в два раза, бежит делать. А сейчас с ним вот так разговаривают. И кто? Тапер! А у меня есть так называемое чувство собственного достоинства. Я был в армии, я прошел через дедовщину. Я смогу сделать так, чтобы на следующий день этот человек попросил у меня прощения. Кстати, уже был один такой случай.

— Но все-таки для этих людей ты — обслуживающий персонал. У тебя нет никаких

«Недавно был случай. Несколько мужиков встают из-за стола, собираются уходить. Вдруг один говорит другому: «Слушай, ты че? Деньги с оружием возьми». Тот возвращается к столику, где они сидели, берет большую черную сумку. Я мягко думаю: «Сколько же там денег?» А там явно были деньги. И два пистолета с патронами вполне могли поместиться. Понимаешь, люди просто пришли пообедать...»

комплексов из-за того, что ты должен выполнять их заказы, брать у них деньги?

— Нет. Я отношусь к своей работе как к искусству. Я перед тем, как на нее пойти, несколько раз «Гамбринуса» перечитывал. Для меня кафе — театр, где я — единственный актер. И я должен очень хорошо разбираться в людях, понимать, какой столик выбрать. — А проколы бывали?

— Да, на третий день моей работы. Я еще не все понимал. Тот мужик... ему было плохо, он напился, я ему мешал... Следует подходить к человеку, когда ты ему нужен.

— Ты выступаешь в форме офицера царской армии. Почему ты выбрал именно такой наряд?

— Я одеваю его и знаю, что на мне мундир капитана 14-го гренадерского полка Его Императорского Величества. Отборные части. Лучшее офицерство России. И после этого я совсем по-другому буду петь «Четвертые сутки пылают станицы».

— А ты уверен, что этот самый капитан гренадерского полка был бы доволен, увидев, как ты в его форме ходишь между столиками и развлекаешь проститутку и рэкетиров?

— Но я же не «Нинка, как картинка» пою. Я пою прекрасные русские романсы, которые, кстати, офицеры очень любили. Форма у меня появилась недавно. Еще я хочу, когда накоплю денег, купить новую гитару. Хорошую, тысяч за семь, с палисандровой декой. И зеркало, большое, во всю стену. Я собираюсь этим серьезно заняться. Мне это интересно.

...Пару дней назад я позвонила ему снова. «Как работа?» — «Никак. Все. Я прихожу, как обычно, в шесть часов. Меня встречает шеф и говорит: «Вы у меня больше не работаете». Я спрашиваю: «Почему?» Он... как же он выразился: «То, что я вам отказываю, никаких дальнейших объяснений не требует». Так они разговаривают».

— Что ты собираешься делать?

— Это не последнее кафе в Москве. Буду искать работу.

Письма

Хорошей, породистой собакой теперь в Москве никого не удивить. А вот лет 15—20 назад они были редкостью. И надо же так случиться, что в то «бессобачье» время ко мне явился мой старый друг с просьбой «приютить» на время его отлучки (он был моряк) собаку, как он выразился «системы» английский дог. Я хотел отказать, но тут вмешалась жена и сказала: «Собака английской породы, а у нас в доме ничего импортного нет. Надо взять». Одним словом, через два дня в наш дом явился огромный пес по кличке Идол.

С этого все и началось.

Мною уже никто не интересовался. Никто не спрашивал: «Как вы поживаете?» Спрашивали: «Как поживает Идол?» Соседи о нас говорили: «А, это те, у которых собака». Дворник стал величать меня «Хозяин». Естественно, что такая популярность не могла пройти бесследно. В один прекрасный день к нам домой явился человек и с порога заявил: «Я — помреж, говорю с вами от лица «Мосфильма», где идут съемки исторической картины, и королю Людовику нужна собака». В довершение своего монолога он пообещал мне довольно приличное материальное вознаграждение, что решило разговор в его пользу.

Идол оказался на редкость послушным, общительным и, я бы сказал, талантливым псом. Все указания режиссера он выполнял беспрекословно. Правда, для этого приходилось прибегать к мелким хитростям. Скажем, нужно было, чтобы он залаял. Для этого за кадром ему показывали кошку. Если кошки в этот момент не было, кто-нибудь тихо мяукал. Чаще всего это делал я сам.

Однажды меня заняли в кадре. Правда, в качестве статуи. Надо было отснять эпизод, когда король выходит со своей любимой собакой на утреннюю прогулку по парку, любителю солнцем, свежей зеленым, статуями. Эту сцену снимали на натуре. Все было готово: солнце, зелень. Но статуи не было. Вот тогда режиссер и распорядился: «Загримировать под статуи всех празднующихся по студии, всех бездельников», — в том числе и меня.

Нас загримировали какой-то се-

В былые времена основную часть редакционной почты составляли жалобы и просьбы — к изданию относились как к высшей инстанции, которая может помочь и защитить.

Сейчас таких писем становится все меньше. На смену им пришли другие — письма-новеллы, письма, в которых наши читатели сами хотят что-то рассказать, поделиться воспоминаниями, описать реальный случай из

своей жизни. С этого года в «Столице» появляется новая рубрика «Я вспоминаю...», где лучшие из этих коротких писем-рассказов будут опубликованы. Подчеркиваем — коротких, так как их объем не должен превышать три-четыре машинописные страницы (что примерно соответствует одной странице нашего журнала). Ждем ваши произведения.

Отдел писем

Я вспоминаю...

ро-зеленой мазью, накинули плащи и поставили на бочки. Получилось довольно натурально. Родная мать не узнала бы. Но только не Идол. Как только Людовик поравнялся со мной, Идол поднялся передними лапами на бочку и, глядя на статую, то есть на меня, залаял. Король в недоумении пос-

ликатностью заявила: «Или я тоже снимаюсь в фильме, или ищите себе другую собаку!» Легко сказать: «Другую». Во-первых, другой не было, а во-вторых, съемки фильма подошли к концу, и другая собака была уже не нужна. Режиссер проявил находчивость. Он организовал группу «уходящих за горизонт», которую возглавила моя теща.

Следующий фильм был менее удачен, так как снимали его в небольшой деревушке под Рязанью, куда теща поехать не смогла, а жена не захотела. Затем Идола стали реже и реже приглашать на съемки. А потом и вовсе перестали... Говорят, что мода на английских догов прошла. Появились борзые, овчарки, лайки. Одним словом, собак развелось — уйма. Хотел я податься с Идолом на эстраду, но вернулся хозяин и забрал его домой.

Теперь мы иногда собираемся всей семьей и вспоминаем нашего дорогого Идола и то «бессобачье» время, в память о котором у нас остался «Запорожец». Я и по сей день езжу на нем на «Мосфильм», где работаю в качестве вахтера.

А что поделать — без Идола я на большее не тяну.

Кирилл Бобров

ИДОЛ

мотрел на меня в лорнет. Получился ошеломляющий эпизод (с подтекстом): Людовик и его доглюбуются одной статуей. У короля и собаки одинаковый вкус.

Предполагалось, что в следующем эпизоде я сыграю «стражника с алембардой, стоящего у фонтана», если научусь шевелить ушами. (Режиссер хотел показать, что король несет ахиною, от которой даже у стражника вянут уши). Я тренировался дома так вдохновенно и азартно, что жена заявила: «Одного тебя больше никуда не пущу!» Фильму нужна была собака, и режиссеру пришлось срочно вводить мою жену в свиту Людовика, благо женщина она была дородная и парик носила уже лет десять.

С этого дня в ведомости я расписывался уже за троих, все шло хорошо, все были довольны. Как вдруг...

На съемочной площадке появилась моя теща и со свойственной ей де-

2 — МРОЖЕК — 2
«Горбун»

Театр имени Вл. Маяковского, реж. А.Гончаров

СКАНДАЛ В
СУМАСШЕДШЕМ
ДОМЕ

Дамы и господа! Товарищи! Друзья! Враги! Заведомо ложные измышления о смерти театра, которые я тоже активно распространял, следует считать сильно преувеличенными. Оказывается, в театре еще может быть интересно. Весело. Грустно. Как было мне на московской премьере странной и щемящей пьесы Славомира Мрожека. Его пьесы и всегда-то были с налетом «придури», но эта, которую подробно и элегантно перевела с польского И.Щербакова, уже ни в какие ворота, а прямым путем на сцену. Там ей и место.

Бред, галлюцинация, абсурд, нелепица — громоздятся друг на дружку, они создают смешную и зловещую вакханалию о жизни в сумасшедшем доме, в который люди умудряются превратить свое существование. Если хочешь быть сумасшедшим — будь им. Играй в эту любовь без любви, в это счастье без счастья, в эту радость без

радости. Обманывай себя и других, что ты живешь, чувствуешь, страдаешь. Обман, конечно же, раскроется, но пока тебя не вывели на чистую воду — плещись в грязной, если тебе это нравится. И еще — испытывай чувство превосходства лишь потому, что ты не горбун, что не тебя Бог обидел. И влекутся странные персонажи странной пьесы Мрожека и странного спектакля Гончарова к своему странному финалу, а финала нет и быть не может, а будет только шабаш и вопли ведьм в заколоченном сумасшедшем доме, в котором мы все прозябаем. Странно. Страшно. Смешно.

Валерий ТУРОВСКИЙ

СРУИНЫ
ПРОШЛОГО

У маяковцев — опять победа. Зритель — будет. Они правы: совсем раздевать, донага — хлопот не оберешься. Голая коленка, бедро, декольте — проверенней, надежней. А Э.Виторгана и по поясу обнаженного вполне достаточно для хороших сборов. Хотя дали все-таки

слабину, не поверили сами себе и под занавес добавили еще несколько частей его тела. Но это уже когда с сюжетом и сексом совсем покончили и «наддали» чуть-чуть политики. Сквозь смех расслабившейся и разомлевшей публики долетал какой-то набор слов, составленный из «эха демократии», «толерантности» и «альтернативы консенсуса». Нас даже, кажется, пытались в финале от чего-то предостеречь, однако тут и распахнул пальто, одетое прямо на трусы, герой Виторгана, и все только услышали многозначительно повторенное: «Горбунова круча...» Мы собрались на «горбуновской круче». Горбун — Горби, быть может, «Горбачева круча»? Правда, смысл догадка несколько не прояснила, так как весь вечер с нами говорили словно опечатками. Баронесса возмущалась, что нашла «стих», спрашивала: «Вы хотите мне сопутствовать?», а герой угадывал, что его может ждать «более худшее, чем смерть». Попробуйте сказать вслух: «Прощаясь с руинами прошлого», — и вы услышите язык спектакля. Можно было бы посоветовать на то, как «расправились» с Мрожеком, но ценители этого драматурга ходят, думаю, по другим театральным адресам.

Мария СЕДЫХ

УМЕРЕТЬ ОТ
НЕЛЮБВИ

«Нелюбовь»
к/с «Круг» киноконцерна
В/О «Мосфильм»
реж. В.Рубинчик

История искусства знает немало сюжетов, построенных на самоубийстве из-за любви. Но чтобы героиня уходила из жизни от невозможности любить ни одного из двух мужчин, с которыми живет, — случай, пожалуй, уникальный. Любимая драма имеет свою эстетику, связанную с вовлечением зрителя в экранное пространство, ergo, нелюбовная драма должна иметь свою, и Валерий Рубинчик создает ее с помощью целой системы остраниний происходящего

на экране. То, что героиня не способна любить, в явной форме не объясняется, но дано это так до оскомины ощутимо, что не требует доказательств. Задним числом подыскать объяснение нетрудно, причем не единственное. Эпохально-поколенческие причины можно опустить за их очевидностью и дать решение несколько менее тривиальное, предположив, что истинное несчастье героини в том, что она не может осознать своей гомосексуальности. Это подозрение уже витало легким облачком над Лисистратой из предыдущей картины Рубинчика, здесь же оно сгущается настолько, что хотелось бы надеяться на разрядку в следующем фильме.

Виктор МАТИЗЕН

ХИТ ЭПОХИ

«Jesus Christ Superstar»
Альбом Продюсерского
центра представительства
приходов единой
евангелическо-
лютеранской церкви
России

При застое все-таки было проще — сам факт появления таких пластинок в советском магазине стал бы сенсацией. Перестройка все усложнила, и теперь их покупашь спокойно и без очереди, как кусок сыра при том же застое. Впрочем, от сыра и иного сегодняшнего дефицита эти диски все-таки существенно отличаются: в 70-м Э.Ллойд Уэббер и Т.Райс — «двое самоуверенных юнцов», как их называли в советской прессе, хотели написать хит сезона, а создали хит эпохи. Эпохи, которую «у них» назвали эпохой хиппи, а у нас — тоскливым словом «застой». Эпохи, которая прошла и у них, и у нас, но никуда пока еще не ушла, потому что мы-то живы и носим ее в себе. И приятно все же получить в подарок то, чего так хотелось в 16 лет. Пусть даже и с шестнадцатилетним опозданием. Поэтому спасибо «представительству приходов» за вложенное в конверт Евангелие, за хрипловатое сопрано Ивонны Эллиман, за то и дело переходящий на

Сцена из спектакля «Горбун». Баронесса — арт. А.Балтер, студент — арт. С.Голомазов
Фото Т.Кисчув

Дневник И.

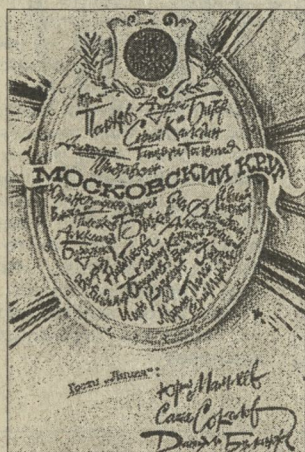
истерический дискант голос Яна Гиллана, за неподражаемый «лирический баритон» Мюррея Хэда, за весь этот наворот из Баха со Штраусом в стиле джаз-рок и за доступную цену в 1992 году от Рождества Христова.

Ирина ЛЮБАРСКАЯ

ДВУХЭТАЖНЫЙ ЭЛЛИПС

«Московский круг»
Издательство
«Московский рабочий»

Оформление этого литературного сборника весьма выразительно: в нем наглядно выражен принцип литературной иерархии. «Московский круг», изображенный почему-то в виде овала или эллипса, непринужденно поделен на... подвал и бельэтаж. «Маститые» (Ю.Поляков, А.Битов, А.Приставкин, Т.Толстая, С.Каледин) расположились, разумеется, наверху, где чувствуют себя вполне вольготно, внизу же теснятся «молодые» (В.Нарбикова, О.Файнштейн, Ю.Нечипоренко, А.Бородыня и др.), чьи имена и фамилии

сплетаются в неудобочитаемый узор, более всего напоминающий палочки Коха (художник П.Сацкий). Однако внешний вид книги — дело второе. Содержание, безусловно, заслуживает лучшего отношения, хотя и вызывает ряд вопросов в отношении имен, помещенных наверху и показывающих, как сказано в предисловии, «истинный уровень современной литературы, на который следует ориентироваться». «Молодых», многим из которых перевалило за 30, в сборнике полтора десятка, и если судить не строго, то по-своему интересен чуть ли

не каждый. А если строго, так каждый третий — что совсем немало. Интересно, до какого возраста им придется тесниться в овале под названием «круг»?

Алена АНГЕЛЕВИЧ

СЕРДЕЧНАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ

«Леди и разбойник»
Великобритания,
реж. Дж. Хог (или
Дж.Хью)

Милый, милый Джон Хог (или Джон Хью — кто как пишет)! От всех эсэнговцев — огромное Вам спасибо за Вашу леди и ее разбойника. Все так славно, так красиво, так романтично! Лошади, шпаги, шпоры... Мерзкие кромвельцы, интригующие против благородного короля Карла Второго, отвратительная монаршья полюбовница, чуть не сгубившая вышеупомянутых леди и разбойника, который, на самом-то деле, конечно, тоже лорд... Так хочется, чтобы и у нас все было так. Чтобы Уважаемый и Любимый Руководитель разогнал, наконец, свору мерзотников. Чтобы вертихвостки, сплетничающие в разнообразных коридорах власти, были хоть красивыми, что ли... Ах, мечты, мечты! Спасибо Вам и за мечты, милейший Джон Хог (или Джон Хью)!

Сергей ЛАВРЕНТЬЕВ

ПРЫЖОК ВПЕРЕД

«Прости, народ православный!»
Балет-театр
«Soubresaut»,
реж. П.Гулько,
балетмейстер В.Шкилько,
музыка Р.Щедрина

Слово, давнее название новому театру, означает «прыжок вверх со стремительным продвижением вперед». Такая «идейная установка» привлекла в труппу и выпускников балетных училищ, и их более опытных коллег из Большого и Мариинки. И даже Майю Плисецкую — но это в будущем. С самого начала театр не пошел по известному пути тиражирования эталонов, когда от Москвы до Бердичева ставится одно «Лебединое озеро».

Спектакль «Прости, народ православный!» позволяет взглянуть сегодня на наше распадающееся государство и трагедию власти в нем из эпохи Ивана Грозного. И при этом — пытается открыть новые возможности танцевальной пластики и балетной драматургии.

Фото М.Майзеля

Гаянэ ХАНОВА

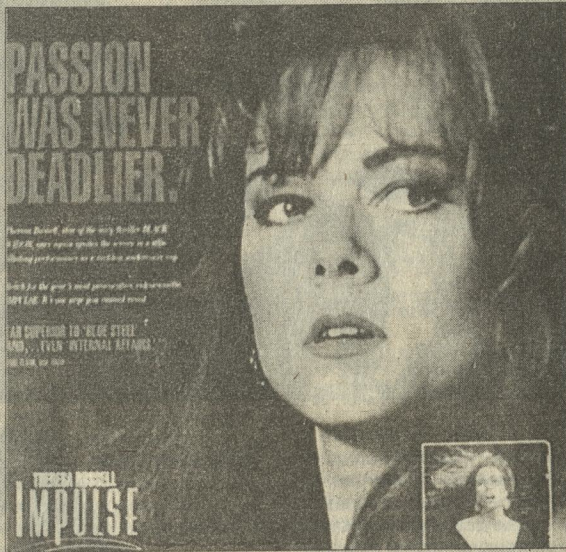

Дневник И.

ХОТИТЕ — СМОТРИТЕ, ХОТИТЕ — НЕТ

«Порыв»
США, реж. С.Локи

Про такие фильмы у нас обычно пишут: крепкий боевик. В переводе на человеческий язык это означает, что в фильме есть напряжение, мир не поделен только на черное и белое и плюс еще стреляют. Все это в «Порыве»

есть. Но создается впечатление, что то ли режиссер, то ли исполнительница главной роли Тереза Расселл немного не дотягивают в ключевых сценах, как будто боятся того эмоционального и психологического напряжения, которое могло и, по идее, должно было возникнуть на экране. В итоге — обычный, средний полицейский фильм, который можно посмотреть от скуки, а вполне можно и пропустить.

УЖАСНАЯ МУРА

«Ева-разрушительница»
США, реж. Д.Гиббинс

Что-то у нас больно много в последнее время уделили внимания этому фильму те, кто его не видел. И то, что писавшие не видели картину, понятно уже по тому, как все они дружно переврали ее название, обозвав Кануном разрушения. Впрочем, это, наверное, единственное, что может хоть как-то привлечь

внимание к третьесортной, глупой, неоригинальной ленте о механической мстительнице. Грустно, что фильм пользуется таким успехом в США. Вдвойне, что он — супербестселлер и у нас.

КТО МЫ?

«Группа Дорз»
США, реж. О.Стоун

Сейчас, когда поутихли истерические восторги по поводу этого фильма, неожиданно появившегося на безрыбье московского фестиваля, мы можем спокойно его посмотреть и оценить. Да, некоторые сцены в фильме просто потрясают. Да, Килмер замечательно сыграл неимоверно трудную роль Джима Моррисона. Да, Дорз — действительно какая-то мистически-неземная группа. Но — местами вдруг куда-то пропадает жесткий профе-

ПУСТЯЧОК-БОЕВИЧОК

«Поцелуй перед смертью»
США, реж. Дж.Диерден

Знаменитый роман Айры Левина, считающийся классикой детектива, издан у нас совсем недавно — буквально год назад. И как по заказу подросла и экранизация, ни в коей мере не передающая очарования и загадки оригинала. У режиссера получился обычный боевичок с детективным сюжетом — ни уму ни сердцу. Даже Мэтт Диллон в главной роли не спасает положения. Таких романов, как у Левина, — мало. Таких фильмов, как у Диердена, — пруд пруди.

ЧЕРЕСЧУР ХОРОШ

«Хороший полицейский»
США, реж. Х.Гулд

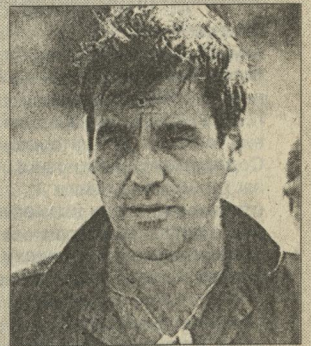
Сколько было фильмов о плохих полицейских! На экране они убивали, грабили, воровали, насиловали — прямо как нормальные люди! Потом

пришла пора полицейских в яслях, детсадах, школах. В этом же духе снята и новая работа популярнейшего актера Майкла Китона, который на протяжении картины успевает усыновить трех сироток, переловить и отправить на тот свет кучу злодеев, да еще и обеспечить свою внезапно разросшуюся семью новым, просторным домом. При этом он, правда, нарушает закон, но он такой хороший, что ему все прощают. К сожалению, он еще и намного лучше фильма, смотреть сегодня который примерно так же интересно, как наших Знакоков.

УВЫ, НАМ ЭТО НЕ ГРОЗИТ

«Спрятавшийся в доме»
США, реж. М.Патрик

В свое время фильм «Челюсти» не испугал наших зрителей — возможно, потому, что у нас акулы не водятся. Очевидно, так же не затронут нас и проблемы этой картины. Главный герой — неприятный маньяк — прячется в доме, где живет семья, так что на протяжении нескольких недель (или месяцев — это не очень ясно) его не замечают! Он ходит, ест продукты из холодильника, следит за всеми — и никто даже не подозревает, что что-то не так. Нам это не грозит. Мы можем с гордостью сказать, что у нас такое невозможно. У вас есть где спрятаться в квартире?

Режиссер О. Стоун

чае — зрители или кровавая толпа, глазеющая на истекающего кровью кумира?

Фильмы представляет Андрей Гаврилов

Актриса Тереза РАССЕЛЛ

Михаил
ПОЗДНЯЕВ

ПУШКИН КАК ЮРОДИВЫЙ

Материалы
к канонизации

В самый расцвет Застоя некий залетный француз-коммунист, привезенный в Михайловское на чудо-поляну, ошеломленно возопил: «Так вот кто у вас заместил господ Бога!»

В самом деле, в языческой Совдепии Пушкин почитался едва ли не наряду с товарищем Сталиным; даже ходил анекдот о конкурсе на новый памятник поэту, второй приз — статуя Сталина с томиком Пушкина, где третий взяла статуя Пушкина с томиком Сталина, а главный приз — фигура Сталина с томиком Сталина. Веранды в парках, где отмечались очередные пушкинские именины, являли собой род капищ, а московский — на Арбате — музей, в доме, где Пушкин с женой прожили после венчания несколько месяцев, завершался своего рода апофеозом — спальней (впрочем, не меблированной), с семейным портретом под балдахин, куда экскурсанты торжественно воздымались по лестнице под звуки «Ave, Maria».

Кое-где на Москве сохранились еще предвоенной постройки школы, на фронтонах коих, в круглых медальонах, наподобие барельефов евангелистов, красуются железобетонные физиономии Пушкина, Толстого, Горького и Маяковского.

В новейшие, благосклонные внешне к церковной жизни времена можно насчитать уже довольно долгий ряд примеров возрождения святых по причине отнюдь не богоугодной, но вот именно — «в честь Пушкина»: стали наконец действующими храм Большого Вознесения у Никитских ворот в Москве, где Пушкин венчался, и Конюшенная церковь в Санкт-Петербурге, где его отпевали, решается вопрос о передаче Московской Патриархии Святогорского монастыря; да и на самом Богоявленском Патриаршем Соборе теперь красуется мраморная доска: здесь крестили великого Пушкина.

Будучи чужд любому проявлению пошлости, конечно же, ничуть не о такой славе он мечтал. Хотя и предвидел.

Рассказывал в письме Дельвигу доподлинный анекдот о балованных ребятишках, детях одной помещицы из-под Твери, увязавшихся с маменькою в гости: «Там будет Пушкин, — предупредили их, — он весь сахарный, а зад его яблочный; его разрежут и всем будет по кусочку... Их повезли, и они сбегались ко мне облизываясь — но, увидев, что я не сахарный, а кожаный, совсем опешили...» В том же самом письме, кстати, Пушкин сообщает уже о взрослых, а не малолетних своих обожателях: «Ездят смотреть на меня как на собаку Мунито...»

«Ум человеческий не пророк, а угадчик», — любил повторять он народную мудрость. И,

прямо скажем, удивительно точно угадал характер собственной славы в потомстве. Редкостно причудливой славы.

И сам к этому руку приложил.

«В нем жили, — по словам митрополита Анастасия, — как бы два человека, находившихся в трагической борьбе между собою; лучшая часть его природы звала его к «Сионским высотам», а «грех алчный гнался за ним по пятам...»

Святитель Анастасий в своей юбилейной — 1937 года — статье подробно цитирует рассуждения Пушкина, касающиеся легенды о кресте, будто бы подаренном неким афонским монахом Байрону: при всем своем вольнодумстве лорд чрезвычайно сим подарком дорожил.

«Душа человека, — как будто о себе самом говорит Пушкин, — есть недоступное хранилище его помыслов... И как судить о свойствах и образе мыслей человека по наружному его действиям? Он может по произволу надевать на себя личину порочности и добродетели. Часто по какому-либо своенравному убеждению ума своего он может выставить напоказ толпе не самую лучшую сторону своего нравственного бытия...»

Из корпуса воспоминаний о Пушкине выделяются отчетливо два слоя: «Пушкин на людях» и «Пушкин у себя, сам собою». И нельзя не отметить резкий контраст: в первом случае нам представлен человек либо излишне возбужденный, громко, до неприличия хохочущий, либо напускающий на себя зловещую угрюмость, желчно-мрачный, неучитывый, фраппирующий дам и прямо призывающий к дуэльному вызову мужчин; ко всему в придачу и уродливый, одетый нарочито, к примеру, в красную рубаху, или в турецкую феску, или в «широкий боливар»; то наголо бритый, то обросший бородою и рискующий, попавшись на глаза государю, получить за это выволочку (все же дворянин!)... в другом случае — это сама учтивость, предупредительность, великодушие, строгость вместе с сердечной теплотой, естественность и простота вкупе с глубоким достоинством, и лицо озарено редкой одухотворенной красотой!

Так точно русские юродивые кривляются на людях — но наедине с собою никогда; ночь напролет проводят в молитве, при запертых дверях, и, едва выйдя за порог, приемлют за непотребное поведение, граничащее со святотатством, «многу досаду и укорение и биение и пхание от безумных человек» («Житие Прокопия Устюжского»)...

Никуда нам от этого не деться — как ни была греховна жизнь Пушкина, сколь ни бы-поэтическое поприще, — но итог, наше итоговое восприятие этой жизни все-таки очень светлое, цельное и торжественное...

Знаменитая сцена с юродивым в «Борисе Годунове» занимает несколько строк. Но для Пушкина эта работа растянулась на долгие месяцы — а отголоски ее слышались вплоть до конца его дней.

Из переписки его с друзьями известно, что ему в Михайловское посланы были жития по меньшей мере трех русских юродивых, отличавших жестокость Ивана Грозного и Бориса Годунова. Он спланировал их черты в образе блаженного Николки. Но и еще один первоисточник существует — никем доселе не указанный.

Пушкин, как несколько грубовато, но верно отмечали его друзья, брал для сочинений своих все, что плохо лежит, — и удивительным образом это «чужое» становилось в его руках «своим».

Явлению юродивого в трагедии предшествует реплика:

— Чу! шум. Не царь ли?

— Нет, это юродивый...

Лаконизм Пушкина удивителен. Ему в несколько слов удалось вместить то, о чем в исторических трудах и специальных богословских исследованиях насчитываются десятки страниц: «блаженный народ очень любит, ибо они, подобно пасквилям, указывают на недостатки знатных, о которых никто и говорить не смеет» (Флетчер); «духовная нищета в лице юродивого являлась ходячей мирской совестью» (Ключевский); «обличение царей сделалось неотъемлемой принадлежностью юродства» (Георгий Федотов); «Особенное уважение государя к этим старцам простиралось до того, что государь нередко сам бывал на их погребении... царица и взрослые царевны также имели при своих комнатах юродивых» (Забелин).

И вот, думаю: Пушкин бесспорно внимательно читал едва ли не самое подробное житие первого юродивого Андрея Царградского. Этому, особо любимому на Руси византийскому святому, считавшемуся по происхождению славянином, было видение: он лицезрел себя в раю в царских ризах.

Как же тут не вспомнить из дневника Пушкина: «Холопом и шутом не буду и у Царя небесного!»

И еще — из стихов: «Ты царь — живи один...»

К царю, пожелавшему видеть Пушкина сразу после коронации, — задумаемся: кого? где? — в Кремле! и когда? — он ехал под конвоем, держа во внутреннем кармане «сертука» несколько стихотворений о библейских пророках. Все их, кроме одного, нам известного, Пушкин после аудиенции у государя уничтожил...

«Это было беспримерное событие, — отмечает Петр Андреевич Вяземский, — ибо дотоле никогда русский царь не разговаривал с человеком, которого во Франции называли бы пролетарием, но который в России гораздо меньше, чем пролетарий на Западе... В первый раз русский государь говорил о литературе с подданным своим...»

Вяземский, человек с памятью диковинно цепкой, не берет в расчет ни Карамзина, ни Жуковского.

И еще деталь: входит в кабинет государя человек, гораздо меньший, чем пролетарий на Западе, — а выводит государь, держа за руку, больше, чем поэта и, пожалуй что, дворянина! «Сегодня, — вслух признает Нико-

лай, — я беседовал с умнейшим человеком России».

Посмею напомнить, что «Пророк» выпал из кармана Пушкина на кремлевской лестнице, когда он по ней подымался, — и чудом не попался на глаза никому другому: так и лежал, пока Пушкин спустя два часа этот листок не подобрал. И подобрав — решительно изменил концовку, известную нам по шифрованному черновику. Там ведь не о Божией благодати шла речь — но о Божьем гневе...

«Иди — и свервием на вые // К царю губителю явись!»

Откуда это вервие? Эти «позорны ризы»?

Пушкин, разумеется, вериг не носил. Носил — семейную реликвию: ладанку с частицей р и з ы Господней.

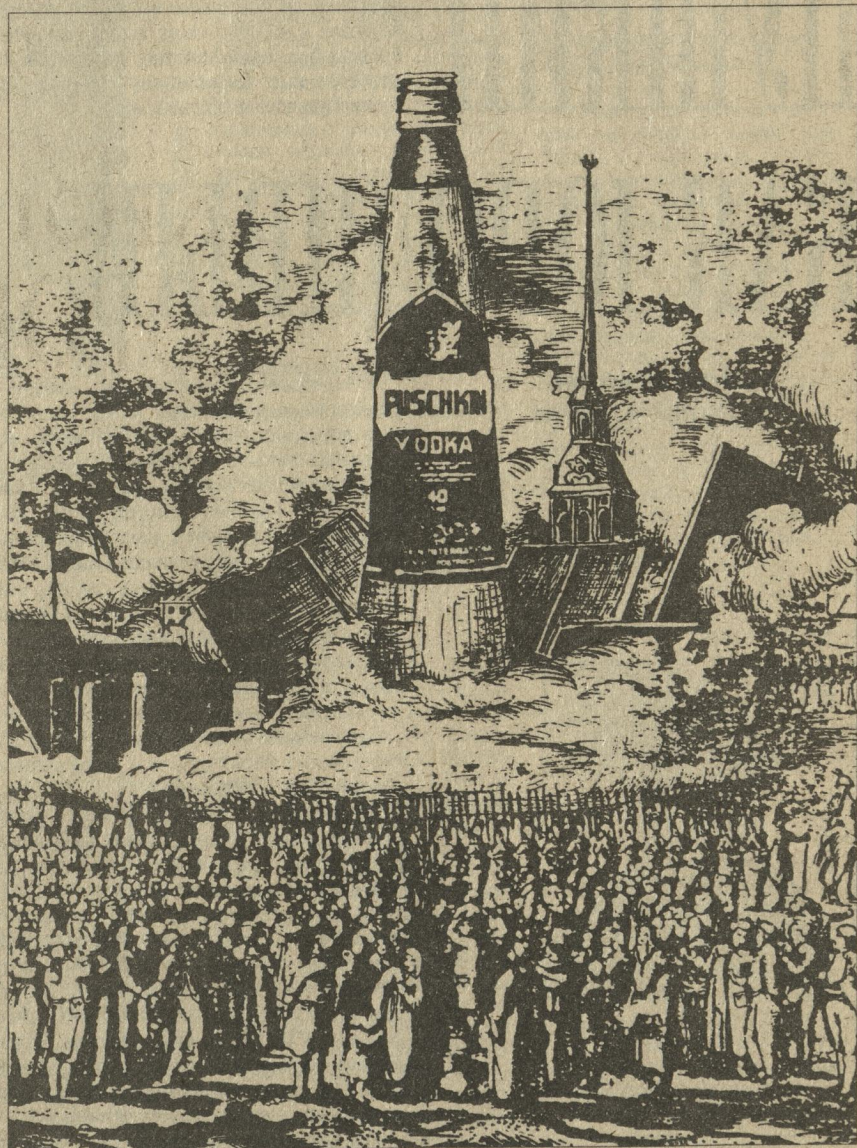
Свою встречу с императором он расценивал как промысел Божий. Слова Николая

«отныне я один буду твоим цензором» моделировали в сознании Пушкина — избранного Богом через помазанника Божия на особое поприще, небывалое! — едва ли не отношения царя Алексея Михайловича и юродивого Киприана, служившего государю «зерцалом нелюбимым», хотя и нелюбимым.

И только этим — искажением определенного Богом порядка — можем мы объяснить и негодование Пушкина на цензурные ущемления, и вспышки бешенства в связи с тем, что царь пожаловал его на старости лет в камер-юнкеры.

«Мне не камер-юнкерство дорого, — говорил он, — дорого то, что на всех балах один царь да я ходим в сапогах, тогда как старики вельможи в лентах и в мундирах».

«Пушкину действительно позволено было являться на балы в простом фраке...» — комментирует эти слова Нащокин.

Коплаж А. Зайца

Простой фрак и сапоги — чем не рубище?

Непременный эпизод житий русских юродивых — побег, бегство, отрясение с подошв праха, золотистой пыли «мира сего». Чаще всего юродивые происходят из зажиточных и даже знатных семей.

О мотиве «побега» в лирике и автобиографической прозе Пушкина сказано довольно; это один из наиболее разработанных пушкинских мотивов.

Но он ничуть не разработан в плане тех духовных исканий, которым Пушкин посвятил последние годы жизни. Вспомним: начатое как сочинение интимно-лирическое, знаменитое «Пора, мой друг, пора!» имеет завершение, намеченное в кратком прозаическом наброске, переводящее эти стихи в плоскость принципиально иную:

«О скоро ли перенесу я мои пенаты в деревню?»

Семья. Религия. Смерть. Etc.

Вот это самое «Etc» — от него у меня всегда дух захватывает, — бесспорно, не изящный каллиграфический росчерк, но космическое пространство, развернутое за «гробовым входом».

Побег у Пушкина всегда имеет точный адрес: деревня. Это место, где он — единовластный господин («деревня — мой кабинет»); это — родовое гнездо. Это — воля, то есть существование вне условностей и этикетов мира сего. Это — по его словам — «келлия», где только и может он творить молитву.

И конфликт жизни и творчества Пушкина 30-х годов — не просто затруднения с визой на выезд и с видом на жительство, но конфликт невозможности соединения в одном лице, в предложенных обстоятельствах, мирянина — и ругающегося «миру сему» поэта.

«Ты царь — живи один...»

«Зависеть от царя? зависеть от народа? // Бог с ними: никому отчета не давать, // Себе лишь самому служить и угождать...»

Это — в столице, где сердце человека каменеет, где он не в силах «отвергнуться себе». Где обстоятельства держат его, подобно цепям.

«Безумный», «сумасшедший», «кого на цепи держит врач» — образ редкостной силы, просачивающийся кровью сердца с одного листа пушкинских рукописей середины 30-х годов на другой...

Предвижу возражение: как можно столь настойчиво проводить параллель между святостью истинной — и творческой прихотью? Но, ведя здесь речь не о типе — но архетипе, ищу защиты у Георгия Федотова, видевшего в юродстве, столь разительно непохожем на другие пути подвижничества христианского, «менее всего подвиг смирения» — и наиболее всего преемство «пророческого, в древнееврейском смысле, служения... Уже не мир ругается над блаженными — но они ругаются над миром».

Пушкин прожил жизнь вовсе не смиренную, и трудно вообразить, даже абстрактно, чтобы он когда-нибудь был причислен Русской Церковью к лику праведников (не мучеников же!), — подобно тому, как это сделала на нашей памяти всего несколько лет назад Грузинская Церковь в отношении Ильи Чавчавадзе.

Сразу несколько наших религиозных мыслителей вопрошали: как это могло случиться, что Пушкин не только никогда не встречался, но даже и не испытывал интереса к своему современнику — преподобному Серафиму Саровскому; и это при том, что Россия как будто надвое разломилась, обратясь одной своей частью к Пушкину и другой — к Саровскому старцу.

Но, может, сам этот разлом, его возможность в начавшей уже тогда оскудевать Святой Руси — и есть ответ на вопрос?

Пушкин не только современник последних наших преподобных отцов, но и последних русских юродивых: Ксении Петербургской, Ивана Яковлевича Корейши. И, стоя над разломом, являя вид предтечи российской интеллигенции, он вместе с тем — один из последних наших «блаженных» — в смысле не церковном, но историческом...

Начав с игры в юродство, с блажи — Пушкин пришел к пониманию того, что есть блаженство, к ощущению своего юродства в свете, на миру.

Мы помним «Пророка», как помнят с детства ожог кипятком, — эту молнию, указующую поэту путь в мир.

Спустя десятилетие другой юноша в блистающих одеждах — в «Страннике» — указывает ему путь из мира:

«Не видишь ли, скажи, чего-нибудь», —

Сказал мне юноша, даль указуя перстом.

Я оком стал глядеть болезненно отверстым...

Как от бельма избавленный слепец...

(Сравним: «Отверзлись вещие зеницы, // Как у испуганной орлицы».)

«Я вижу некий свет», — сказал я наконец...

«Духовный труженик, влача свои вериги», бежит. И вот замечательно: то, как описывает Пушкин, едва ли не с натуры, смятение и брань домочадцев и друзей, буквально копирует сходные эпизоды в житиях преподобных и Христа ради юродивых — минуту, когда они покидают дом, умирают, как миряне, чтобы родиться во блаженстве.

Воля для Пушкина — не самоволие, но владение даром.

Тем, что человеку даром достается. Даруется.

Закончу двумя замечаниями на лирическое завещание Пушкина — его «Памятник». Стихотворение, имеющее, кроме латинского эпиграфа, еще и точное обозначение места написания: «Каменный остров».

Да, это — дачная местность под Санкт-Петербургом. Но здесь это — и воспоминание о Патмосе — каменном острове, где скончал свой век св. апостол и евангелист

Иоанн: Пушкин любил в письмах из деревни называть ее своим Патмосом, своим оторванным от мира каменным островом. И в это античное стихотворение, языческое по первоисточнику (переложение оды Горация), в последнюю строфу — отмечая, отличая ее во всем тексте — вдруг проливается тихий свет с Сионских высот. Там, где у Горация и у Державина было: «О Муза, возгордись заслугой справедливой // И презрит кто тебя — сама тех презирай...» (до скрежета зубового языческого, варварского заклинания!) — у Пушкина читаем:

Веленью Б о ж и ю, о Муза, будь послушна:

Обиды не страшась, не требуя венца,

Хвалу и клевету приемли равнодушно

И не оспоривай глумца.

В многотомный комментарий к «Памятнику» я прибавил бы еще два отсыла к любимым и чтимым Пушкиным — «Вот как надобно писать» — житиям святых.

Сподвижник Пимена Великого Авва Анув каждое утро швырял камни и грязь в лицо языческой статуи, а вечером просил у ней прощения. Авва Пимен высказал брату свое недоумение: «Верующий во Христа не должен кланяться идолу» — и услышал в ответ: «Сделал я это для вас, о братия. Будем подобны этой статуе: от оскорблений она не возмущается гневом, а при почтении, оказываемом ей, не превозносится!»

И второй эпизод — из жития Макария Египетского. Пришел к нему инок и спросил: «Что мне сделать, чтобы спастись?» — «Ступай на кладбище и брани умерших». — Пошел брат; наутро — «Ну что?» — «Молчат». — «Теперь ступай — и хвали их». — Пошел; называл их апостолами и праведниками — и опять молчат. «Вот так будь и ты!»

О своей музе — кумире, языческом идоле, демоне (в традиции христианской) Пушкин говорит то же, что мы знаем о бесах от св. Отцев Церкви: и бесы веру в Бога имеют, и от одного Имени Его трепещут...

Думаю о Пушкине — а вспоминаю отчего-то недавнее: расщелину между рядами багряных кресел во Дворце съездов — и идущего, впору сказать по церковному «текущего», едва ли не рассыпающегося на ходу взъерошенного, грозно сверкающего очками, в строгом темном костюме и желтых замшевых башмаках, в пестром галстуке, съехавшем набок, в перекрахмаленном воротнике, дыбом торчащем из-под пиджака... прямо на президиум, к микрофону! — воистину блаженного, юродивого Андрея.

И еще — вспоминаю ответ митрополита Антония Сурожского на вопрос Севы Новгородцева, на волне Би-би-си: «Будет ли Сахаров канонизирован?» — «Мы не знаем имен тысяч святых, живших до нас, — и мы с любовью вспоминаем имена тысяч отнюдь не святых, но замечательных людей. Так что вопрос о канонизации в данном случае некорректен».

Валерий
ТУРОВСКИЙ

«600 секунд»: КЛИНИКА НЕВРОЗОВ

Горестные заметки
о документальном фильме
«Невзоров»

Э тот печальный и рассудительный фильм А.Каневского и П.Когана не удовлетворит никого — ни страстных поклонников таланта Александра Невзорова, ни его не менее страстных противников. Поклонники недосчитаются множества комплиментов и восторгов в адрес своего кумира, а противникам не достанет обличений и развенчаний.

Но тысячу раз правы авторы картины, задумавшие показать не политический портрет, а человеческий характер. Характер гораздо более сложный, чем тот, который врывается в наши мрачные будни на 600 секунд:

То, что Александр Невзоров человек не безталантный, авторами даже не обсуждается. Отталкиваясь от данной аксиомы, они ведут свое исследование этой личности, в которой соединяется несоединимое. В этом характере намешано столько страстей, заблуждений и грехов, что в пору говорить о трагичности судьбы и жизни Невзорова.

Трагедия Невзорова — это и трагедия всего нашего забитого народа — долгостроителя коммунизма. Народа отчаявшегося и изверившегося, изолгавшегося.

Ненавидя советскую власть, Невзоров, как и весь советский народ, продолжает быть тем самым «крас-

ным совком», каким его сделали семья и школа, наука и жизнь, клуб и художественная самодеятельность. Сдирая с себя «совковую» кожу, он лишь обнажает «совковые» нервы. Только и всего.

Только и всего? Нет, для понимания невзоровской сущности это очень важное обстоятельство. Затравленный, гонимый, презираемый, он с неистовостью и непобедимостью простого советского человека советскими же методами будет защищаться, мстить, наказывать обидчиков. В лучших традициях морального кодекса строителя коммунизма.

Человек играющий, он заигрался, заблудился, запутался. И признать-

ся в этом себе и людям, смирить гордыню — на это у Невзорова нет ни сил, ни вкуса.

Как нет вкуса и в его любимом увечном детище «600 секунд». Расчлененные трупы, облезлые крысы, смрадные помойки, уродцы и калеки, изъязвленные конечности — вот его стихия, его воздух, которым он живет и дышит. Он с нескрываемым наслаждением преподносит жизнь в формах самой жизни, грязь в формах самой грязи, пополняя ряды унылых социалистических реалистов. Златоуст, подросток и игрок, мелкий бес и герой нашего времени — таким предстает супермен Невзоров в одноименном фильме.

Его уникально-ординарную личность легко можно описать при помощи русской приставки «недо». Недоучка, недоросль, недомыслие — пусть неленивые читатели сами продолжат этот недосказанный ряд. Но главная черта невзоровского таланта — это вопиющий недопрофессионализм. Желая быть в профессии всем, он остается в ней никем. Не режиссер и не актер, не журналист и не политик, не футуролог и не философ, Невзоров из кожи вон лезет, чтобы доказать свою значительность, а все выходит лишь глупость да смех.

Бедный, бедный мальчик, верный наследник своего великого земляка Ивана Александровича Хлестакова, Александр Глебович Невзоров вдохновенно врет себе и людям.

«Я уклоняюсь от любого занятия политикой». Полно вам, сударь, а чем же вы изволите заниматься? Например, в Вильнюсе, когда запаматовали о том, что вы — христианин? «Вот придет Саша, Саша нам покажет», — уверенно заверял хозяин Смольного дворца Гидаспов, прекрасно зная, что Саша, мобилизованный и призванный ненавистными коммунистами, выполнит и перевыполнит наказ партии на 120 процентов. И Саша не подвел хозяина, с нескрываемой гордостью сплотив ряды лакеев Смольного дворца.

Смутное время, которое Невзоров подвинулся отразить, отражается в глубинах его смутной и мутной души. «Ненавижу коммунистов», — просто-сердечно признается Невзоров. Но, во-первых, кто же их любит, а во-вторых, надо быть последовательным и в ненависти тоже. Зачем же тогда из рук тех самых коммунистов принимать какие-то медали и, не дрогнув мускулом, выслушивать слова о том, что дело партии попало в надежные невзоровские руки? И как ненависть к КПСС можно сочетать с любовью к ЧК и к ГКЧП?

Невзоров может. Невзоров все может.

Боевую машину пехоты, которая давила людей в Вильнюсе и в Москве, он может ласково называть «бээмпэшкой». Бутафорски горящий погранстолб с гордой аббревиатурой «СССР», долженствующий доказать злодеяния литовских сепаратистов, он запросто может снимать в самом центре Ленинграда. Взорванное православное кладбище можно доснять там же. А уж полыхающий гроб, покрытый серпасто-молоткастым кумачом, сам Бог велел снимать в санкт-петербургском дворике. И не беда, что с гробами в стране напряженка — ради красного словца, ради кровавого кадра, ради багряного эпизода Невзоров не остановится ни перед чем. И ни перед кем. Даже перед Богом, в которого он врет что верит.

Потому что если правда верит в Бога, то почему же не боится Его? Неужели Александр Глебович не слышит, что речи экс-премьера Павлова, которому он предрекал светлое будущее, или Макашова, или Жириновского — не просто противные, но еще и богопротивные? Если нет вкуса, то слух-то по крайней мере должен быть?

Я не отрекаюсь и не отрекись никогда от слов признания талантливости автора «600 секунд». Но талант, направленный в ненависть, жестоко мстит за себя и отомстит еще не раз.

Пиромания, мания величия, мания преследования — составные части психопатического развития личности. А простодушное признание жены, актрисы Александры Яковлевой, ставит точку в анамнезе и в диагнозе Невзорова: «Он боится показаться не только слабым, но и ординарным». Точнее не скажешь.

Постоянная возгонка мыльных пузырей вокруг своей скромной личности — это стиль, образ и воздух заблудившейся невзоровской жизни. Он просто обязан быть на переднем крае, впереди паровоза, поверх барьеров. И не видит, не слышит, не чувствует даже, что бывает при этом смешон, жалок. Его должны окружать свита и скандал. Без свиты и скандала жизнь для него теряет всякий смысл.

Куда-то в песок, в канализацию просочилось следствие по делу о покушении на драгоценную Сашину жизнь. Президент Горбачев слал телеграммы сочувствия, Собчак наносил визиты в госпиталь (Саша не простит ему этого), а дело, самое громкое, если не считать дела ГКЧП, почему-то застопорилось.

Полноте, господа, совсем не обязательно быть военно-полевым хирургом Пироговым Николаем Ивановичем, чтобы ранение в мягкие ткани

левой руки диагностировать как саможесточеч. Берешь в правую руку пистолет, потому что левой стрелять несподручно, и наутро страна узнает своих героев!

Продюсер «600 секунд» Борисоглебский, впоследствии именуемый предателем «600 секунд», в свое время элегически рассуждал: «Сам или не сам стрелял — какое это имеет значение?»

Как это мило, не правда ли? То ли он убил, то ли его убили — какое это имеет значение? Сумасшедшая страна. Сумасшедшие люди. Сумасшедшие герои.

И впрямь, какой степени свихнутости нужно иметь мозги, чтобы ничто же сумняшеся залудить с экрана такую вот самобытную фразу: «Кровь Тбилиси на скатерти у Собчака».

Нет, не боится Александр Глебович своего Бога, если Он у него, конечно, есть, в чем приходится сильно усомниться.

День 19 августа 1991 года Невзоров встретил, как день своего второго рождения. Свершилось! Дождался! Пробил звездный час! И в раже пьянящей победы он договаривается до вещей и вовсе кощунственных. В том, что афера ГКЧП прихлалась на день Преображения Господня, Невзоров узрел Божий промысел. Патриарх Алексей не узрел, а репортер Александр узрел. Не слабо...

Не стыдятся и не боятся Бога, Невзоров выдает в объектив самое сокровенное, о чем даже страшно, но очень хочется мечтать: «Я надеюсь хоть изредка, по телефону, робким голосом что-то полезное советовать новому руководству». Мы, конечно же, были и все еще остаемся страной советов, но окститесь, Александр Глебович, не до такой же степени, как вам бы хотелось. Послушайте себя, ужаснитесь себя и слов своих, которые множат скорбь и печаль скорбной и печальной нашей с вами родины.

Не слышит. Не дает ответа.

Сумрачный талант Александра Невзорова, талант, обращенный во зло, в ненависть, в обожание себя, любимого, истончается на глазах. И чем менее талантливо он работает, тем больше зла и истеричности в его ставшем замогильным голосе, в его затравленном тяжелом взгляде. Величие и падение Александра Невзорова, репортера, — внутренний сюжет этой талантливой картины о талантливом человеке. Невзоров достоин такой картины. Она дает ему шанс выжить.

То ли в воздухе витает, то ли век кончается, но кругом только и слышишь о концах и финалах, похоронах и поминках. Поучаствовал в похоронной процессии и Александр Генис. Причем если несколько ранее отечественные литературные критики (в частности, Вик.Ерофеев) сначала устроили веселые поминки по советской литературе, то затем, когда скандал сам собою — в связи с концом всего «советского» — рассосался, была предпринята новая попытка возбуждения общественного внимания — «вторичными» (после А.Блока) похоронами гуманизма (см. выступление того же Вик.Ерофеева в «Московских новостях»).

В напечатанной недавно статье как всегда остроумного и парадоксального А.Гениса зафиксирован летальный исход русской беллетристики. Автора приводит в искреннее изумление одно лишь предположение о том, что кто-то сегодня способен все-таки вывести перышком по бумаге или простучать на машинке что-нибудь вроде: «Иван Петрович встал со скрипучего стула и подошел к распахнутому окну». В противовес литературе вымысла критиком выдвигается литература факта, документа, а самое главное, самопознания, саморефлексии (автор — персонаж — рассказчик совмещаются в одном и том же лице).

Заявление А.Гениса выглядит несколько непоследовательным в цепи общих рассуждений о судьбе нашей литературы, так как примерно в то же самое время в одном из интервью он предсказал ей будущее как раз в занимательной прозе (детектив, фантастика и т.д.), которой ярко выраженный герой и крепкий сюжет более чем необходимы.

Но оставим эту непоследовательность для вящего разнообразия эссеистики А.Гениса, ибо небольшая непоследовательность украшает тексты, не претендующие на научность (а уж большего антипода, чем академизм, для текстов этого автора и представить себе нельзя).

Яо другом. О том, что слухи о смерти Ивана Петровича оказались явно преувеличенными.

Я имею в виду прозу молодых авторов, чей дебют состоялся в самое последнее время; тех, кто не прошел через годы вынужденного существования в андерграунде.

Среди новых фамилий молодых прозаиков я бы выделила два имени, за которыми

Наталья ИВАНОВА

ИВАН ПЕТРОВИЧ УМЕР! ДА ЗДРАВСТВУЕТ ИВАН ПЕТРОВИЧ?

вижу серьезное литературное будущее: Олег Ермаков и Дмитрий Бакин.

О писателе из Смоленска, Олеге Ермакове, рассказы которого напечатали «Знамя» и «Новый мир» (завидный дебют), чья книга вышла только что в Париже (раньше, чем на родине; опять французы нас опережают, несмотря на открывшиеся... сколько там? 1800 новых издательств в России), я поговорю чуть позже — в «Знамени» принят и готовится к публикации его первый роман. Но вот одна любопытная и красноречивая деталь: О.Ермаков пишет сюжетную, традиционно-сюжетную, подчеркиваю, прозу; и герои его — не alter ego автора, а вполне нормальные литературные персонажи: «Иван Петрович» живет, думает и страдает.

У Дмитрия Бакина вышла первая книга рассказов — в библиотечке журнала «Огонек». Удивителен сам облик этой маленькой книги, в которую вошли всего три рассказа: вы не увидите на обложке традиционной фотографии автора — вместо нее помещен...

пейзаж. И это тоже характерная черта нового течения реалистов в русской прозе — они сторонятся шума, не хотят изображения «себя самого», избегают концентрации на своей собственной персоне.

Если «предыдущие» и «окружающие» как бы настаивают на себе, избирают себя в герои, помещают в своих изданиях свои «говорящие» фотографии (см. среди прочих альманахов «Личное дело №»), пишут о своем собственном творчестве и о творчестве своих близких товарищей статьи и эссе, рассказывают о своей жизни (некоторые, как Татьяна Щербина, во всех интимных подробностях) по радио, включая зарубежные радиостанции, — то реалисты О.Ермаков и Д.Бакин принципиально не хотят этого делать.

Как бы устранив «автора», устранив «себя самого» до щепетильности, и не только из текста (О.Ермаков, будучи в Париже, даже не позволил записать интервьюера, Кире Сапгир, свой голос на пленку), новые реалисты возвращают все ущемленные права герою.

Имя Д.Бакина я запомнила по его первой публикации в журнале «Октябрь». Выделила я прозу Д.Бакина именно в силу ее неожиданного реализма (в моду тогда входил постмодернизм), как бы уже прошедшего через искушение новыми возможностями, предоставленными временем изящной словесности. Д.Бакин изобразил не только

героя, не только характер, а муку рождающегося и разворачивающегося в пространстве жизни сознания. И это было сознанием героя, и у героя было имя, и оно не только не раздражало, не казалось искусственно придуманным, но было единственно точным: «Наутро он был умыт, подстрижен, накормлен супом из крапивы и прибит гвоздями к фамилии Бедолагин».

В рассказах Д.Бакина нет ни «порнухи», ни «чернухи», ни специального исследования «темных», неизвестных углов нашей социальной или исторической жизни, на освещении которых внезапной фотовспышкой сделали себе имя иные из известных ныне литераторов, описывая то кладбище, то стройбат, то внутреннюю жизнь церковного прихода. Жизнь, изображаемая Д.Бакиным, не таит в себе скандальных разоблачений — скажем, лагерных или тюремных. Проза его — не про «униженных и оскорбленных», не про маленького героя, которого такой лютой

ненавистью ненавидели соцреалисты и которого так полюбили антисоцреалисты. Д.Бакин вообще ни «за», ни «против» не выступает, у него нет в крови даже остаточной идеологизированности. Здесь нет даже «травм» поколения (хотя он родился в 1964 году, «афганского синдрома» и упоминаний о войне в его рассказах я не обнаружила), но вся жизнь, описанная им, — это одна сплошная травма, сплошная боль.

Он пишет об одиночестве, о старении, о смерти и болезни; пишет о том, как тяжело становиться, а потом и жить мыслящим существом, какую бесконечную муку может представлять из себя человеческое бытие. В общем, это экзистенциальный реализм — реализм, возвращающийся к вечным, трагическим проблемам человеческого существования.

Герои Д.Бакина действительно «пробыты звездами» к своей фамилии, к своей судьбе, из которой они хотя бы выскочить, выброситься, к своему роду, к «генеалогическому древу», от которого жаждут избавиться, спрятав лист где-то на пыльном провинциальном чердаке (как герой рассказа «Страна происхождения»). Но судьба — имя — происхождение настигают героя, как пуля, застрявшая еще в давние времена в сердце его прадеда... Забыть прошлое (как и свое имя) невозможно, можно лишь попытаться его преодолеть, расшатать, расширить установленные им рамки.

Да, Иван Петрович вымышлен и условен. И писатель, осмеливающийся ныне о нем писать, должен ощущать двойную трудность: преодоления дурной наследственности «советской» литературы, «употреблявшей» Ивана Петровича в своих целях, и преодоления соблазна авангарда, более модного и более притягательного для новой литературной тусовки. В общем, Д.Бакин, стоит, как мне кажется, перед теми же проблемами, что и его герой. Но, сколько ни прячь сегодня новый русский писатель свое «генеалогическое древо» на пыльный чердак, в том числе и от себя лично, «пуля», выпущенная в великое наследие, попадает в его сердце. Что же он ощущает? Боль? Страх? Предсмертные судороги? Ничего подобного. Герой Бакина «чувствует в себе» совсем иное: «уверенность».

Автор и герой не то что совпадают, сливаются в одно лицо, как в «авторской» прозе (ее мощный наплыв я зафиксировала еще в 1983 году), а представляют собою параллели, которые соединяются где-то в воображаемом пространстве (по Лобачевскому, а не по Евклиду). Это — новый, «постпостмодерный» реализм; а как зовут героя — Иван Петрович, Бедолагин, Баскаков или просто «он», — пусть определит сам автор. Главное для нас, что его-то имя уже существует. Дмитрий Бакин.

Цены растут, жизнь дорожает...

**Но если вы подпишетесь на
«Столицу», вы этого не
заметите.**

**Как бы ни дорожал наш журнал,
подписавшись на него, вы будете
по гарантированной цене получать
его до конца года.**

Новые подписные цены:

**на 3 месяца — 52 рубля
на 6 месяцев — 104 рубля
на 9 месяцев — 156 рублей.**

Наш индекс: 73746.

**Подписка принимается всеми
предприятиями связи страны.**

**Читатели, оформившие подписку в 1991 году,
будут получать журнал по старым ценам.**

Будучи штатным сотрудником Издательского отдела Московского Патриархата, считаю своим долгом защитить митрополита Питирима от той очевидной клеветы, которая была возведена на него откровенными (и прикровенными) врагами Православия в лице редакции «Столицы» и — персонально — ее обозревателя Михаила Поздняева.

В статье М.Поздняева «Окромя его архиепископа» («Столица», № 26, 1991 г.) утверждается, будто еженедельную газету «Московский церковный вестник» редактирует наш высокопреосвященнейший владыка. Такое утверждение не соответствует истине, и не соответствует ей дважды. Во-первых, «МЦВ» — газета не еженедельная, поскольку выходит она два раза в месяц. Во-вторых, в качестве главного редактора владыка Питирим не имеет к ней никакого касательства (разве что, по слухам, читает от случая к случаю уже отпечатанные номера).

Такого рода нарекания мало что ложны — они попросту наивны. Предполагать, будто столь высокая духовная особа станет себя утруждать созданием полиграфической базы, поисками бумаги, подбором квалифицированных редакторов и авторов, наконец и раздумьями о том, какой должна быть газета Московской Патриархии, — неблагоприятно. Остается сожалеть, что этого не поняли и в соответствующих инстанциях, когда принималось в год 1000-летия Крещения Руси решение о выпуске «МЦВ». Однако наш владыка, которого всегда отличала истинная мудрость, не пожелал нанести ущерба своему величию и дал распоряжение подыскать надежного человека. Человека нашли: им оказался Борис Георгиевич Козлов — статный пожилой человек с военной выправкой. Кадровый офицер-коммунист, опытный работник контрразведки приступил, нисколько не медля, к выполнению особо ответственного задания. В таких делах товарищ Козлов приобрел чрезвычайно большой опыт: выполняя задание командования, он в свое время был организатором партийной печати в мятежной Чехословакии.

Забегая вперед, отметим, что совсем недавно, в конце истекшего года, Борис Георгиевич скончался. Он буквально сгорел на работе, он на работе надорвался (в частности, оттого, что собственноручно перетаскивал тяжелейшие коробки с «гуманитарной помощью» в персональную машину — прямо на глазах у своих подчиненных, скорбно наблюдавших за передвижениями начальника)... Впрочем, если о мертвых, по древнему обычаю, «или хорошо, или ничего», то будем говорить о покойном только хорошее. Дело буквально закипело в руках Бориса Георгиевича: благодаря его стараниям появился договор с типографией «Гудок», по праву славящейся уникальными полиграфическими машинами — старейшими в мире. Редакции газеты было предоставлено прекрасное помещение — бывшая коммунальная квартира, которая сразу наполни-

Ольга ГАЗИЗОВА

ОПРОВЕРЖЕНИЕ НА КЛЕВЕТУ

Рисовал А.Заяц

лась живым духом: под обоями весело зашуршали домовитые клопки, а за батареей — симпатичные мышки. Работающая канализация наполняла помещение приятным рокотом прибора, а высокие потолки старинного здания радовали глаз пятнами плесени.

Товарищ Козлов, облеченный доверием владыки Питирима, уделял колоссальное внимание работе с кадрами: собрав их с миру по нитке (ведь и голому королю нужна рубаха), он начал учить сотрудников, как делать газету. Право, всякий раз дух захватывало, когда Борис Георгиевич размашисто перечеркивал принесенные ему машинописные тексты святоотеческих творений, украшая их такого рода резолюциями: «Что это за Григорий Богослов? Нельзя ли без псевдонима?» Или (это — о св. Иоанне Златоусте): «С автором нам не по пути: он не понимает политики перестройки» — что, с другой стороны, было совершенно справедливым...

Дела в редакции — с благословения высокопреосвященнейшего Питирима — шли отменно хорошо, пока не случился досадный курьез: публикуя официальный документ — обращение Святейшего Патриарха к советским властям, — Борис Георгиевич решил сопроводить его своим комментарием, который начинался восклицанием: «Довольно разгребать помойные ямы истории!» «Это что же — письма Патриарха происходят из «помойных ям истории»? — возмутились в Чистом переулке, и в ту же минуту пиджак Бориса Георгиевича исчез со спинки стула, стоявшего в кабинете, а бывший резидент перешел — с повышением — в офис самого митрополита в качестве его заместителя. Энергично взявшись за создание коммерческо-сельскохозяйственного центра в Тверской губернии, Борис Георгиевич сумел получить «из воздуха» (так говорил он сам) много-много миллионов, проложив при этом дорогу к собственной даче. Безвременная кончина самозабвенного труженика на ниве Церкви пресекла его плодотворную, самоотверженную деятельность...

Но что же газета? После отставки товарища Козлова оперативную работу в ней взял на себя Александр Аркадьевич Макаров — выпускник текстильного института, вечный студент духовных школ и народный депутат районного масштаба. Шло время, газета выходила; однако митрополит Питирим что-то не торопился облекать заслуженного текстильщика должностными полномочиями. Положение нашего неофициального шефа, рассматривавшего свое место в газете как плацдарм для политических баталий, становилось все более двусмысленным. Не рассчитав квадратуры круга, депутат Макаров поспешил написать заявление по собственному желанию, смутно надеясь на то, что владыка Питирим тотчас его пожалует и возвысит. Этого не произошло — и Александр Аркадьевич, махнув на все рукой, нырнул в частный бизнес, где и процветает.

Время шло — вопросы накапливались. Обескровленные (работающие в помещении, способном в любой момент рухнуть) и обезглавленные (лишенные главного редактора) сотрудники «МЦВ» пришли к последнему, единственно возможному в данной ситуации решению: повергнуть свои пёчалы к стопам Патриарха.

И вот тут из-за кулис появляется новое, свежее лицо — Сергей Владимирович Белавенец.

Лицо этого юного создания отличается, действительно, редкостью по нашим временам свежестью (действие вкусной, здоровой и калорийной пищи, подаваемой за архиерейскими обедами). Сергей Владимирович — воспитанник и фаворит владыки Питирима, верный паж, с отроческих лет благоговейно носящий за уважаемым иерархом шлейф его святительской мантии. А вместе со шлейфом мантии — и шлейф самых разнообразных сплетен, слухов и домыслов, кои с детским простодушием сообщает людям знакомым и незнакомым. Пылая справедливым негодованием на тех, кто распространяет порочащие сведения в нашем епископстве, иподиакон Белавенец сам превосходит в злословии всех своих идеологических оппонентов и потому, следовательно, является ценным кадром для антицерковной контрразведки (может быть, даже более ценным, чем покойный Козлов, служивший верой и правдой «седнему ведомству»).

«И был вечер, и было утро», когда румяный юноша известил своего покровителя о решении сотрудников обратиться за заступничеством к Патриарху. И тут случилось чудо: высокопреосвященнейший Питирим, который в качестве главного редактора никогда не интересовался мнением коллектива вверенной ему газеты, повелел немедля, несмотря на воскресный день, собрать их в своем кабинете. 1 сентября 1991 года означенные сотрудники вошли в покои владыки. Приемный кабинет преосвященного митрополита, которого отличает редкостная и совершенно бескорыстная любовь к искусству, — сюжет для небольшого рассказа. «Да, недаром, совсем недаром трудился владыка в Фонде культуры», — восхищенно думает посетитель, сожалея лишь о том, что путешествие в особняк на Погодинской — к вящей славе Отечества — не входит в экскурсионные маршруты для москвичей и гостей столицы...

Допущенные, впервые за четыре года, в «святая святых» Издательского отдела журналисты усажены были за обширный прямоугольный стол, покрытый белоснежной скатертью. Им предложили откусать чаю с... чем-то ностальгически забытым. Умеющий произвести неотразимое впечатление, имитируя душевную заботливость, митрополит пунктуально и собственноручно написал все услышанные им от сотрудников просьбы, замечания и пожелания. В заключение он клятвенно пообещал прямо с завтрашнего дня существенно повысить всем

сотрудникам зарплату — 250 рублей в месяц (без комментариев).

С тех пор прошло четыре месяца. Зарплата действительно повышена, но одному человеку — товарищу Белавенцу. Вытирая салфеткой промасленные губы, Сергей Владимирович приговаривает после тройной порции обеда: «В Церкви должны работать бескорыстные люди!»

И вот тут мы подходим к рассмотрению той грани митрополичьей деятельности, которая до сих пор обходилась благоразумным умолчанием прессы. Нет, владыка Питирим не только «просветитель, общественник и политик», как сообщил в своем эссе М.Поздняяев. Митрополит — крупнейший из финансистов. Как можно добывать миллионы из земли и воздуха, мы уже могли наблюдать на примере многополезной деятельности партайгеноссе Козлова. Какие дивиденды можно получить от работы в Фонде культуры — тоже всем понятно. Например, недавно за бешеные деньги Издательского отдела владыкой были приобретены в числе прочего антикварная скрипка и статуя обнаженного Геракла, побеждающего львов.

Много нынче способов честного бизнеса: можно покупать-продавать старинную мебель, нанимать и сдавать внаем жилые и нежилые помещения, стричь купоны с покровительства воинам-афганцам... Можно, наконец, проявлять попечительство о новорожденных биржах, акционерных обществах и банках, тесно сотрудничая на самых высоких этажах этой нынешней власти с известными в народе господами демократами.

Тут бы поставить точку — тем более что иподиакон Белавенец уже имеет роскошную визитную карточку, из которой — к изумлению сотрудников «МЦВ» — явствует, что Сергей Владимирович является «зам. главного редактора».

Однако у читателя может возникнуть законный вопрос: а имеет ли информация обо всем происходящем Патриарх? Увы. Ибо единственным информатором духовных обителей Чистого переулка является все тот же Сергей Владимирович, который в нужный момент умеет и ножкой шаркнуть, и миллион-миллион-миллион алых роз преподнести. Единственное обстоятельство представляется нам обнадеживающим: в одном из номеров «Вестника» была помещена фотография, на которой Святейший Патриарх запечатлен в салоне самолета и с газетой в руках.

Потому-то и мы не теряем надежды, что как-нибудь в самолете, под крылом которого о чем-то поет зеленое море американской кукурузы, наш первоиерарх вдруг да прочтет эти печальные строки.

Во вторник вечером шел в поселок за хлебом, вижу на пригорке со спины, я еще Лене заметил — вот мальчик кого-то дожидается; — то есть фигура запала сразу, гитара на шнурке через шею, как он ногу выставил. И неожиданно, назад идем, он еще не ушел, здесь вижу в лицо. Я спросил спички, он не ответил, пошел на меня, я еще не понял, почему идет не отвечает, или уличная манера; он просто идет протянуть спички и сам спросил закурить. Сейчас, думаю, разойдемся, не увижу никогда. Я нашелся, попросил поиграть на гитаре. Он начал сразу, голос только установился, песни, как они во дворах поют. Весь запас спел, больше задержать нечем. Я как-то дошел до дома, но когда один остался, и поделиться не с кем, думаю, в «Радугу», так, лишь бы идти не сидеть на месте; прошел половину поселка и встречаю. Удивительно, хотел увидеть и увидел, хотя, раз он недалеко попался, почему ему здесь и не жить. Я как будто гулял от нечего делать и думаю присоединиться, ясно, что он просто так стоит. Он кивнул, я как будто хочу присмотреться к его игре, какие места зажимать на струнах. Долго так ходим, разговора немного; узнал, что учится, пойдет в десятый класс, и учится в школе для математиков на несколько человек со всего края; не просто уличный мальчик: каста. Он на пригорке стоял, ждал приятеля Сережу, чемпиона по самбо, тот хотел вернуться из города. Пока мы как будто бесцельно слоняемся вдоль фанерных домиков, попадают девочки его лет, о чем-то обмолвятся с ним, я в стороне, не мешаю. Стемнело, он говорит — пойдём к спортсменам? — Пойдем; не говорю, конечно, что не знаю спортсменов и никого здесь. Затруднения с разговором, когда о машинах или о песне, которую они все знают. У него разряд по плаванию. Тут я понял, что когда недели три назад увидел, здесь по дачной улице шел мальчик с аквалангом и ластами под мышкой, ровесники шли с ним, девочки, или дети, я поразился тогда, как он красив, и во взгляде бессердечность, от красоты, видел всего мгновенно, только прошли мимо, — тут я понимаю, это он и был. Стемнело, сидим на скамейке у одного домика, он все время перебирает струны и напевает уличным голосом эти песни, блатные, жалостливые про любовь. Из домика женщина попросила не петь. Мы подошли к открытой веранде столовой, там дежурная лампочка посередине невысоко, такой тусклый свет с большими тенями; старуха сторожит с папиросой и две девочки с парнем; а девочки попадались, и мальчик тоже, спрашивал у Миши — девок нет? и Миша засмеялся: Миша дал ему гитару, этот Толя, с малороссийским выговором, смешило, и с чувством, не как Миша, зашел с руганью через слова. Толя послал девочек за картами, я подумал, хорошо, их четверо и я лишний, не выяснится, что не играю; эти девочки живут в домике рядом, дочери, что ли, заведующей столовой; когда они вернулись, Толя увлекся пением, они одни со старухой сели в угол напротив с пасьянсом, а мы с Мишей слушали Толю и смеялись, уже объединены вниманием к пению; песни у Толи были такие: беспризорник подходит к каске, хочет украсть билет, его забирают, он говорит — Гражданин, как вы жестоки, граждане, сердца у вас нет, вы забыли, что я беспризорник, зачем же меня обижать; или в притоне оборванец убил моряка из-за пары распущенных кос, наклонился над трупом, узнал в нем родного брата и ее убил тоже; или школьные про любовь, с красотами слога, и как он их серьезно задумчиво пел, так они и доходят до вас. Кончилось пение, мы пошли провожать Толика к палаткам. Он сразу стал рассказывать непринужденно свои похождения, как он сломал четыре целки в свои годы, а другие всю жизнь хотят жениться на девушке, не найдут, и как они к нему привязываются. Говорил он больше мне, Миша занимался гитарой, возможно, Миша привык к рассказам, а я хорошо слушал. Дальше путь с Мишей, он рассказал об убийстве, к тому, что мне через лес идти; на днях в этом месте убили парня цепями от мотоцикла. Дальше в разные стороны — ну, до свидания — до свидания; и сам говорит, форма, но все равно, — завтра увидимся. После встречи на пригорке я думал, что и простое знакомство невозможно, а оказалось возможно, столько были вместе, говорили, он здесь живет, знает теперь, как меня зовут, я знаю, что он Миша, и завтра увидимся.

Назавтра, в среду, с утра в поселок к палаткам, вижу Толика, хохла, один на обрыве, — здравствуй — здравствуй — Миши не видел? — Нет, не видел. Хорошо, думаю, когда он будет здесь проходить, попадусь на пути, он не увидит, что я его искал, да я еще с Толиком, как будто и с Толиком познакомился, не будет для него одинокой фигуры, подкарауливающей его: Спортсмены лежа-

Евгений ХАРИТОНОВ

ДУЖОВКА

Что-то в душе моей противится тому, чтобы писать мемуары о Евгении Харитонове. Я твердо знаю, что он умер летом 1981 года, помню церковь, где его отпевали, и громадное стечение «странного» московского народа: андерграунд, городские сумасшедшие, звезды кино, музыки и литературы, актеры из театра глухонемых, зеваки, стукачи.

Помню его опустевшую нищую квартиру, куда примчались мы, его друзья и коллеги по альманahu «Каталог». В этой квартире родился «Каталог», дочернее предприятие разгромленной годом раньше фирмы «Метрополь», и известная мрачно-пижонская фотография, изображающая его участников, сделана здесь же.

Здесь он вел свою таинственную одинокую жизнь, писал свою таинственную одинокую прозу, сюда к нему пришел милиционер с повесткой на габэшную встречу и был, очевидно, поражен, смущен необычным фактом своей казенной жизни: «клиент» не облаял его насчет «прав человека», но и не струсил, не заюлил. Он просто-напросто упал в обморок при виде «камерного гостя» и разбил при падении стекло внутренней двери.

И не хочу символизировать: два, дескать, мира, разделен-

ные хрупким и прозрачным. Все неточно, и миров, разделенных хрупким и прозрачным, по крайней мере столько же, сколько цветов спектра.

Помню, что написал об этой смерти в Вашингтон Василию Аксенову, только-только лишённому гражданства той страны, которой больше не существует. Аксенов, который встречался с Харитоновым едва ли 3—4 раза, но ощущал его как крупную литературную личность, откликнулся громадной статьей-некрологом в «Новом русском слове» ЕВГЕНИЙ ХАРИТОНОВ — ПЕВЕЦ ПОДПОЛЬНОЙ МОСКВЫ.

Что еще? За четыре месяца до смерти он веселился на нашей со Светланой свадьбе в холодноватой стекляшке, рестораничке «Сетунь», что на станции «Переделкино», где нанятый гармонист играл лучший шлягер тех лет «Барабан! Барабан! Это значит сердце пополам», а многочисленные гости-литераторы, добрая треть которых уже имела вызовы на Лубянку или прокурорские предупреждения «о недопустимости создания клеветнических, идейно-ущербных произведений», пили принесенную с собой водку, хохотали и плясали.

Потом он закончил книгу

трядом в карты играть, к ним подошел старший или тренер с витаминами, мне отсыпали. Вижу, идет — здравствуй — здравствуй; на речку идем, Толя, хохол, не пошел из-за дел; и по дороге он рассказывал случай: сидит он в общежитии, а школа математиков за городом и он год живет в общежитии, ногу втиснул между столом и стеной; вдруг боль ниже колена, боль все сильнее, он понял в чем дело: за стеной гудит сверло, с той стороны сверлится дыра, там, где у него колено, он никак не вытащит ногу, сверло уже в ней, а нога вплотную между тумбой и стеной, и он в таком положении, что стол не отодвинуть; он закричал в стену, только тогда остановились, вошел рабочий, Миша вытащил ногу, сверло уже вошло в кость. Сам Миша как математик сказал, что вероятность попасть сверлу в его колено по отношению к стене равнялась нулю. Пришли на их место купания, плавки на нем коричневые, с желтыми полосками по бокам. След от сверла показал. Красоты своей не сознает, может быть, говорили девочки, но сам в зеркало посмотрится, не поймет, и товарищи не понимают, конечно, товарищ для них и все. Предложил сплавать на остров, для меня будет пределом туда и обратно. Я вида не показал, там посидели немного, он сразу хотел назад, я предложил посушиться, последние метры я с большим трудом, вылезли, надо прийти в себя, дальше с разговором неплохо — есть гитара, а я хочу научиться и запомнить песни. Он показал бой и аккорды. Сестра у него в институте, поет в клубе Жданова перед свансами; или сестру помянул вчера. Пришел Толя хохол, вместе обучение бою — восьмерка, семерка — такие названия; Толя предложил осваивать на голове щелчками, так говорит, лучше запоминаются. Они еще хотят купаться, я говорю — лучше так позагораю; так выдохся. Вот еще, например: Толя пришел с обеда; значит, когда Мише идти обедать, Толя с ним не пойдет; чтобы мне пойти с Мишей и вышло непреднамеренно, я заранее говорю — ну, мне скоро обедать; так что, когда Миша хочет идти, мне

можно с ним; а не так, чтобы он встал, и я за ним увязался, не подготовив заранее. Вместе весь путь до его поворота, спрашиваю, даже не спрашиваю, так, — снова купаться придешь; — ага. Уже буду знать, где его увидеть, и примерно через час; и на время обеда он дает гитару поучиться. Домой ко мне Ваня приехал; а я ему и про стихи хотел сказать, и Мишу сейчас увидит, мне интересно, сможет и он понять, когда перед ним мальчик один на десять тысяч. Пошли на речку, Миша пришел через полчаса; тут все удобство положения с собеседником твоего круга. Для Миши одного не выйдет оживления и занимательного разговора, а через Ваню и Миша послушает, засмеется, вовлечется, проникнется ко мне немного. И важно, я не один в глазах Миши, и у меня есть приятели. Часа три так пробыли, Ваня хочет в город, я пошел проводить до автобуса. Миша спрашивает — потом придешь? Форма, но все же; вот мы знакомы уже, можем вместе идти по улице, во вторник после пригорка не помышлял. По дороге разговор с Ваней — человек не моих страстей все подтвердил о Мише. Я устал, остров, и столько за день ходил, больше решил туда не идти. И хорошо лишний раз не показаться, пусть думает, и у меня своя жизнь, а не так, что один как перст и все время караулю. Тут гитара к месту, все мой интерес к гитаре и песням. Еще в первый же вечер он сказал, летом поедет в Москву поступать; а зимой едет в Москву на каникулы; еще, думаю, запишу ему адрес.

В четверг просыпаюсь, как хорошо, думаю, вчера лишний раз не надоел; хотя тут не ошибусь; но лучше иметь в виду. Весь длинный путь, полтора километра до столовой, полтора километра до его купания, не вижу. Хочу в домик к нему зайти, он вчера сказал тридцать два, и когда я шел с обеда с Ваней, я еще крикнул — Миша; я подумал тогда, он на речке, но выяснилось, он просто не слышал; но раз я кричал тогда, а главное, раз меня вчера вечером не было, а собирался, сейчас, думаю, можно. Вижу — его бабушка с по-

0 Евгений ХАРИТОНОВЕ

«Под домашним арестом». Не все ЛУЧШЕЕ, а все НУЖНОЕ из того, что писал долгие годы, собрал он под одной обложкой, издав сам себя в четырех экземплярах.

Помню его рассказ, что он сам перепечатывал эту книгу несколько месяцев, и не потому, что боялся довериться машинистке, а потому, что все эти графические паузы, интервалы, столбцы, перевернутые буквы мог изобразить на бумаге только он сам.

Помню его маму, приехавшую на похороны из Новосибирска.

Помню выпестованный им рок-ансамбль «Последний шанс».

Помню его в доме Б.А.Ахмадуллиной.

Зачем-то помню, как он, непьющий и безденежный, пришел к нам в Теплый Стан, принес две литровые бутылки роскошного «Вермута», и мы выпили втроем эти две бутылки, и он умилялся, слушая, как Светлана играет собственное сочинение на слова Заболоцкого «Целый день стирает прачка...».

Помню, что громадная часть его архива до сих пор хранится на Лубянке, если, конечно, не пущена по ветру в виде пепла и дыма.

Я помню все, но что-то в душе

моей противится тому, чтобы писать мемуары о Евгении Харитонове, по крайней мере сейчас.

Пусть сначала будет СЛОВО Евгения Харитонова, то есть его проза, а потом уже ДЕЛО о нем. Я твердо знаю, что он умер летом 1981 года, но литература его только начинает жить.

«Певцы умирают в конце эпохи. Сегодня они умерли, и эпоха кончилась. Мы вступили в новое время. В неведомых новых днях другие будут читать Книгу, на которую закон и нравы нашего дома наложили арест, и трудно надеяться, что когда-нибудь арест будет снят. Сквозь призму редкого артистизма книга эта показывает нас и время наше не похожим ни на один способ. Автор перерос и преодолел свою эпоху, его книга адресована в будущее».

Так писал о Евгении Харитонове Николай Климонтович в 1985 году. С тех пор, как известно, прошло всего 6 лет.

Евгений ПОПОВ

В издательстве «Глагол» готовится к выпуску в этом году книга, посвященная творчеству и судьбе Е.Харитонова. В нее войдут его проза и поэзия, а также воспоминания о нем, критика, документы.

судой, а домик определил прежде чем по номеру, по лапам и аква-лангу в дверях. Миша, спрашиваю, на речке? Спит, только завтрак готовлю; приветливости особой не было, всегда подозрение к знакомствам детей, и человек зашел старше Миши. Тут я увидел в открытую дверь край раскладушки и ноги под простыней за край зашли. Иду пока на речку час поспать на лужайке, чтобы время пробежало, где накануне с утра лежал, чтобы он проходя сам наткнулся. Час прошел, может быть, полчаса показались за час, терпения нет, пошел к домику, и все время чувствуешь, кому-то из соседних домиков стал любопытен. Наконец, выходит, рубашка узлом на животе. Я к тебе, говорю, пошли на речку; сказал обязательно, что один раз заходил, бабушка наверняка ему сообщила; чтобы не вышло, что я почему-то не признаюсь. Он берет гитару в домике напротив, отдавал вчера, тут на середине пути его окликает в тельняшке некрасивый крепкий Сережа, как я и понял, кого он ждал в первый вечер из города; знакомить не принято, правильно, мы лишь два дня на речку попутчики, а с Сергеем сами познакомимся, если нужно будет; тут лишних церемоний нет. А с Мишей был договор, что он попросит у Сергея тетрадь с песнями. Дальше втроем на реке, они сплавали на остров; нет, Сергей не раздевался, сидел одетый. Миша научился на гитаре от него. Сергей может над ним посмеиваться, например, над его игрой; хотя сам умеет кое-как, только чтобы гитару держать для нормы. Возня между ними, когда Сергей, играя, может обнять, прижать. В этот день или накануне я спросил, много ли мне времени на учение; он сказал, уедет числа двадцатого; а в этот день восьмое. У них жаргон: путевый — хороший; жена — девочка, с которой спал; шкура — пиджак; нельзя поддаваться соблазну спросить Мишу с ласковой улыбкой старшего человека, обняв за плечи, что значит «жена» или «поролся» — сразу человек из другого общества, а так равный со всеми преимуществами знакомства на равных. У домика Сергея, где они остались на перевернутой лодке, даже не дойдя, Миша спросил у Сергея тетрадь; не в том дело, что помнит и приятно, что помнит, а моим прогулкам у него есть объяснение. Сергей вынес тетрадь с ошибками, прошу до вечера, но излишняя вежливость опять ни к чему, лишь отдаст, и я чувствую меру, не подделываться и не слишком отличаться. Спечтал, скорей опять к ним, при расставании они пригласили — ну, мы там будем, приходи. Опять весь путь до купания, нет, иду назад, вижу вдали, идет; я показываю тетрадку, чтобы видел, что с делом, — вот, говорю, перепечатал, забыл, где Сергей живет. Подошли к его домику, вызов свистом, сели все на лодку как будто скупая заодно. Он все с гитарой — голова от твоей музыки заболела, играть ни хуя не умеешь. Я вниз на траву сел, чтобы лучше видеть. Когда мне уходить, Миша сказал — мы у костра будем, где спортсмены. И в третий раз пришел к ночи, нашел по гитаре в домике у столовой, куда девочки уходили за картами в первый вечер; в окне те две девочки и Миша с Сергеем. Еще, думаю, может быть, мне не стоит, раз двое на двое, но все же заметно, они просто так сидят; открыли — ты по гитаре нашел? — по гитаре; с Мишей вместе сидим на койке без матраса, он все играет и напеваает. Приходит мама девочки или одной из них и без обиняков просит идти по домам. Пошли к костру, спортсмены пьяные слегка, один позвал — эй, давай сюда, спой что-нибудь; и вот его особенная ясность, он сразу начал им петь, а поет он на здоровый вкус неумело, хочет походить на вчерашнего Толю хохла, ему его акцент понравился. Когда нам уходить, говорит — наверное, завтра в город поеду; ты не собираешься? меня спрашивает, да, говорю, надо бы; договорились вместе. Втроем назад, глубокая ночь; как удачно: Сергей живет на середине пути, дальше вдвоем; вот тут я рассказал ему об убийстве: во вторник мне Миша сам рассказал, убили цепями, потом в среду мне Леня сказал, повесили на цепях, и теперь передаю, как рассказал Леня, смеется — кто что говорит; и договорились, что завтра с утра зайдет за мной, раз мимо меня на автобус; и дал гитару — хочешь, говорит, пока? Иду учу по дороге его бой, завтра вместе в город.

Завтра пятница, проснулся часов в семь, он в начале десятого зайдет, сижу пока на крыльце с гитарой. Идет в белой рубашке, говорит, издали услышал по гитаре. Я захватил переводы, ничего, конечно, они ему не говорят, разговора в дороге нет, он и в автобусе слегка перебирает гитару, вначале оба стоим, потом я сижу, он стоит, на свободное место сесть не захотел. Дальше еду на свой автобус. Говорит, назад поедет, может быть, сегодня вечером, может быть, завтра утром; а ехал он в школу для математиков; я думаю — похвалиться хочет, чему научился; а может быть, не так представляю. Но договариваться сознательно, когда назад будет ехать, теперь нельзя, он слышал, как я, уходя с дачи, крикнул, в четыре вернусь; когда он, допустим, позвонит, получится для него, я нарочно его ждал неизвестно зачем. Может быть, он и не слышал, когда я сказал вернусь, или забыл; но уж нельзя, выйдет преднамеренно. А я со вчерашнего вечера рассчитывал и назад вместе. Пятница, день тан-

цев, пятница, суббота, воскресенье. Вернулся в деревню и сразу к Сергею. Тут планы быть ближе к нему, чтобы когда я хожу с ними, Мише преждевременно не пришло в голову, и Сергею тоже, и Сергей обратил бы внимание Миши, что я хожу с ними из-за Миши. Прохладно, Сергей в плавках, а все гуляющие одеты, посматривают на него, я спрашиваю, не холодно, он смеется — я спортсмен. Разговора мало, молчание заполняю свистом; он крепкий, неказистый, но это я в среду отметил около Миши. Неловкости в разговоре, когда коснется бадминтона или тенниса; на мне в этот раз не было плавков, подходящий предлог не лезть в воду; но ведь я сам зашел за ним звать на речку, иду и думаю, придется купаться. Он еще взял ласты, хочешь, говорит, и ты в ластах попробуешь. Не доходя до купания, видим пьяный спортсмен бьет громко палкой по сосне, эй ты, приказывает, наступи на конец, но мы вдвоем, и у Сергея сложение борца; когда я не говоря ничего прошел мимо, спортсмен не прицепился, дальше, слышим, упал велосипед, он подставил палку мальчику лет пятнадцати, тот упал, поднял велосипед, не огрызаясь, зная, что за это будет, а спортсмен веселится. А когда мы по этому высокому крутому спуску сбегали, Сергей сказал — что ж не разулся, в сандалиии ведь наберется; я отмечал про себя промахи; мне тоже надо бы в воду, ведь это я его и позвал, он дома с книжкой сидел, а я теперь не иду, говорю — так посижу; хотя купаться пошли в ластах, а ласты одни, значит, он, потом я. Он еще звал на остров, но у меня память свежа, как я тогда устал; и там был подъем, а тут холодно; он думает, я как он, пусть без разрядов. Он сплавал на остров, потом и мне надо бы в воду, и я не знаю, так или не так: я ноги

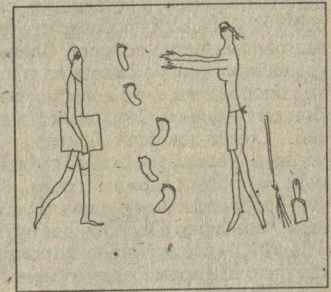

вначале от песка обмываю, чтобы ласты ему не выпачкать; на ходу вижу бессмыслицу, раз все равно в воду, но он мог не заметить или принять за привычку, и ему же семнадцать лет, а я столичный человек, может быть, так нужно. Трудно зайти в воду в ластах; а перед этим, забавно, Сергей сказал, в ластах больше всего тонут, говорит, надо идти спиной. Сергей еще окунулся, пошли назад низом под обрывом; а когда я за ним заходил, я был с сообщением, что Миша вернется сегодня вечером, или, верней всего, завтра утром. Идем низом, он рассказал, как в прошлом году в такую погоду — он заметил еще, когда шли туда над обрывом, что вода прибыла, или наоборот, убыла, по границе островка напротив, — в эту погоду две девочки позвали нарочно моряка, знали, что он не плавает, хотели посмеяться; моряк не пошел, девочки пошли и утонули; когда вода прибывает, образуются водовороты. Еще рассказал, они с мальчиками, когда у пионеров был родительский день, плавали в лодке и нарочно, один нырнет, как будто чего-то ищет, другой кричит — ну как? тот в ответ — не нашел, чтобы с берега их спросили — чего ищите? а они отвечают — утонул какой-то пионер. А здесь было два лагеря, а на следующий день в каждом лагере говорили про другой, что там утонул один пионер. И опять вернулись к убийству; я, чтобы разговор поддерживать, начал про этот случай; не только, говорю, убили цепями, и повесили на цепях; так слышал от соседского мальчика Лени, но Леня сказал, в двух километрах отсюда и ночью, а Сергей говорит днем, среди деревни. Я попал впросак, спросил, а за что. — Как за что, как всегда ни за что, пьяные были, и Сергей знает, кто. Двое мальчиков из города, и убили городского, семнадцати лет. Милиция не найдет. Дошли до него — до свидания; спросил, приду ли на танцы, договорился на десять часов. Вначале мы договаривались, на пути к речке, что я за Сергеем зайду; не помню, сказал я, что не знаю, где танцы? Сейчас он хотел объяснить, я говорю, знаю, не надо, чтобы не было у него впечатления, что человек здесь живет и не знает, где танцы; и я мысленно знаю, по музыке. Вечером пошел только показаться; а дома хорошо, пироги поспешили в духовке. На танцплощадку пришел в разгар; я вижу, Миша приехал; в сером свитере, в котором ходит в холод, — о, приехал, когда? — да тогда-то, а ты когда (я) — я днем. Сергей сказал, думал, что я не приду. Все возбуждены. А вокруг страшные подростки, ищут кого избить. С девушками надо шутить. Миша с Сергеем так и делают. Грустно от музыки, и что все веселится, а ты не в жизни, они танцуют, ты нет, и в голове убийство. В кожаной куртке его двоюродная сестра лет четырнадцати, с ней жена, девочка, с которой он спал; может быть, сочиняет, хотя, год обещания. Сергей подталкивает меня — иди потанцуй, а то замерз, покажи, как

надо в Москве. Разговор, искать им девочек или нет. Мальчики прыгают с мальчиками, Миша меня зовет — нет, говорю, Миша, так постою. Оторван от них, и от музыки грусть. Делаем вид, как будто интересно, как танцуют или как Миша играет; и подходящий повод, пришла одна Ольга с молодым человеком, я понял, это сестра, как будто нашел занятие, хочу послушать. Ее окружили, девочки, официантка Люся, Миша как у себя дома, и понятно, ему нужен такой друг, как Сережа, за его спиной лучше. Но семейство! Миша, сестра, и двоюродная в кожаной куртке, сестра певица очень красивая, хотя лицо не Мишино, и сразу ее окружили, муж еврей красивый, правда, не так. Но сами сестры и брат! младшую двоюродную, тогда думал, она родная, почти не разглядел, но Оля и Миша! Что она сестра, сразу понял, когда уверенно запела. Тут Миша спрашивает того, кого я считаю ее мужем, — как тебя зовут? не для знакомства, с какой-то просьбой, тот назвался, Слава, и позже выясняется, Сергей сказал, что он не муж. А муж на соревнования уехал. Еще Сергей показал на двух преступного вида подростков — один из них убил, кого ищут и не найдут. Может быть, и не так, но картина — и эти принцы крови здесь, легко себя чувствуют, королевские дети среди разбойников не знают, кто они сами такие. Как Миша танцевал: конечно, он не умеет, но что он не стесняется, как пел вчера перед спортсменами. Сестра с любовником собралась уходить, еще думаю, будут спать дома при бабушке? Миша с Сергеем никого не ищут, это больше так говорилось. Втроем, Миша, Сережа, я пошли лесом, народу много, в обнимку, под кустами. Один старик, даже и не старик, мне сказал, сорок семь лет, живой, идет со всеми, послушать и погреться с молодежью. Он помогает, послал ребят за дровами, посмеивается над собой, что старик, а туда же со всеми, и они над ним посмеиваются беззлобно. Но он старше меня на девятнадцать лет, старик среди них и так себя и ведет, а я старше Миши тоже на двенадцать лет. Костер, хорошо, тепло стало, на земле сыро, я стоять устал, нашел полено, Миша с другом не устали, стоят. Я у Мишиных ног получаюсь. Миша отдал гитару до завтра, тут еще у кого-то гитара, старик веселится, и ничего, что старик хочет быть с молодыми, как они. Один певец высоким почти детски жалобным голосом пел, сам с виду мальчик с маленьким лицом, голос слабый, пел напряженно на пределе высоты и с переливами, и песня длинная, сейчас, кажется, кончится, а он опять. Когда ему другие подпевали и чуть иначе, у него в припеве была синкопа, его нельзя было сбить, так он уверен был в своем пении. У него забрали гитару. Миша с Сережей собрались домой. А во время пения я посматривал на Мишу и смеялся — как певец хорошо поет, и Миша мое мнение передалось; и вот, это на следующий день, когда я похвалил Мише сестру, а про певца сказал он ни на кого не похож, Миша потом о нем моими словами сказал. Они пошли, позвали меня, а мне в другую сторону, и если бы я пошел с ними; опять я провожаю Мишу, и если бы поднялся пошел домой, опять получилось бы, сидел, только пока был Миша, — я сказал, еще посмотрю. Они отошли, я пошел тоже.

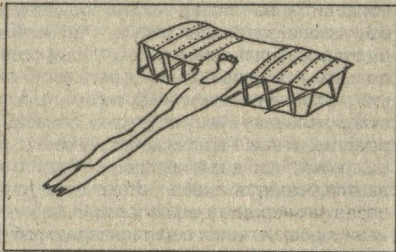
Суббота, хочу в поселок за сигаретами, еще думаю взять про запас, понедельник и вторник у них выходной; что завтра воскресенье, я забыл, думал, сегодня воскресенье: Его там не вижу, вижу Ольгу, сестру певицу, с младшей сестрой, вчера была в кожаной куртке; мелькнули в деревьях у ограды. Опять этот путь до купания, нет, может быть, спит. И знаю, чего хочу: хочу достать денег выпить с ребятами. Все будет живее, и легче поступки, а лишнее спишет на опьянение. Давно надо бы что-то выкинуть как-то завоевать. Сумку белую увезли, я спросил денег у Ани. Я раньше хотел с ними выпить, но продают в разлив, и пусть я буду весел слегка и попадусь им на глаза. Взял вина, свежий огурец заесть вкус, и на ступеньках сел смотреть, не пройдет ли мимо; нет. Допил, ухожу, ах, вот где я увидел Ольгу позади себя с сестрой у ограды; потому что оборачивался все время. И намеренье пойти к Ане просить еще денег; когда от этого пьянею, будет чуть-чуть, чувствую. У Ани подготовка, разговориваю, разговорить себя хочу, и таким пошел в столовую; полчаса до перерыва. У столовой тот Слава, любовник, киваем. И вот когда стоя пью на веранде, разгуливая, народу почти нет, в одной руке стакан, в другой — огурец, хорошо так на ходу, вот тут вижу, едет на велосипеде — не хочешь вина, — спрашиваю, отказывается, долго ли, спрашивает, я вчера оставался, здесь и вспомнил певца в моих выражениях; и хочет на час пойти учиться химию, он не сдал ее, один день был перерыв между химией и предыдущим экзаменом, многие не пошли сдавать; я, правда, уже мог сказать, упростилось, — ну, суббота, в субботу отдохни, он говорит, все равно надо, зарок дал. Я напутал, это было при первом стакане, я просидел у Ани полчаса и полчаса дорога, потому что в этот час он учил химию; а после второго стакана надеюсь его встретить на улице или на реке и Сергея зову составить компанию. Два стакана, правда, между ними час перерыва, на меня мало подействовали; а денег, всего по стакану Сергею и мне. Но привезли пиво; я занял за Славой любовником, он модник и не

побрит с умом, помнит, конечно, как я сидел с ними на танцах, когда Ольга пела и я внимательно слушал. А здесь я в ботинках, и совсем другое ощущение телу. Слава, Миша его так называл, мы пока не знакомы, мне по виду ровесник и по манерам видно, круг ближе, чем хоть Сергей, относительно. Слава начал с другим человеком из очереди разгружать ящики с пивом, я тоже

помог и Сергей, перед носом продавец закрыла окно на пересчет, вам, говорит, мальчики отпущу; за мной человек просит ему тоже, я дал рубль Славе взять на меня, сам отошел пока попросить у Люси стаканы, тоже мне ново называть ее на «ты», как все посетители просто с официантками или кассирами, она сидит в кассе. Взял бутылки от Славы и вижу Мишу на улице; показал ему на Сережу — здесь Сережа, иди к нам. Пива не хочет, не любит, говорит, горькое. Мы выпили с Сережей, а со дна Миша допил. Совсем мальчик домашний, он и когда отказывается, сказал, стакана нет, а все равно, можно из одного, он, возможно, даже не сообразил, что не так сказал. Химию он этот час не учил, возился с велосипедом, пойдет учить сейчас. Мы его отговариваем, кажется, решил не учить, но зайдет по делу домой, потом нас найдет. Потом мы с Сергеем позади ограды шагах в тридцати от Миши, через кусты не видно. Сергей полез на черемуху, сказал, тут еще дикая малина; я лежу на земле, недалеко за кустами пьяный давно лежал, и женщина проходила, спрашивала, не наш ли друг. Раз я в траве, то и он наш знакомый. Вскоре условленный свист, Миша. Когда Миша шел, он видел только Сережу на дереве, спросил его обо мне. Втроем недолго, потом не могу вспомнить, как расстаемся; мы ведь еще идем в сторону купания, где теннисный столик у палаток, там они станут играть с большим счетом в пользу Сергея, а по дороге я вспомнил про Ольгу, сестру, мне нужно Мише через нее сказать, как он красив. Их партия в теннис, я как будто слежу на траве, ничего не разбираю и мысли текут о Мише; только слышу из разговора, что счет двадцать к трем, потом совсем всухую в пользу Сергея. Подобрал, в траве валялись погнувшиеся шарики, не помню, Сергей или Миша спросил — что, жечь собираешься? Они любят их жечь, Миша подсел зажег, и они горели хорошо. Я не вспомню, как расстаемся; как обычно, идем втроем, Сергей свернул к себе, а мы с Мишей дальше до нашей развилки; но вот к теннисному столику пошли, там спортсмены и тот, кому Миша оставил вчера гитару, сейчас ходили гитару забрать и спортсмена не было. Еще Сергей рассказал, когда шли втроем, как в прошлом году однажды нечего было курить и они с Мишей видят здесь в окне блок сигарет. Миша надавил, стекло треснуло, а дело было среди дня, я еще спросил, разве рука так не поранится, они сказали, нет, как нажимать, они вытащили осколки, Миша тонкий, пролез, Сергей на страже слышит Мишу в домике смеется, оказывается, он коробки открыл, а там во всех гвозди. Еще, когда с Мишей вдвоем идем, он сказал у него одна сестренка умерла до его рождения, я говорю, хорошо, иначе родители не позаботились бы тебя произвести, и у меня та же история. Значит, игра, жгли шарики, эти рассказы, расходимся как не помню, здесь выпало место и дальше слепое пятно. Дома наши вернулись, вот где я надел ботинки, я просил привезти: но что там ходил хорошо по веранде с вином в одной руке, с огурцом в другой и присаживался за пустой стол, это так. Нет слепого пятна, потому что точно с Мишей до развилки доходили, расставаясь, я сказал — ну, на танцах встретимся, а он говорит — приходи раньше. Значит, иду, до танцев далеко, светло пока, путь до теннисного стола, не вижу, иду назад, поляна, где волейбол, здесь и решила судьба этой вещи. Еще думал, лучше, чтобы ребята меня здесь застали, но их нет, зашел к Сергею рядом с поляной, он в рубашке, встречаем Мишу или заходим, или Сергей свистом; заходим, был такой случай, заходили вдвоем, я зашел, Сергей стоял рядом, Миша с гитарой, прошли немного, он сказал, я пойду гитару оставлю, еще Сергей его отговаривал, а он пошел, потом Миша нас нагнал и Сергей в моем пиджаке ему до колен, и он спросил Мишу, как ему пиджак; на танцы рано, но все равно пошли, уже скоро. И совсем по другому танцы, так немного надо, и уже свой. Мы пришли, никого не было, и для тех, кто подходит, мы первые; а по дороге у них разговор, что всегда, когда им на танцы, их встречает одна пластинка, а сегодня встретила другая, смеются — Сергей в моем пиджаке не узнали. Сидим, подходит народ, и подходит Ольга с этим Славой и еще каким-то приятелем и двоюродной сестрой четырнадцати лет, все знакомо, и сестра садится со мной, явно, я ее занимаю, у нас нечего курить, и этот Слава находит нам сигареты, Ольга, покури, каждый раз

делится со мной, а потанцевав, садится рядом; и ясно, разузнала обо мне у Миши. Я попросил спеть, поет, глядит мне в глаза; затем разговоры молодых людей, Славы с приятелем, и перебрасывания названиями книг не к месту, но это знакомый круг людей. И эти ботинки с опорой ноге, и что я присмотрелся, как здесь танцуют, — пошли с Ольгой танцевать. Она только и ждала, когда приглашу. Еще я ей сказал — когда заиграют в ритме, — а уверенность у меня появилась, когда мы перед этим втроем стояли, Сергей с Мишей и я, без пиджака мерз, и чтобы сдержать дрожь, больше от возбуждения, я вспомнил, надо напрячься и кровь побежит скорей, — так вот, Миша коленями перебирал в музыку просто так, я от нечего делать начал тоже, и Сергей, он все время просил показать, как там в Москве танцуют, потому что все время ждал от меня что-нибудь, сразу обратил внимание и даже сказал — смотри, Миша, как хорошо; я отчетливо перебрал от возбуждения его перебор; и вот он у меня остался в ногах, я все время его про себя держал, и в плече; я сказал Ольге — что-нибудь в ритме начнется, мы с тобой пойдем; правда, я не мог понять, то или не то начинаю, вступления дают медленные, а потом переход в шейк; а пока я раздумываю, Ольгу уже пригласят. Во время одного вступления Ольга протягивает в мою сторону папиросу, я подумал, дает покурить, а она хочет сбросить ее, а руку протягивает позвать на танец; еще я назвал остаток папиросы чинариком, они не поняли — что? и изумленно смотрят, смеются; у них говорится бычок; но им понравилось, столичный житель, и слова у него другие. Мы с Ольгой танцуем и я свободно, а когда танцевали медленное до этого, когда просто переступают с ноги на ногу, я ей сказал, что ей лучше бросить все и ехать в Москву петь. Она, правда, сказала — какая я певица, и зря, не вязалось ее уверенностью и азартом. Она при удачных обстоятельствах могла бы быть в звездах, и сразу окружают мальчишки-приятели и совсем маленькие другие девочки, с восхищением смотрят на такие прихоти и огонь. А Слава, возможно, и не любовник, ей нужно проверенное окружение производить эффект, Сережа с Мишей, конечно, не уловили. Это Миша сказал Сергею, что Слава любовник, а Сергей засмеялся — только муж уехал на соревнования. Любовник или нет, ей прежде нужны знакомые, чтобы могли восхищаться ею, а через них и незнакомым передастся. Потом Ольга, этот Слава, второй приятель, двоюродная маленькая сестренка хотят идти, Ольга спрашивает меня — вы нас проводите? и по дороге то обнимается со Славой евреем, то с приятелем, игра, и для двоюродной сестренки, и взгляд на меня, чтобы не отставал, а я без вина не переступаю грань. То меня под руку возьмет, боится оступиться, то подбежит к еврею Славе, поцелует, или просит приятеля, чтобы он ее целовал. А молодые люди отвечали так: приятель, его звали Шурик, просит, чтобы его поцеловала маленькая сестра и показывает, как ему сладко, потом его поцелует Ольга, он нарочно сплюнет после нее, и все смеются. Дошли до палаток, с нами шла Люся, в кассе столовой сидит, и мы с ней вальс танцевали, а она так серьезно сказала — лучше меня придерживай, когда закружусь, я руку отпущу; эта Люся плакала в начале вечера, а Ольга отводила ее, что-то говорила как девочке, утешала; и видно было, что Ольге нравилась такая роль. Дошли мы до палаток, до маленькой на двух человек палатки, где, оказывается, расположились Слава еврей о этом Шуриком, а Ольга пойдет к бабушке и все. У палатки продолжился Ольгин концерт. Она пела много из «Пиковой дамы» за всех героев и за оркестр; и видно, что все дети из состоятельных семей. И вот этот Шурик, приятель, говорит, лежа у Ольги на коленях — Ольга, когда такая-то девочка узнала, кто я такой? Боже мой, все понятно. И голос у него такой. А Слава еврей не похож. Совсем другая картина в сравнении со вчерашней. Ольгу все время зовет, пойдем домой, мне поздно, эта Люся, и, не дождавшись, пошла через лес, никто не встал ее проводить. Ольга с маленькой двоюродной сестренкой тоже поднялись идти, а вы пойдете, Ольга меня спросила, на «вы» — я рядом сидел, ни разу не обнял ее, не взял за руку, и потом по дороге. На прощание пригласила завтра к палатке. Я от нее пошел проверить друзей и заблудился, громко зову — Слава, не слышат, и вижу, палатка, они на второй раз откликнулись, а я первый раз звал в двух шагах; когда мы прощались с ними, когда я пошел с Ольгой и двоюродной сестренкой. Слава весело сказал: нам с Шуриком тоже пора спать, будем любить друг друга; может быть, он в шутку сказал, — я думал, они еще не легли, посижу, послушаю разговоры, они держались учтиво, интересо-

вались, что там в Москве; но я их нашел, а Слава говорит из палатки — а мы уже спим, ты дорогу найдешь? — А, спите? да-да, конечно; так и ушел.

Воскресенье с утра дождь впервые за это время. Опять не найду палатку, а звать громко не хочется; пошел к домику, открывают, бабушка лепешки печет, Миша провел в комнату, накурено, сидят все четверо. Ольга с двумя молодыми людьми в карты играет, и двоюродная сестренка в кровати. Я ночью еще строил планы, как Ольга в Москву устраиваться поедет и Мишу уговорю, договор о зиме на каникулы само собой. Приходит маленькая сестричка; много Мишиного, обещает быть красивой, зубки съедены конфетами; Ольга стала ее целовать приговаривать, как она любит братьев и сестер — красивые, говорит, они у меня? Тут и Слава еврей спрашивает меня, не поехать ли ему поступать в Москву. А вчера, когда Олю провожал, она сказала, что Слава журналист, а Саша учится на врача. Слава, значит, не учится на журналиста, так, в газете подвизается; но тоже вижу, моложе меня и на семь лет, а по виду ровесник. Но готовый журналист, в курсе всего, что делается на свете, все по верхам. Миша стал мне показывать книги, химию, еще научное о натяжении жидкостей, начал об их достоинствах. И тут новый поворот картины. Ольга назвала их фамилию, и как все тесно; это же их отец профессор, и как все приблизилось, были неведомые дети, я их бабушке за занавеску громко сказал, вот, какое у нас через родителей знакомство, чтобы одобрительней относилась, когда захожу за Мишей. А отец Лев Моисеевич; я Мишу спрашиваю — а как же ты о евреях говоришь как-то со стороны, а Миша объяснил — нет-нет, отец не еврей, он русский, только на четверть еврей, и мне все равно, я не разбираю еврей или русские. Так значит, у них мама русская, а отец, потом я узнал, русский наполовину, но наполовину еврей. Они собираются в город, Миша тоже. Миша хочет на три дня ехать с химией, и я с ними. У Ольги дома муж, соберемся у одного из друзей, у Саши медика. Бабушка из-за занавески Мише сказала, чтобы он не ездил, ну, действует наоборот. Еще по дороге он скажет жестокие слова — надоели мне дедушка с бабушкой, хоть бы умерли скорей. Я предложил по дороге к автобусу небольшой кряк ко мне, я перекурить хочу, а они здесь отказались, когда бабушка предлагала. А дома, когда я их рассадил с чаем и мне некуда сесть, Слава или Саша хотели стул высвободить из-под чашек, я отказался, сел на пол, и Миша сказал — пускай, так ему лучше; и мне сказал — я заметил, ты так любишь сидеть; и сам точно так же сел. Они по дороге придумали собираться сегодня. Слава тогда предложил, может быть, мне стоит вернуться, завтра к их сбору приехать. Я сказал, нет, поеду, дела в городе, и то с Ольгой иду, то все же с Мишей, раз все равно приятели с ней обнимаются, а идти далеко, сорок шестой прошел на наших глазах, мы пошли на двадцать шестой. На конечной стоянке там была большая лужа, в середине пень, я перебрался на пень, Миша встал с краю лужи, а остальные пошли к скамейке. Мне бы надо пойти к ним, ясно, что Миша не будет долго стоять с краю лужи, и мы бы тогда рядом с ним там сидели; но вот Миша подошел к скамейке и сел с ними, а мне уже поздно к ним идти, они отметили бы, что пришел за Мишей. Так и сидел отдельно до автобуса. В автобус набралось много народу, я так угадал, чтобы с Ольгой места не было, она с двумя приятелями, а мы с Мишей вперед сели вдвоем. Вдруг он забеспокоился, сумку оставил, автобус еще не тронулся, а в сумке там редкостная переводная «химия». Он стал пробираться к выходу, я держу место, боюсь, как бы не заняли и автобус не тронулся, двоюродная сестренка кричит из-за пассажиров — Миша, нашлась сумка; Миша вернулся, и мы поехали. Я предложил — давай вернемся к окну, чтобы мест не уступать, а Миша говорит — я не могу, всегда уступаю; я еще не расслабался — не уступаешь? Он говорит — наоборот, уступаю; и я говорю — ну и конечно, правильно делаешь. А ему предлагал, думал, ему понравится. Но около нас пожилых не было. Ближе к городу меньше народа стало в проходе, я иногда оглядывался на Ольгу, чтобы не почувствовала, что я с Мишей сел и мне ничего не нужно. Приехали, выходим втроем, Ольга; Миша и я, приятелям дальше. Миша меня перед выходом спросил — ты дальше едешь? мне лучше дальше, я сказал — да нет, выйду с вами, пройду. Возможно, Миша думал, я из-за Ольги. Вышли втроем и не знаю, как с ней разговаривать, она все что-то ждет от меня, ничего не поймет; ну, отменилось сегодня, и, думаю, спишет мое молчание на то, что ей к мужу, с приятелями по дороге обнималась, и меня это омрачило. Так тягостно дошли до их остановки, пойду, говорю; завтра с утра съезжу в деревню, к вечеру к сбору вернусь; хотя, думаю, и не надо возвращаться, так лучше, чем прийти к ним и молчать. А когда мы в деревне к автобусу шли, Ольга сказала: я вам позвоню в городе, и я ей свой телефон сказал, она повторила, а медик Саша, у кого собираемся, мне свой телефон начертил на дороге, показал, как запомнить, симметричные цифры по бокам, — так сейчас прощаюсь мой телефон не вспомнила.

Я из дома ей решил позвонить в опьянении, чтобы поняла, что я пил, и без вина я бы не знал, что сказать. Позвонил, Ольга, давайте сегодня увидимся; она говорит, нельзя, у меня Аркаша (муж) дома, до завтра. Я набрал еще раза четыре, и то никто не подходит, то другой голос говорит, нет дома, то вы не туда попали: я дальше прямо Мишу спрашивал, как будто через него хочу позвать Ольгу, так и он и Ольга могли бы подумать.

На следующий день, понедельник, приехал в деревню поздно, если к вечеру опять в город. Ясно, Мишу они с собой не возьмут. Для Ольги он младший брат, и гораздо младше, чем для меня. И вижу, погода переменялась окончательно, впервые за все время, и беспросветно. Я собираюсь к Мише в домик за гитарой, я у него вчера просил на эти два-три дня поучиться, пока он в городе, он с собой не брал, чтобы не мешала заниматься. И вдруг вижу его спину в сером свитере, он идет от домика вглубь, значит, он вернулся, но одновременно я увидел и уже начал спрашивать в открытую дверь — можно? Дедушка его ответил — да-да, Аркадий? думал, муж Ольги; видит меня — в чем дело? Мне, говорю, Мишу; уже вижу, где Миша, но поздно, уже спросил: Миша, говорит, грузит вещи в машину и они сейчас уезжают. Я нагоняю Мишу, он как раз с другими вещами гитару несет — все, говорю, уже знаю, а я приходил, как у тебя просил, взять гитару. Машина синяя за заборчиком и там отец; и я для отца впервые приятель его детей; здороваюсь, он отвечает сухо — здравствуйте — и поворачивается к багажнику. А всегда здоровался доброжелательно с улыбочкой. Он идет к домику, Миша говорит, они забирают все вещи и уезжают, потому что погода вот так переменялась, меня еще спрашивает, не холодно мне? дождик льет, хотя как раз в этот момент не сильно. Я говорю — так все? он говорит — да нет, может быть, вернемся; но понятно, погода переменялась совсем, и ей давно полагалось, и ведь это и подготавливалось в последние дни, а вчерашний дождь был началом. И как-то еще понятно, и раньше было понятно, но здесь наглядно, что Миша еще ребенок, он ничего не решает, все взрослые, вот как отец с Мишей разговаривает, ведь для отца нет Антиноя одного на сто тысяч мальчиков, а просто шестнадцатилетний сын, с которым надо построже. Я говорю Мише — как отец со мной поздоровался сухо; а Миша говорит, он торопится просто; я и сам вижу, что торопится, но нет, мне ничего не кажется. Не знаю, бабушка с дедушкой сказали ему, что Ольга эти два дня провела с молодыми людьми и приходила домой в два часа ночи, и что я был вчера, я же назвался, и бабушка это связала со мной, и может быть, эти вечерашние звонки, может быть, он слышал, что Ольге звонят и Мише тоже, и настойчиво, четыре раза, конечно, ему неизвестно кто, но я оказался в числе тех молодых людей, с кем Ольга проводила время, это то ему бабушка сказала, она меня теперь знает, и что вот я к Мише пришел, нашел себе друга шестнадцати лет; может быть, этого было и вполтину меньше, но все же все это мне в этом его «здравствуйте» показалось. Пока мы с Мишей стоим, отец несет вещи к забору со стороны домика, таз какой-то просит Мишу принять, так раза два, я каждый раз как будто хочу подойти помочь, но Миша опережает; не как будто хочу, а выходит как будто. И вот еще: я Мише говорю, что я здесь потому, что думал гитару взять, чтобы он не чувствовал прощаний, — так он протягивает мне гитару, — на, — чтобы я поиграл, пока они грузятся. Мишенька. Потом, например, вышла бабушка, и так получается, что я не смог с ней поздороваться, она на таком расстоянии, что для того, чтобы услышала, надо было бы громко и вышло бы слишком нелепо мое старание; но кажется, она и нарочно не смотрит в мою сторону, и у нее ко мне особое отношение, может быть, после того, как она отцу рассказала про Ольгу, и хоть вчера со мной разговаривала, сегодня уже дело другое, у них с отцом теперь отношение новое. Они, конечно, торопятся, но все же; потом мы наедине с маленькой сестренкой, у которой зубы съедены конфетами, все отошли за вещами, я, чтобы не молчать, улыбнулся ей, заинтересовался какой-то медалью, и надпись читаю «Будни-Радости»; оказывается, «Будни-Радуга», все равно непонятно; говорит, она чемпионка здесь, детские соревнования, бега, что ли; я ничего не понимаю, улыбаюсь ей, Миша подходит с вещами — вот, говорит, она у нас чемпионка. Да, я уже знаю. — Нахвасталась, — на нее посмотрел. — Да нет, это я у нее спросил, откуда медаль; и еще остаюсь с Мишей недолго; или это до этого, раз бабушка прошла; он спрашивает — ты телефон мой знаешь? я говорю — знаю; Миша, говорю, ты лучше сам позвони, нечем записать? — Бумага есть, карандаша нет. — Ну, посмотришь в телефонной книге; он математик, надо было сказать, он бы запомнил. Еще думаю, надо сказать, что я вчера звонил, он наверняка был дома и слышал все звонки; может быть, и не слышал, но все равно, выяснится, — вот, говорю, вчера звонил вам, только пьяный был, Ольгу спрашивал, потом тебя. — Пьяный был? — он переспросил так, наверное, знает об этих звонках, и ему объяснилась нелепость четырех или пяти звонков подряд; а может быть, так спросил.

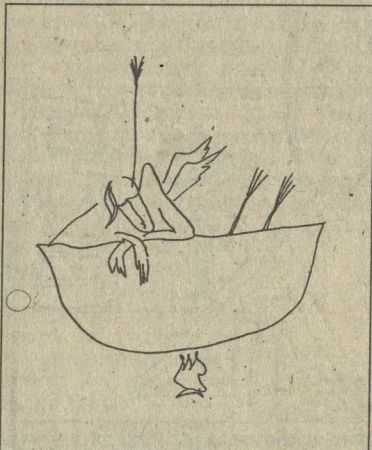
Они садятся, отец говорит, правда, не глядя в мою сторону — до сви-

дания; я говорю до свидания, с большим почтением, и стою смотрю, как поедут. Миша на переднем сиденье с отцом, машина долго разворачивается, я еще думаю, зря иду домой, им по дороге мимо ехать, эта фигура под дождем, ясно, иду домой и только к Мише приходил, не стоило бы, уж очень печально будет, но повернуть поздно, а хорошо бы, что я от машины в другую сторону, как будто обедать шел, но машина, вижу, разворачивается, чтобы выехать назад за забор, по дачной дороге, так не попадусь. И когда они отехали, я пошел тоже по их дороге к автобусу, опять сорок шестой прошел на моих глазах, и как вчера я пошел к двадцать шестому на дальнюю стоянку. Встреча вечером отменилась, я позвонил Саше, он сказал, Ольга не приедет, из-за мужа, значит; и я просто так спросил, где как встретиться, не собираюсь к ним.

Мы не виделись неделю, он, конечно, не звонил, я, пока занимался, тоже старался не звонить, чтобы не менять ничего из того, что вышло; и другое, я думал, позвонить можно будет только после того, как все закончу и все письмо будет оттяжкой и средством удержаться от излишней поспешности. Я позвонил два раза и за это время, но один раз, кажется, никого не было, а один раз сказали, Миши нет дома, может быть, что-нибудь передать? я сказал — нет, спасибо, позвоню еще; когда же положили трубку, понял, что это была Ольга и она мой голос узнала, для того и спросила с заминкой — может быть, что-нибудь передать; чтобы разговор продолжить. Но я сразу не понял и разговора не продолжил, теперь было поздно. А не понял я — я звонил в первой половине дня, она в это время, я думал, на работе. Но я письмом удержал себя на неделю от действий, теперь звоню прошу Мишу, и женский голос, не Ольга, не старый голос, не бабушка, мама, думаю, ответила, мне показалось, — сейчас; отошла звать Мишу, и тут же повесили трубку. Мне от нетерпения уже все равно, я снова набрал. Опять мама подошла и сказала — Миши нет, я ответила, кто его просит? Я назвался, объяснил, что в первый раз не расслышал и показалось, вы пошли его звать. Нет, говорит, я так вам и ответила, что его нет. Я правильно сделал, что перезвонил, а то так бы и думал, что нарочно повесили трубку, и может быть, он даже сам так попросил. А этот день пятница, день танцев, и хорошая погода, думаю, он в деревне. Я скорей туда, к домику — все закрыто, занавески спущены, только банка пустая от чая на подоконнике с той стороны, и у двери старые ботинки, и щетка на длинной палке. Все как было, когда они уехали. Я в эти три дня один раз приезжал сюда и видел эту картину, значит, он еще не приезжал. И завтра в субботу Миша не приехал, и в воскресенье не приехал тоже. В понедельник рано утром я, конечно, в городе, звоню ему, дождался десяти утра. Раньше может спать, позже уйдет. В первый раз никто не подошел. Во второй раз подошел сам, еще думаю, первые звонки услышал сквозь сон, и, может быть, связал, что это я звонил, но все равно. Когда, говорю, в деревню едешь? — Да вот, завтра, или вернее всего, послезавтра, в среду. Я говорю — сейчас буду в твоём районе, надо по делу, выходи на улицу, если ничего не собираешься делать. Ладно, говорит, буду во дворе, объяснил, какой дом, назвал номер и приметы. Я говорю, буду минут через сорок на обратном пути. На пути туда зашел к нему во двор, хорошо бы, думаю, вместе с ним пройти по моему поручению, так бы наглядней было, что я в его районе по делам. Но его нет, я пошел ключи взял, опять к нему, и он свистом окликает со второго этажа. А за эту неделю, ровно неделю не виделись, я, закрывая глаза, не мог в точности его представить, вдруг он стал у меня расплываться, и теперь я его увидел как после большой разлуки. Выходит, говорит — Аркадия видел? как раз за тобой шел; муж Ольги. Нет, говорю, и про себя пожалел, что не обратил внимания, интересно посмотреть, что за муж у Ольги. В кино, спрашивает, пойдём? Да, говорю, только давай лучше в центр; ну как, спрашиваю, твоя химия, выучил? то есть, освободился или нет; нет, говорит, не садился, вчера ездил на дачу, где Ольга с Аркадием, и как там веселей, чем у нас, а в деревне скучно; что в деревне сто дачных домиков, а где он

был, там тысяча. То, что было мне многолюдной жизнью, ему глухой угол. Стал вспоминать, какие в городе фильмы, этот видел, кажется, «Опрометчивый брак», можно пойти. В автобусе разговора нет, вы-

ходим, зайдем, говорю, ко мне. Ты, говорит, иди, я подожду. У них принято видеться на улице, и вся жизнь на улице подальше от глаз родителей, потому так хотят в общежитие или в Москву уехать учиться. Все же зашли ко мне, посмотрели расписание в газете, и в основном идет то, что он видел, а что не видел, неудобно, часа два до начала, я боюсь, он раздумает, и когда вышли, сказал, что газета воскресная, а в понедельник меняют программу, хотя наверняка знаю, смена программы там тоже была, и ее он и читал. Все хорошо, только он по

дороге звонит из автомата предупредить о себе, еще ни у меня ни у него монеты не было и он хотел звонить без монеты, предложил зайти в будку посмотреть его способ; жаль, автомат не работал, и я не послушал, как и с кем бы он дома говорил; когда разменяли, идти с ним в исправный автомат уже неуместно. Еще он рассказал по дороге, у Аркадия мужа Ольги, крест в ладонь величиной на цепи до пояса из чистого золота, он взял у своей бабушки, у нее много драгоценностей и живет она одна в большой квартире, никто, мол, не догадается ее обокрасть; и в нашей квартире опять золото, человек потонул в рюкзаке с золотом, у старухи золотые запасы в бутылках, и он ее хотел обокрасть. Но вот Аркадий мог занять его такой редкой вещью. И за час до сеанса, и после, когда гуляли по центру, ясно, что я ничем его не займу, ничего не знаю, и приятельству совсем не на чем держаться. Незачем ему было звонить мне, у него полно удовольствий, а что я ему предложу. Вот они с приятелем ехали на «Яве», перевернулись в кювет, потому что асфальтовая дорога внезапно переходила в песчаную, и многие кувыркалились так же, а до них даже кто-то насмерть разбился. Я ему на «Яве» не предложу покататься. В среду или даже во вторник, он сказал, придет в деревню, и я не сделал того, о чем всю неделю думал, записать ему московский адрес, и у меня не было карандаша и бумаги, а если бы я у него попросил, у него бы не оказалось, он был в рубашке, приглашение повисло бы в воздухе, пришлось бы в другой раз повторять. А надо в один раз, неназойливо. Я с утра выходил из дому помнил, что нет с собой карандаша, но думал, возьму предусмотрительно, и за расчетливость буду наказан, не

дозвоюсь. Все, как в первый день — стоит на пригорке совсем незнакомый мальчик редкой красоты, на гитаре играет, я для него просто прохожий, и ему наше знакомство ни к чему, ничего для него нет в моих поступках и разговорах, как бы я ни приноравливался.

Во вторник еду в деревню, он сказал, придет во вторник или в среду. Теперь только бы дать ему адрес, иначе нить упущена навсегда. В домике по-прежнему, спущенные занавески, банка чая с той стороны, щетка на длинной палке и старые башмаки у входа. Это я зашел часов в семь вечера, потом еще заходил, осталась среда. В среду с утра заходил, и днем, и вечером часов в восемь, вечером дошел до Сергея, он выглянул в возбуждении, я, говорит, обедаю, ко мне друг приехал, сейчас пойдем на поляну в бадминтон играть; даже, пожалуй, в смущении, что я зашел, а он не составит мне компанию в прогулке. Я пошел назад под обрывом, чтобы Сергей не видел, что домой иду и только к нему заходил, прошла среда, Миша уже не придет. А на завтра я на всякий случай пошел заглянуть в Мишин домик. И вот от забора вижу его черное окно, а оно было белым из-за занавески, я даже глазам не поверил, подошел ближе — ни щетки, ни ботинок, ни банки с чаем, у меня сердце забилось, подумал, приехал, спит еще, или в домике кто-нибудь из родных, а он гуляет, я заглянул в окно — никого нет, все уехали насовсем, сезон кончился, в домике пусто, и все видно из окна в окно. Значит, вчера, когда я поленился поздно прийти вечером, он был здесь, может быть, сегодня утром уехали, с отцом, машиной, раз ни занавесок, ни матрацев, не в руках же он повез. Значит, они насовсем уехали, и адрес не смогу записать, звонить предлагать нельзя, произведет только обратное действие. И три дня осталось до моего отъезда, а они сюда не придут. И вот ведь, опять как в то прощание после солнечных дней лил дождь, как будто нарочно для грусти — после этого прощания все дни было солнечно, в понедельник, когда в кино ходили, жарко было, а тут дождь и я один стою, народу нет в поселке, даже и не попрятались, совсем разъехались. Когда мы с Мишей раньше здесь проходили, был один пустой домик, я всегда смотрелся в стекло, и когда мы с Мишей проходили, он тоже останавливался посмотретья, я думал, в такое темное зеркало не так видны двенадцать лет нашей разницы. В такое черное зеркало не так видны тринадцать лет разницы. Так теперь, я подумал, тот домик был предвестник. Во всех них живут только до осени, все станут пустыми по очереди, а теперь пришла очередь Мишиного домика. Я прошелся еще по всей дачной улице, до самого их купания, даже надежда недолго была вдруг приг здесь. Вчера почти все равно было, а сегодня, из-за того, что так нелепо упустил, ходил-ходил, а когда он приехал, упустил, сегодня опять как тогда. И вечером в городе опять напоминание: один молодой человек вызывал с балкона приятеля точно тем же свистом, как Миша и Сергей, из какой-то известной им западной песни позывные.

Рисунки Е.Харитонова

**ЕСЛИ ВЫ
ХОТИТЕ
ЗАРАБОТАТЬ,**

**распространяйте
журнал «Столица»!**

 для справок:
928-27-69,
928-10-34

**С каждого проданного
номера Вы получите**

**1
рубль.**

Аркадий ИППОЛИТОВ

ИОАКИМ И АННА

(Новый Завет)

Джотто
Явление ангела св. Анне

В каноническом тексте Евангелия мы не найдем подробных сведений о жизни Девы Марии. История ее рождения, жизни и смерти рассказана в более поздних источниках: в апокрифическом Первозангелии св. Иоакима и позже, в XIII веке, в знаменитой «Золотой легенде» Жака де Воразина.

То, что в Евангелии отсутствует повествование о Деве Марии, не случайно. Культ Девы Марии начинается с V века, когда в Византии на соборе в Эфесе она была провозглашена Марией Теотокос, что по-гречески значит «Мать Господа». До этого сравнительно позднего времени образ Девы Марии не привлекал внимания. Отсутствием интереса определялось тем, что еврейская

традиция никогда не воспринимала женщину как богиню. Женщина в иудаизме была героиней и обязательно матерью, в то время как в греческой мифологии женщина-богиня и особенно богиня-девственница всегда пользовалась авторитетом и уважением (достаточно вспомнить Афину и Артемиду).

Благодаря влиянию греческой культуры Дева Мария превратилась в божественную земную Деву — образ, не имеющий аналогов ни в одной другой религии. О популярности культа Матери Господа не приходится говорить, и эта популярность привела к созданию вышеупомянутого цикла Первозангелия.

Рассказ начинается задолго до рождения Марии. В

Вифлееме жила благочестивая супружеская пара: Иоаким и Анна. Свято выполняя все предписания религии, они были лишены одной из главных милостей Бога — у них не было детей. В иудаистской традиции бесплодие — одна из самых страшных кар, какие только могут быть, свидетельство отверженности от Бога. Придя в храм в очередной раз принести жертву, Иоаким был изгнан из храма первосвященником на глазах у всего города. В унынии он удаляется из стен родного Вифлеема, найдя пристанище у пастухов. Там он предаётся скорби — сюжет, получивший поэтическое название в русской традиции «Плач Иоакима».

В то же время ему во сне

А. Дюрер. Явление ангела Иоакиму

является ангел, возвещающий о чуде: Иоаким станет отцом. Тогда же ангел является и Анне, его супруге, оставшейся в городе, с той же вестью. Радостные, они спешат навстречу друг другу.

Рассказ об Иоакиме и Анне лег в основу знаменитого цикла фресок Джотто в Капелле дель Арена в Падуе. Еще Вазари провозгласил эти фрески XIV века основой всей современной, т.е. ренессансной живописи.

Во фресках Джотто отсутствуют какие-либо детали. Повествование разворачивается в символическом пространстве, лишенном каких-либо подробностей, но наделенном большой эмоциональной достоверностью. Во фреске «Иоаким у пастухов» изображение необычайно скупое: среди пейзажа, условно обозначенного деревьями и несколькими холмами, Иоаким встречает два пастуха со стадом овец. Все пропорции во фреске условны: крошечные овечки на тоненьких ножках, слишком велика фигура Иоакима по сравнению с пастухами, абсолютно произвольно решено

пространство. Но полная смирения фигура Иоакима выражает столь реальные чувства, что отвлеченность изображения обладает психологической убедительностью. Бегство Иоакима из города воспринимается как возвращение к милосердной природе, успокаивающей оскорбленного.

Столь же просто изображает Джотто и чудо. В условном, как театральный макет, интерьере преклонила колени св. Анна. Сквозь стену к ней проникает благая весть, воплощенная в фигуре ангела. Стена не перерубает фигуры вестника, как в более поздних произведениях, что подчеркивает духовность видения: Анна видит ангела внутренним, духовным взором. Сцена лишена какой-либо прямой символики, если не считать изображения Бога-Отца, несомого двумя ангелами, на фронтоне дома. Но фигура св. Анны, с достоинством внимающей благой вести, сама воспринимается как символ благочестия.

По-другому трактует те же сюжеты Альбрехт Дюрер в своей серии гравюр. В отли-

чие от скупой пластики Джотто Дюрер насыщает свое повествование деталями. Все пространство гравюры заполнено изображением, отличаясь от разреженного пространства фресок Джотто. В сцене «Первосвященник отвергает жертву Иоакима» поверхность листа заполнена деталями символического значения. Облупленные стены синагоги намекают на разрушающееся здание старой религии перед приходом новой. Служитель, который читает сквозь очки книгу, обозначает ложное знание, тщетно ищущее мудрости с помощью праздных ухищрений человеческого разума. Одинокая свеча вверху, расположенная прямо над фигурой св. Анны, олицетворяет грядущий светоч истинной веры, принесенной в мир Богоматерью.

Столь же усложнена и сцена явления ангела Иоакиму. Дюрер подробно изображает лесной пейзаж, фигуры пастухов в современных художнику одеждах, пасущееся стадо. Из путаницы линий возникает изысканная фигура ангела, несущего, благую весть Иоакиму в виде свитка

с печатями. Божественная весть о дарованной милости похожа на папские буллы того же времени.

Фреска Беноццо Гоццоли, флорентийского художника XV века, совмещает в себе южную пластичность Джотто и северную усложненность Дюрера. Не будучи гениальным художником, Гоццоли создает просто иллюстрацию к повествованию, полную обаяния кваттроченто.

Циклы на сюжеты из жизни Марии были особенно популярны в XIV—XV вв., в эпоху поздней готики. Художников и зрителей привлекала человечность рассказа о бабушке и дедушке Иисуса, делающего Бога ближе и реальнее. В XVI веке и позже, в эпоху барокко, этот сюжет почти исчезает из живописи из-за распространеннейшей в католицизме версии непорочного зачатия Девы Марии. К концу девятнадцатого века версия стала догматом. Родители непорочно зачатой Богоматери деликатно отошли на второй план, и история Иоакима и Анны навсегда потеряла свою актуальность.

А. Дюрер. Первосвященник отвергает жертву Иоакиму

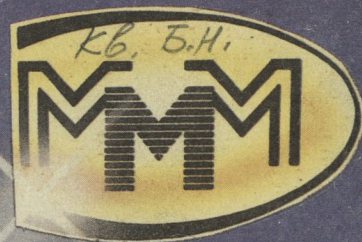

Беноццо Гоццоли. ИЗГНАНИЕ ИОАКИМА

Джотто. ИОАКИМ У ПАСТУХОВ

индекс 73746

**Из тени в свет
перелетая...**